

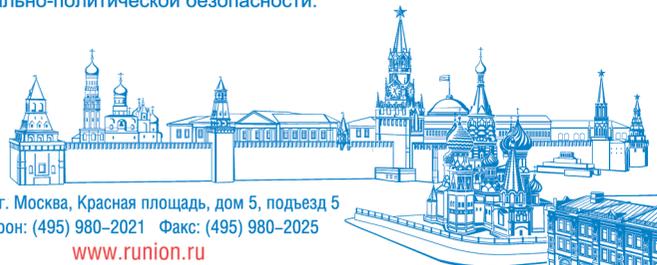
Общероссийская общественная организация помощи и содействия инвалидам и лицам, нуждающимся в социальной защите

СОЮЗ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ РОССИИ

Основными направлениями деятельности «Союза» являются:

- оказание всесторонней помощи инвалидам и лицам, нуждающимся в социальной защите;
- содействие повышению уровня качества жизни населения и выполнению программ по преодолению бедности в стране;
- укрепление социального согласия и снижение уровня угроз социально-политической безопасности.

109012, г. Москва, Красная площадь, дом 5, подъезд 5
Телефон: (495) 980-2021 Факс: (495) 980-2025
www.runion.ru

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

военно-теоретический журнал

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • ИЗДАЕТСЯ С 1 ИЮНЯ 1918 ГОДА

С ДНЕМ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК!

2008 № 10 октябрь
Военная Мысль

Внимание! Электронную версию журнала читайте на сайте
Министерства обороны РФ – <http://www.mil.ru>
E-mail: voenmysl@mail.ru
Журнал находится в свободной продаже в РИЦ МО РФ.

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков
по каталогу Роспечати – 70203
по каталогу ООО «Вся пресса» – 12750

ISSN 0236-2058 Военная Мысль. 2008. №10. 1 – 80

№ 10 2008
ОКТАБРЬ

День Сухопутных войск

1 ОКТЯБРЯ наша страна и ее Вооруженные Силы отмечают **День Сухопутных войск**.

Свою историю Сухопутные войска ведут от княжеских дружин Киевской Руси. Днем образования Сухопутных войск считается **1 октября 1550 года**, когда Царь Всея Руси Великий Князь Иван IV (Грозный) издал Указ о создании стрелецких полков, которые явились первым постоянным войском русского государства, имевшем признаки регулярной армии.

В ознаменование этого события в российской военной истории Указом Президента Российской Федерации от 31 мая 2006 года № 549 установлен День Сухопутных войск России – 1 октября.

Яркими страницами вписаны в военную историю Отечества разгром рыцарей Ливонского ордена дружинами князя Александра Невского на льду Чудского озера (1242), победа полков Великого Князя Московского Дмитрия Донского над ордами Мамаю на Куликовом поле (1380), разгром шведов под Полтавой армией Петра I (1709), победы суворовского гения при Рымнике (1789) и Измаиле (1790), изгнание наполеоновской армии войсками М.И. Кутузова (1812).

Подвигами российских солдат и офицеров на бастионах Севастополя (1854–1855), на Шипкинском перевале и под Плевной (1877–1878), у стен Порт-Артура и на полях Манчжурии (1904–1905), в ходе Первой мировой войны (1914–1918) создана бессмертная слава русского оружия.

В годы Великой Отечественной войны решающий вклад в разгром жестокого, опытного и сильного врага внесли именно Сухопутные войска, одержавшие победы в грандиозных сражениях под Москвой, Сталинградом, Курском, на Висле, Дунае и Одере, разгромившие Квантунскую армию в Манчжурии.

Продолжая героические боевые традиции, личный состав Сухопутных войск и сегодня с честью выполняет свой воинский долг. Ярким примером тому является проведенная в августе этого года миротворческая операция в Кавказском регионе по принуждению Грузии к миру, в которой Сухопутные войска, решая основные задачи, показали хорошую полевую выучку, высокий моральный дух и профессионализм.

Кропотливо работая над повышением своего боевого мастерства, надежно и качественно выполняя различные задачи, Сухопутные войска вносят весомый вклад в повышение боевой мощи наших Вооруженных Сил и обеспечение надежной военной безопасности России.

Сердечно поздравляю личный состав и ветеранов Сухопутных войск с этой памятной датой. Желаю всем крепкого здоровья, счастья и дальнейших успехов в службе на благо нашей великой Родины.

**Главнокомандующий Сухопутными войсками
генерал армии**

В. Болдырев

4 октября – День Космических войск

В СООТВЕТСТВИИ с Указом Президента Российской Федерации от 3 октября 2002 года 4 октября отмечается День Космических войск. Праздник приурочен ко дню запуска первого искусственного спутника земли, открывшего летопись космонавтики, в том числе и военной.

Космические войска Министерства обороны России были созданы в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 24 марта 2001 года. До этого времени функции обеспечения космической безопасности выполняли военно-космические силы, входившие в состав Ракетных войск стратегического назначения.

День Космических войск – это праздник тех, кто посвятил себя работе над созданием космических аппаратов оборонного назначения, кто осуществляет их запуски. Выполнение космических оборонных программ – важнейшее стратегическое направление государственной политики в сфере национальной безопасности.

Но существование Космических войск является не только одним из основных показателей военного могущества государства. Это прежде всего показатель экономического, научного развития страны, ее потенциала в области высоких технологий.

20 октября – День военного связиста

ВОЕННАЯ связь является неотъемлемой составной частью управления Вооруженными Силами, его материальной основой. От ее состояния и функционирования во многом зависят оперативность руководства войсками, своевременность применения боевых средств и оружия.

В своем развитии военная связь прошла большой и сложный путь, неразрывно связанный с историей создания Вооруженных Сил, изменением форм и способов их применения, совершенствованием военного искусства.

От простейших звуковых и зрительных средств связи для передачи сигналов и команд непосредственно на поле боя до широко разветвленных многоканальных современных автоматизированных систем, способных обеспечивать связь практически на неограниченную дальность как со стационарными, так и подвижными объектами, находящимися на земле, на воде, под водой и в воздухе, – таков исторический путь развития и совершенствования военной связи.

Современная система связи – это сложный многофункциональный организм, включающий многочисленные узлы связи различного назначения, многие тысячи километров линий радио-, радиорелейной, тропосферной, проводной и других видов связи.

24 октября – День подразделений специального назначения

24 ОКТЯБРЯ 1950 года военный министр СССР Маршал Советского Союза А.М. Василевский издал директиву, предписывающую сформировать 46 рот специального назначения. С течением времени структура и количественный состав армейского спецназа менялся не один раз, но суть его предназначения в принципе оставалась всегда одной и той же.

Сейчас подразделения специального назначения – это военизированные формирования федеральных органов государственной власти, имеющие собственные условные наименования («Альфа», «Витязь», «Вымпел», «Русь»). Они предназначены для контртеррористических действий, действий по розыску и задержанию особо опасных и вооруженных преступников, ликвидации преступных групп, освобождению заложников и проведения других специальных операций.

Основной особенностью подразделений специального назначения является их относительно небольшой состав, отличная подготовка, дерзость, внезапность, инициативность, быстрота, согласованность действий; умелое использование ударных и маневренных возможностей вооружения, военной техники, а также защитных свойств местности, времени суток, погодных условий.

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

10 октябрь 2008

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИЗДАЕТСЯ С 1 ИЮНЯ 1918 ГОДА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С.В. Родиков
(главный редактор)
А.В. Алешин
А.В. Белоусов
О.В. Бурцев
В.Н. Бусловский
Н.И. Ваганов
М.Г. Вожакин
М.А. Гареев
А.Г. Герасимов
В.Е. Евтухович
О.А. Иванов
В.И. Исаков
Е.А. Карпов
А.Ф. Клименко
А.Ф. Маслов
Н.Г. Михальцов
А.А. Ноговицын
О.Н. Остапенко
А.В. Осетров
В.А. Попов
М.М. Попов
В.А. Поповкин
А.С. Рукшин
Е.И. Семенов
(отв. секретарь редакции)
В.К. Синилов
В.В. Смирнов
В.Г. Халитов
Ю.М. Чубарев
(зам. главного редактора)
А.А. Швайченко

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

119160, г. Москва,
Хорошевское шоссе, 38д.
Редакция журнала
«Военная Мысль»

Телефоны:
693-58-94, 693-57-73
факс: 693-58-92

Вниманию авторов!

Для выплаты авторского гонорара необходимо сообщать в редакцию свой ИНН, адрес, серию и номер паспорта, дату рождения и номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования.

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Н. А. МОЛЧАНОВ – Информационный потенциал зарубежных стран как источник угроз военной безопасности РФ.....2

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

А.Н. ВАУЧСКИЙ – Направления развития международной кооперации при создании вооружения (на примере кораблестроения).....10

ВОЕННАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

И.С. ДАНИЛЕНКО – От прикладной военной науки – к системной науке о войне.....23
А.В. КИРИЧЕНКО, С.В. ХАРЧЕНКО – Совершенствование перевозок воинских грузов.....33

В ИНОСТРАННЫХ АРМИЯХ

С.Л. ПЕЧУРОВ – Гражданско-военные отношения в англо-саксонской системе руководства вооруженными силами.....38
А.А. МИГУНОВ – О реформе вооруженных сил Китая и развитии российско-китайских отношений.....52
М.Н. БАКОВИЧ – Организационно-правовое регулирование подготовки офицеров запаса для вооруженных сил США и Великобритании.....59

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В.В. СЕРЕБРЯННИКОВ – 50 лет возрождения военной социологии в России 67

ИНФОРМАЦИЯ И СООБЩЕНИЯ

И.В. ЕРОХИН – Воздушно-космическая сфера и вооруженная борьба в ней.....76

Информационный потенциал зарубежных стран как источник угроз военной безопасности РФ

*Генерал-лейтенант Н.А. МОЛЧАНОВ,
доктор военных наук, профессор*

РАЗВИТИЕ мирового сообщества наглядно демонстрирует, что в настоящее время критически важным государственным ресурсом, обеспечивающим национальную безопасность стран, становится информация. При этом системы, обеспечивающие управление информационными потоками, являются неотъемлемым компонентом структуры управления государством, экономикой и обороной. Возможность воздействия на них противостоящей стороны как в явном, так и в неявном виде рассматривается любым государством в качестве прямой угрозы его национальным интересам. Например, военно-политическое руководство США считает мировое информационное пространство сферой своих жизненно важных интересов, контроль над которой позволяет им осуществлять стратегические цели глобального доминирования. Используя свое преимущество в области разработки, производства и применения вычислительной техники и программного обеспечения, средств телекоммуникации и связи, США стремятся установить контроль над международной информационной инфраструктурой, распространить на нее свою юрисдикцию.

Осознавая, что информация и процессы, связанные с ее сбором, обработкой, хранением и распределением, являются основой современных военных действий, а господство в информационном пространстве — залог успеха в реализации перспективных задач вооруженных сил, военно-политическое руководство США поставило перед ними задачу достижения информационного превосходства над противником как приоритетную на ближайшие 20 лет.

Растущая зависимость развитых стран от эффективности систем и средств обработки, передачи и использования всех видов информации (политической, экономической, научно-технической, военной и др.) привела к появлению нового понятия — «информационный потенциал государства». Этот термин определяется как **возможность государства обеспечить информатизацию общества, под которой понимается организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов.** Формирование информационного потенциала государства осуществляется за счет развития научно-технического и экономического потенциалов в ходе информатизации страны. При этом взаимное влияние потенциалов приводит к повышению эффективности влияния каждого из них на процесс наращивания военной мощи государства.

В информационном потенциале государства можно выделить **три основных компонента: инфраструктурный, управленческий и собственно информационный.**

Инфраструктурный компонент объединяет научно-исследовательские организации и центры анализа информации, вырабатывающие аналитико-прогностическую информацию и подготавливающие све-

дения для системы подготовки и принятия решений; органы научно-технической, экономической, политической и другой информации, обеспечивающие или непосредственно осуществляющие информационное оповещение специалистов; базы данных, осуществляющие сбор, обработку, индексацию, каталогизацию и хранение информации в различных областях знаний; информационные и телекоммуникационные системы, осуществляющие сбор, каталогизацию, хранение и циркуляцию всех видов информации собственно в информационной инфраструктуре государства.

Управленческий компонент включает специалистов, обладающих специальными знаниями и навыками в области сбора, переработки, хранения, поиска и распространения информации. К нему же относятся и органы управления, принимающие решения по вопросам информационного обеспечения, а также информационно-поисковые системы и системы управления базами данных, обеспечивающие их эффективное использование.

Информационный компонент представляет собой наличные и доступные знания, зафиксированные на материальных носителях и передаваемые по системе телекоммуникаций с целью их восприятия и использования в системах подготовки и принятия решений. Эти знания образуют **информационный ресурс**, под которым понимаются отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, базах данных, других информационных системах). Наиболее значимыми составляющими информационного ресурса государства являются информационные ресурсы государственных органов, коммерческих организаций, неправительственных общественных организаций, а также частных лиц.

В качестве тенденции развития информационных ресурсов зарубежных государств необходимо отметить **ужесточающийся государственный контроль за потоками информации**, в том числе и в сети Интернет. Это обусловлено выдвиганием в число приоритетных задачи обеспечения информационной безопасности государства, и в первую очередь объектов критически важных национальных информационных инфраструктур. К ним относятся инфраструктуры основополагающих отраслей национальной экономики и объекты жизнеобеспечения, нарушение функционирования которых может причинить серьезный ущерб экономике или снизить военную мощь страны.

Значение обеспечения безопасности критически важных национальных информационных инфраструктур было подчеркнуто президентом Бушем, который отметил, что революция информационных технологий изменила способы ведения бизнеса, государственного управления и обеспечения национальной обороны, а все три эти функции сейчас зависят от взаимозависимой сети критически важных информационных инфраструктур.

Военно-политическое руководство США выделяет **четыре типа угроз, характерных для информационной инфраструктуры**.

Первый — умышленное нарушение нормального функционирования информационных процессов и вывод из строя объектов информационной инфраструктуры. К примерам такой деятельности американские специалисты относят разного рода нарушения сеансов информационного обмена или проведения каких либо электронных финансовых операций, срыв проведения электронных конференций и переговоров, провоцирование сбоев в работе различных объектов национальной информационной инфраструктуры, в том числе обеспечивающих управ-

ление сложными техническими системами, отнесенными к категории критически важных.

Второй — незаконное получение и использование информации и данных. К этой группе угроз относят разноплановую криминальную деятельность, начиная от незаконного получения паролей доступа до проникновения в федеральные информационные сети и системы. При этом основная сложность в расследовании преступлений такого рода связана с идентификацией источника враждебного информационного воздействия, в качестве которого может выступать как отдельный хакер, так и хорошо организованная команда профессионалов, работающая в интересах государства — вероятного противника.

Третий — манипуляция информацией с целью достижения политических, экономических, военных преимуществ или удовлетворения собственных амбиций правонарушителей. Такого рода информационные атаки могут проводиться комбинированно, совместно с атаками, отнесенными к первой и (или) второй группе. Особенность угроз данного типа заключается в том, что нельзя однозначно оценить ущерб от их реализации. Если в некоторых случаях это может быть основанием для какого-либо официального заявления и негативные последствия оперативно устраняются, то иногда ущерб бывает гораздо более значительным, особенно когда такого рода атаки остаются не обнаруженными и связаны с манипулированием финансовой, экономической или военной информацией. Примером реализации такого вида угроз является действия военно-политического руководства западных стран в ходе конфликта в Южной Осетии в августе 2008 года, когда, используя свое влияние на глобальные СМИ, была предпринята попытка навязать мировому общественному мнению необъективную информацию о событиях в данном регионе.

Четвертый — разрушение или уничтожение объектов критически важной инфраструктуры государства и его ВС путем воздействия на них через информационно-управляющие сети. Реализация угроз этой группы может иметь значительные негативные последствия как для экономики страны, так и для ее безопасности. Это подтверждается результатами информационных атак на объекты жизненно важной инфраструктуры в Сербии (1999), целями которых были отдельные системы энергоснабжения и переработки топлива. Более свежим примером являются действия ВС Израиля в ходе проведения в сентябре 2007 года операции «Вишневы сад» по уничтожению крупного сирийского строительного объекта. Подавление радиолокационных станций средств ПВО также было осуществлено путем проведения компьютерной сетевой атаки.

Формирование информационных ресурсов военной составляющей государства происходит путем внедрения в практику военного дела передовых достижений в области информационных технологий, которые позволяют в значительной степени повысить оперативность подготовки и принятия решений на всех уровнях управления войсками. Процесс информатизации ВС осуществляется как за счет привлечения национальных информационных ресурсов, обеспечивающих рост потенциала государства, так и за счет информационных ресурсов собственно военного ведомства.

Сложившаяся в настоящее время теория *военного потенциала государства* объединяет все аспекты деятельности его институтов, направленные на накопление и использование военной мощи страны, призванной обеспечить ее национальные интересы. Изменение уровня военного потенциала происходит в результате изменения его взаимо-

связанных и взаимозависимых элементов: собственно военного, военного научно-технического, военно-экономического и военного информационного потенциалов.

Военный информационный потенциал является частью информационного потенциала государства, обеспечивающей повышение качественного уровня элементов военного потенциала. Как и в информационном потенциале государства, в военном информационном потенциале можно выделить те же три компонента: инфраструктурный, управленческий и информационный. По составу они в целом повторяют аналогичные компоненты информационного потенциала государства, которые однако более специализированы на решение задач обеспечения военных операций.

Военный информационный потенциал, например, в США реализуется через информационные ресурсы военного ведомства, функционирующие в рамках создаваемой информационной инфраструктуры, информационные ресурсы министерства энергетики, НАСА, разведывательного сообщества и других органов, обеспечивающих обороноспособность страны, а также через организационные структуры, отвечающие за процесс информатизации в этих учреждениях.

Необходимо отметить важную роль, которую американское военно-политическое руководство отводит разведывательному управлению министерства обороны (РУМО). В настоящее время эта организация предназначена не только обеспечивать военное командование соответствующей информацией, но и должна стать полноправным участником коалиции организаций, занимающихся обеспечением национальной безопасности. Ее деятельность будет направлена на предотвращение нежелательных для США конфликтов за счет сбора информации, в том числе и с использованием правительственных, частных и публичных информационных ресурсов, и принятия соответствующих упреждающих мер. По взглядам американского военного руководства, военная разведка должна уделять особое внимание организации взаимодействия с такими структурами, как интернет-издания, глобальные радио- и телесети, которые, с одной стороны, обладают значительными возможностями по сбору информации, а с другой — возможностями по формированию необходимого общественного мнения в нужном месте и в нужное время. Данное положение изложено в «Единой оперативной концепции», «Операции по сдерживанию», версия 2, 2006 года издания.

Роль информационной составляющей в военном потенциале ведущих зарубежных стран неуклонно возрастает. На современном этапе высшее военное руководство США, других стран НАТО и Китая, реализуя достижения в области информационных технологий, уделяют особое внимание повышению эффективности ведения боевых и других действий в операциях будущего, в первую очередь за счет качественного повышения возможностей в сфере управления войсками. **Надежное функционирование системы управления становится возможным при наличии тесных и взаимопроникающих связей внутри сложной системы боевого пространства, включающей информационную, разведывательную и боевую подсистемы.** В США задачи сопряжения подсистем возлагаются на *единую глобальную систему связи и информационного обеспечения*, объединяющую в единое целое инфраструктуру МО США и организационные структуры системы государственного управления.

Реализация преимуществ в сфере управления войсками нацелена на построение *единого информационно-коммуникационного пространства*. В его рамках любые источники информации, системы оружия всех видов вооруженных сил и системы управления будут объединены посред-

твом локальных, территориальных и глобальных систем связи наземного, морского, воздушного и космического базирования, обладающих высокой мобильностью, скоростью развертывания и пропускной способностью. С построением единого информационно-коммуникационного пространства ВС США, как ожидается, получают преимущество в возможности нанесения **упреждающего глобального информационно-огневого удара, лишаящего противника шанса организовать хоть какое-нибудь активное сопротивление.**

Одной из основных в строительстве единого информационно-коммуникационного пространства является стратегическая программа министерства обороны США создания **глобальной информационно-управленческой сети**, предназначенной для информационного обеспечения всех элементов системы национальной безопасности страны, в том числе и вооруженных сил. Она объединяет взаимосвязанные распределенные вычислительные системы коллективного пользования, локальные вычислительные сети, системы связи, базы данных, системы компьютерной и сетевой безопасности, средства обучения пользователей, а также другие элементы, предназначенные для централизованного удовлетворения всех информационно-технических потребностей системы управления войсками и органов административного управления. Работы по созданию сети предусматривают реализацию ряда взаимосвязанных программ различных министерств и ведомств США. На эти цели в ближайшие 10 лет планируется израсходовать порядка 200 млрд долларов.

Таким образом, **военный информационный потенциал на современном этапе является важнейшим неотъемлемым компонентом военного потенциала государства и его роль и место с течением времени будут только возрастать.** Новизна, значимость и высокая динамика развития этого потенциала ставят перед исследователями определенные проблемы, требующие порой нетривиальных методов решения. Прежде всего требуется разработать концептуальные основы, терминологию, понятийный аппарат, критерии и показатели оценки военного информационного потенциала, вскрыть основные направления научно-технической и экономической политики в этой области, тенденции и перспективы развития процесса информатизации, выявить организационные, технические и технологические компоненты информационных инфраструктур военных ведомств основных зарубежных стран, а также усовершенствовать методический аппарат исследований, разработать программно-аппаратные комплексы доступа к национальным и ведомственным информационным ресурсам.

Военный информационный потенциал является важнейшим объектом воздействия и защиты в ходе информационного противоборства, которое ведется как в целях обеспечения задач, решаемых на государственном уровне, так и в целях обеспечения операций вооруженных сил.

В целях обеспечения задач, решаемых на государственном уровне, предполагается оказывать целенаправленное, главным образом **информационно-психологическое воздействие** как на военно-политическое руководство потенциального противника, так и на руководство союзных стран. При этом применяются следующие способы: политические, дипломатические и экономические акции; психологические операции (в том числе подрывные); политическая и экономическая поддержка оппозиционных групп и движений; проникновение в системы государственного и военного управления; мероприятия по разрушению и искажению информационных ресурсов, а также по введению в заблуждение противника и защите собственных информационных ресурсов.

В США совокупность используемых способов, сил и средств оказания информационно-психологического воздействия при решении задач информационного противоборства на государственном уровне составляет содержание такого нового понятия как «стратегическая коммуникация». **Стратегическая коммуникация США использует следующие основные инструменты:**

публичная дипломатия — целенаправленное информирование международной общественности, а также установление и поддержание контактов в сфере образования и культуры, нацеленное на формирование привлекательного образа страны;

связь с общественностью — деятельность, осуществляемая службами по связям с общественностью, входящими в организационную структуру Белого дома, Совета национальной безопасности, а также министерств, ведомств и военных командований ВС США с целью информирования и оказания воздействия на население и средства массовой информации США;

международное вещание — деятельность служб, финансируемых правительством США, направленная на распространение новостных сообщений, информации, программ публичной дипломатии, а также развлекательных программ посредством радиовещания, спутникового телевидения и глобальной сети Интернет;

психологические операции, проводимые с использованием средств массовой информации — осуществление заранее спланированных мероприятий, предусматривающих доведение специально подготовленной информации и психологических установок объекту воздействия с целью принятия им благоприятных для США решений.

В полной мере **все инструменты стратегической коммуникации США проявились в ходе обеспечения американцами поддержки действий Грузии в ходе конфликта в Южной Осетии (август 2008)**. В частности были осуществлены следующие мероприятия:

дезинформация относительно того, кто является агрессором в данном конфликте;

фальсификация хронологии событий, искажение информации с мест боевых действий, завышение потерь российских ВС;

использование трибуны Совета Безопасности ООН для формирования благоприятного для грузинской стороны мирового общественного мнения;

активное сотрудничество высших должностных лиц Грузии с глобальными СМИ путем дачи интервью на английском языке;

вброс информации о якобы имеющей место «гуманитарной катастрофе» в Грузии;

прекращение вещания российских телевизионных каналов на территории Грузии;

активное использование возможностей глобальной сети Интернет для распространения специально подготовленной дезинформации, сообщения о «победах» грузинской армии в начале конфликта;

попытки блокирования российских англоязычных Интернет-изданий;

изоляция населения Грузии от информации о реальном состоянии и действиях сторон, участвующих в конфликте;

подготовка и проведение диверсионных акций, провокаций и их тенденциозное освещение в средствах массовой информации с целью дискредитации РФ и ее ВС;

демонстрация по телевидению сфальсифицированных фактов жестокого отношения российских солдат к мирному населению;

дезинформация об уничтожении городов Грузии ВВС России.

В целях обеспечения операций вооруженных сил при ведении информационного противоборства предусматривается комплексное использование различных сил и средств, а также проведение необходимых мероприятий с применением вооруженных сил во всех звеньях управления вероятного противника в интересах достижения над ним информационного превосходства и обеспечения защиты своих систем управления войсками, боевой техникой и оружием от аналогичных действий противника.

Основной формой ведения информационного противоборства при обеспечении операций вооруженных сил (любого масштаба, вне зависимости от преследуемых целей) является *информационная операция*, которая определяется как совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту и времени информационных воздействий на объект или группу объектов государственного или военного уровня противника, проводимых по единому замыслу и плану в мирное и военное время. Информационные операции подразделяются на *наступательные, оборонительные и специальные*, проводимые как последовательно, так и одновременно.

Зарубежными экспертами выделяются **следующие виды информационных операций**: *радиоэлектронная борьба; операции в компьютерных сетях*, к которым относятся, во-первых, операции по воздействию на компьютерные сети противника с целью дезорганизации, снижения эффективности их работы и невозможности использования или полного уничтожения, во-вторых, операции по защите компьютерных сетей своих ВС от воздействия на них противника, от взаимных помех работающих радиоэлектронных систем своих ВС и обеспечению безопасности и устойчивости работы сетей, и, в-третьих, операции по использованию компьютерных сетей противника с целью несанкционированного доступа к информационным ресурсам, извлечения из них и использования в своих интересах секретной информации, преднамеренного искажения и подмены контента для дезинформации, *операции по оказанию информационного воздействия*, которые включают психологические операции, военную дезинформацию, обеспечение безопасности действий войск (сил), контрразведывательные операции, операции по противодействию пропаганде противника, связь с общественностью.

Разработка и реализация эффективных способов и приемов информационного противоборства с использованием передовых компьютерных технологий окажут огромное воздействие на характер проведения операций в ближайшем будущем и **могут превратить военную кампанию в одну большую «информационную войну»**. Это обусловлено тем, что, *во-первых*, новые информационные технологии значительно повысят объем, точность и скорость передачи, обработки и анализа данных, в результате чего командные и управленческие структуры всех степеней поднимутся на принципиально новый уровень планирования операций и управления войсками. *Во-вторых*, будущие технологии повлекут за собой изменение структуры управления войсками с учетом того, что передача данных будет осуществляться как традиционно по иерархической вертикали, так и по горизонтали — циркулярно по всем вышестоящим и подчиненным звеньям.

На сегодняшний день основным документом, где изложен порядок ведения информационного противоборства в целях обеспечения операций ВС США является концепция «Борьба с системами управления». В ней определен порядок комплексного использования средств и методов обеспечения безопасности операций, военной дезинформации, психологических операций, радиоэлектронной борьбы и физического уничтожения, их обеспечения данными разведки для негативного влияния на ка-

чество информации противника, вплоть до ее разрушения, уничтожения или воспрепятствования прохождения до органов и систем управления, одновременно с эффективным применением средств и методов защиты собственных органов и систем управления от аналогичных действий противника. Борьбу против систем управления противника предполагается вести во всем оперативном пространстве и на всех уровнях конфликта.

Отличительной чертой данной концепции является *комплексное (интегрированное), скоординированное* использование всех этих элементов с целью **уже в мирное время на этапе подготовки операций (компаний) оказывать влияние на процесс принятия решений командованием противостоящей группировки в выгодном для американских войск направлении**, а с началом военных действий — снизить эффективность или разрушить систему управления противника, завладеть и удерживать информационное господство.

Военно-политическое руководство США считает, что реализация новых информационных технологий при проведении информационных операций будет способствовать подходу вплотную к новой революции в военном деле, которая позволит США после 2010 года не только кардинально изменить характер военных действий, но и оказывать влияние на военно-политические решения, принимаемые на государственном уровне, обеспечивая гарантированную безопасность и устойчивость национальной информационной инфраструктуры и ее составных элементов, а также достижение и удержание информационного превосходства над противником.

По оценкам военных специалистов США, значение информационной войны в современных условиях возрастает по экспоненте в связи с широким внедрением компьютеров и значительным ростом их возможностей, использованием высокоскоростных средств связи и новейших систем сбора информации.

Военными аналитиками США подчеркивается, что **ущерб экономике страны от нарушения функционирования вычислительных систем в структурах государственного управления и финансовых организациях можно сравнить по последствиям только с применением против США ядерного оружия**. И хотя, на первый взгляд, такое нападение не сопровождается катастрофическими разрушениями физических объектов и человеческими жертвами, поражение в информационной войне навсегда отбрасывает проигравшие страны на обочину мировой истории. Как только США, Япония или другие высокоразвитые страны добьются подавляющего преимущества в информационной области, они смогут с достаточно высокой степенью вероятности моделировать поведение остальных стран, «заставлять» их делать определенные ходы, т. е. они получают почти неограниченные возможности управления побежденными странами. В информационной войне победитель уже никогда не потеряет своего преимущества, так как он может предсказывать и контролировать все действия побежденной стороны. Чтобы не оказаться в обидном положении проигравшей стороны, **государство и общество должны признать наличие угрозы боевых информационных действий**.

Таким образом, информационное противоборство становится одной из форм борьбы между государствами, системой мер, проводимых органами государственного и военного управления по единому замыслу и плану с целью достижения информационного превосходства в сфере управления государством и вооруженными силами путем воздействия на военно-политическое руководство и информационный (в том числе и военный) потенциал иностранных государств и защиты от аналогичных действий с их стороны.

Направления развития международной кооперации при создании вооружения (на примере кораблестроения)

*Капитан 1 ранга А.Н. ВАУЧСКИЙ,
доктор технических наук*

ВАУЧСКИЙ Александр Николаевич родился 27 февраля 1964 года в Ленинграде. Окончил с отличием и золотой медалью Ленинградское высшее военное инженерное строительное Краснознаменное училище имени генерала армии А.Н. Комаровского (1986) и Институт экономики и финансов (1999). Службу проходил на различных инженерных должностях Тихоокеанского флота. С 1992 года – в 1-м Центральном научно-исследовательском институте Министерства обороны Российской Федерации. Последовательно прошел должности от младшего научного сотрудника до главного научного сотрудника института (с августа 2006 года). Имеет более 150 научных трудов. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники. Действительный член Академии военных наук. Специалист в области экономики военного кораблестроения, программно-целевого планирования и военно-технического сотрудничества.

Актуальность международной кооперации
ОСОБЕННОСТЬЮ развития нашего государства в разных областях жизни является сложность достижения баланса между национальными приоритетами и интеграцией в мировое сообщество. Причем критерии и показатели формирования такого баланса изменяются со временем и отличаются по разным направлениям деятельности. Это зависит в первую очередь от изменений военно-политической обстановки в мире, динамики экономического состояния страны, ситуации и современных тенденций в рассматриваемой области деятельности, сложившегося соотношения указанных приоритетов в предыдущие периоды.

В советское время отечественный оборонно-промышленный комплекс (ОПК) отличала высокая степень кооперации. Однако, рассматривая границы международной кооперации, следует отметить, что в 70–80-е годы прошлого века создание вооружения и военной техники (ВВТ) проводилось в рамках предприятий республик, составляющих СССР. Создание ВВТ в странах Варшавского договора развивалось, как правило, на принципах дублирования отечественных производителей и в основном лишь в части производства. Лицензионное производство в других зарубежных странах организовывалось только в интересах экспорта. Основные разработчики ВВТ находились в пределах границ СССР. Условия «холодной войны» не способствовали более широкой интеграции предприятий, а **экономические возможности страны позволяли производить на базе отечественного ОПК всю номенклатуру вооружения, причем передового уровня.**

В те годы международная кооперация при создании вооружения в мире еще не имела широкого развития.

В результате этого Россия вступила в начало 90-х годов с наивысшим приоритетом отечественных предприятий при создании ВВТ. Во многом такое отношение к рассматриваемой проблеме сохраняется до настоящего времени, но **это уже не соответствует ни мировым тенденциям, ни возможностям отечественного ОПК.**

Конечно, хотелось бы все образцы вооружения, их составные части и комплектующие производить в России. Это обеспечивает контроль производства и мобилизационные возможности, соответствует принципам протекционистской политики по отношению к отечественным производителям, исключает зависимость от зарубежных поставщиков, может повысить надежность поставок и имеет много других положительных сторон.

Однако реализация указанных преимуществ в современных условиях становится все более затруднительной. Например, надежность поставок определенных изделий на конкурентном сегменте мирового рынка может быть выше, чем отечественного предприятия, балансирующего на грани банкротства. Кроме того, высокосерийные современные зарубежные образцы могут быть более высокого качества и иметь существенные преимущества в цене по сравнению с мелкосерийной продукцией отечественного предприятия уровня 80-х годов.

Обеспечить необходимый для национального производства вооружения объем НИОКР, темп инвестиций в ОПК и уровень серийности производства в России уже не удастся. И не только в России — настало время, когда ни одна страна в мире, включая США, уже не способна на передовом уровне разрабатывать и поддерживать в производстве всю номенклатуру ВВТ и их составных частей.

Таким образом, участие в международной кооперации при создании ВВТ является одним из обязательных условий поддержания системы вооружения на передовом уровне, что вызвано преимущественно экономическими причинами. При этом необходимо определить наиболее актуальные направления кооперации, ее формы и объем, а также обеспечить недопущение нанесения ущерба обороноспособности нашей страны.

Мировые тенденции международной кооперации

Процесс становления международной военно-промышленной кооперации как способа разработки, производства и продвижения ВВТ проходил в два этапа¹.

На первом этапе — после Второй мировой войны — передача различным странам лицензий на производство ВВТ и налаживание лицензионного производства по сути явилась *первым шагом* на пути становления международной военно-промышленной кооперации. Лицензионные соглашения создали предпосылки для развития более высоких последующих форм международной научно-производственной кооперации в области военной продукции. *Следующим шагом* стали международные кооперационные программы различной сложности — от совместной модернизации поставленной ранее военной техники до совместной разработки, производства и поставки в третьи страны новых образцов.

Расширение международных кооперационных программ создания вооружения приводит к дальнейшему росту взаимозависимости национальных военных хозяйств. Прежде всего это выражается в том, что появились международные научно-производственные цепочки, включающие национальные военные научно-производственные структуры. Такие цепочки пересекают границы ряда государств и действуют как

¹ Горностаев Г.А., Горностаев А.Г. Международная научно-производственная кооперация оборонных предприятий: необходимость и задачи развития для России // Проблемы прогнозирования. 2001. № 4. С. 124—134.

единые научно-производственные комплексы, обеспечивающие разработку и производство сложных дорогостоящих систем вооружения и военной техники. Некоторые национальные военно-промышленные фирмы становятся звеньями разных международных научно-производственных цепочек, формирующихся с помощью различных типов научно-производственной кооперации.

Именно крупные совместные предприятия и консорциумы осуществляют повседневное управление деятельностью международных научно-производственных цепочек по разработке, производству, реализации и утилизации продукции военного назначения. Организаторами наиболее крупных международных научно-производственных цепочек обычно выступают ведущие американские военно-промышленные компании. Это определяется экономическими возможностями страны, а также научно-техническим превосходством американских военно-промышленных субъектов хозяйствования.

Именно наиболее развитые страны, стоящие во главе кооперации, получают наибольший эффект от такого взаимодействия. Таким образом, через механизм международной кооперации США пополняют свой и без того значительный научно-технический потенциал. Необходимо использовать американский опыт в интересах отечественного ОПК².

Международная интеграция европейской промышленности на втором этапе в 80–90-х годах прошлого века была направлена в первую очередь на обеспечение конкуренции с американскими компаниями. В последние годы конкуренция европейских и американских компаний перешла на более умеренную стадию. Для многих западноевропейских правительств стало очевидным, что не стоит противопоставлять научно-производственную кооперацию западноевропейских стран в области ВВТ аналогичной трансатлантической кооперации. В первой половине 90-х годов США оказали поддержку международным кооперационным программам разработки и производства вооружений, что привело к значительному увеличению числа международных соглашений США по этим программам. Количество их увеличилось примерно с 40 до 120 за период 1994–96 годов. В основном это небольшие совместные проекты в области военных научных исследований и разработок.

В июле 1998 года министры обороны шести западноевропейских стран (Франции, Германии, Италии, Испании, Швеции и Великобритании) согласовали принципы, на основе которых должны создаваться транснациональные оборонные компании (Transnational Defence Company). В конце 90-х годов США совместно с западноевропейскими странами разработали целый ряд систем оружия.

Значительное развитие в Западной Европе получили не только многосторонние, но и двусторонние программы создания вооружений. Большой опыт двусторонних программ создания оружия накопили ФРГ и Франция. Эти страны учредили специальные органы для координации научно-производственного сотрудничества по производству военной продукции³. Активную политику в области развития двусторонних кооперационных программ разработки и производства ВВТ проводит также Великобритания.

В результате развития международной кооперации у ведущих производителей и экспортеров ВВТ стали возрастать и объемы импорта. По данным Стокгольмского института проблем мира в период 1994–98 годов США

² Дорощев В.И. Фомин А.В. Современные направления повышения эффективности военно-технического сотрудничества // Военный парад. 2005. № 6. С. 6–8.

³ Горностаев Г.А., Горностаев А.Г. Международная научно-производственная кооперация оборонных предприятий: необходимость и задачи развития для России // Проблемы прогнозирования. 2001. № 4. С. 124–134.

были на 15-м месте по импорту вооружений, а Великобритания на 31-м. За период 2001–05 годов США поднялись до 11-го места, а Великобритания – до 5-го места⁴. По итогам 2007 года и в целом за последние пять лет США вышли на 1-е место в мире по объему импорта вооружений (рис. 1), а Великобритания по аналогичным показателям – на 7-м месте в мире⁵. Основная доля импорта приходится на страны НАТО (рис. 2)⁶.

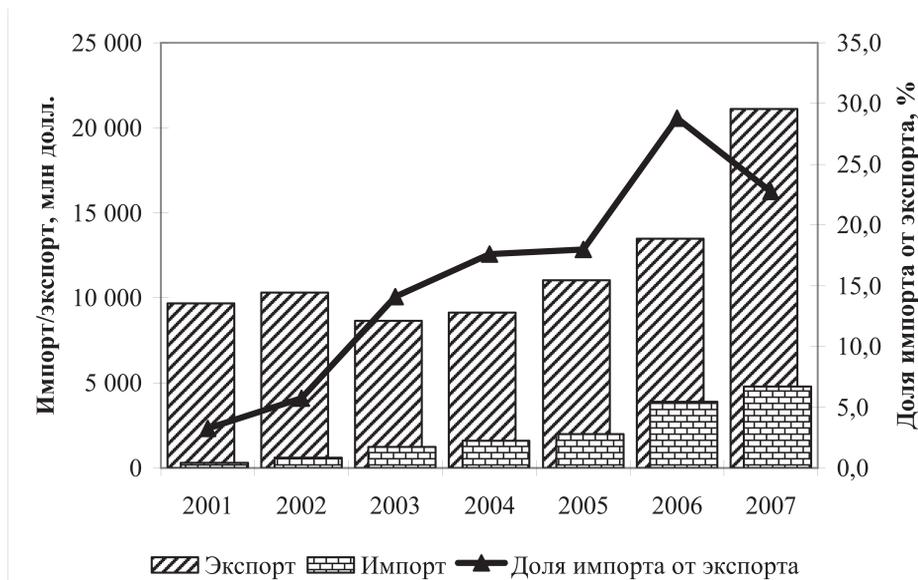

Рис. 1. Динамика экспорта – импорта ВВТ США в текущих ценах

В качестве примера широкой кооперации исполнителей в США можно привести разработку концепции перспективного корабля прибрежной зоны для национальных ВМС (LCS – Littoral Combat Ship). При этом было создано шесть промышленных групп, которым в начале ноября 2002 года были выданы контракты стоимостью по 500 тыс. долл. каждый на изучение концепции такого корабля в течение трех месяцев. В этих группах помимо фирм США ведущую роль играли предприятия Германии, Швеции, Норвегии, Италии и других стран.

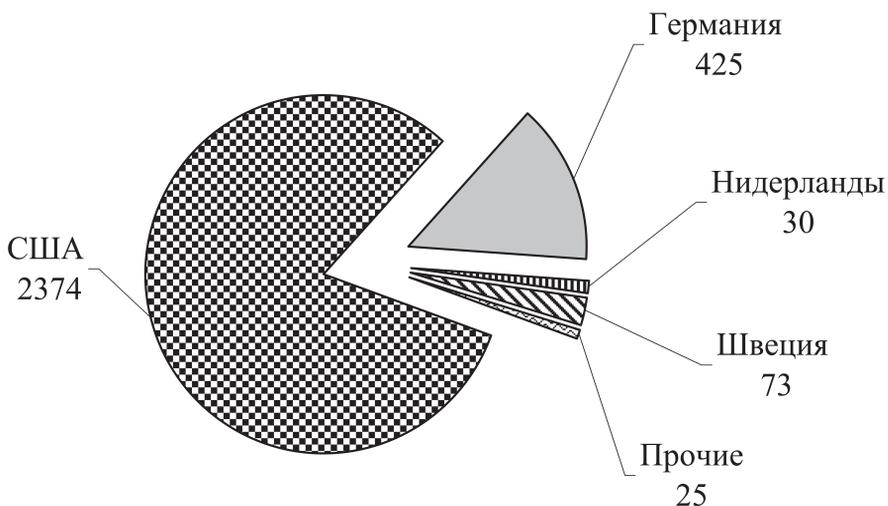
Основным принципом политики закупок вооружения стран НАТО в настоящее время является конкуренция. **Международная кооперация позволяет в условиях возрастания монополизма национальных компаний вывести конкуренцию на уровень мирового рынка вооружений.** Так, например, в Великобритании даже иностранные компании могут вести конкуренцию примерно за 50 % контрактов в области вооружений.

Таким образом, в последние годы актуальность расширения международной кооперации при создании ВВТ становится все более очевидной, а зарубежный опыт – все более богатым. **Россия отстает в развитии данных отношений, что может привести к негативным последствиям.** Однако непродуманное развитие международной кооперации с участием России может нанести ущерб обороноспособности нашей страны, что требует глубокого научного обоснования при учете особенностей каждого вида

⁴ Ежегодник СИПРИ 1999: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2000; Ежегодник СИПРИ 2006: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2007.

⁵ Обзор мирового рынка оружия в 2007 г. и в 2003–2007 гг. // Рынки вооружения. 2007. № 12.

⁶ Ежегодник СИПРИ 1999: вооружения, разоружение и международная безопасность; Ежегодник СИПРИ 2006: вооружения, разоружение и международная безопасность.

Рис. 2. Структура импорта ВВТ за период 2001–2005 годов на примере Великобритании, млн долл. в ценах 1990 года

ВВТ и специфики условий его создания. В данной статье ограничимся рассмотрением указанных проблем на примере созданий кораблей.

Основные тенденции, вызывающие рост потребности в развитии международной кооперации

Причины развития международной кооперации связаны с наличием следующих взаимосвязанных тенденций в развитии ВВТ: рост номенклатуры систем, комплексов, образцов и комплектующих, увеличение стоимости, повышение наукоемкости, снижение серийности и сокращение темпа производства.

Анализ указанных тенденций позволит выявить основные цели международной кооперации и наметить наиболее эффективные пути их достижения.

Рост номенклатуры ВВТ носит объективный характер и определяется научно-техническим прогрессом, совершенствованием средств поражения и защиты, развитием обеспечивающих систем и инфраструктуры ВВТ, таких как связь, системы освещения обстановки и целеуказания, информационные системы, тренажеры и т. п. Несмотря на наличие и обратных тенденций (таких как унификация, универсализация вооружения и многофункциональность, приводящих к сокращению типа-ряда близких по назначению образцов и их составных частей), за счет появления новых видов ВВТ **усиливается «дробление» ассигнований на оборонные нужды и доля финансирования большинства отдельных видов ВВТ сокращается.**

Вместе с тем анализ стоимости вооружения, проводимый различными организациями, показывает, что *ежегодный рост цен*, связанный с совершенствованием техники, составляет 4–5 % (помимо инфляции). Наличие мировой тенденции удорожания ВВТ определяется внедрением достижений научно-технического прогресса и усложнением образцов вооружения. При этом стоимость образцов увеличивается по мере создания новых или модернизации существующих. Одновременно происходит повышение боевой эффективности ВВТ и расширение круга решаемых ими задач. В результате это удорожание не сопровождается снижением военно-экономической эффективности по критерию

«эффективность — стоимость», но в условиях меньших темпов роста военных расходов это **приводит к снижению серийности производства ВВТ.**

Тенденция удорожания ВВТ имеет устойчивый характер в течение длительного периода. Так, в 80-е годы по сравнению с 50-ми годами прошлого века стоимость систем ВВТ возросла в 20–25 раз. При этом половина указанного удорожания связана с общеэкономическими причинами, в том числе инфляцией, а остальное — с усложнением ВВТ. Наибольшие скачки стоимости происходят при смене поколений вооружения.

Если рассматривать номенклатуру производителей современной военно-морской техники, можно заметить, что в последнее время не происходит существенного расширения стран-экспортеров таких кораблей, как фрегаты, корветы и подводные лодки⁷. Это связано с тенденцией *увеличения доли НИОКР* в общих расходах на создание вооружения и военной техники. То есть для создания новых образцов вооружения необходимо направлять большие объемы средств на проведение НИОКР, а эти затраты окупаются лишь в случае относительно высокой серийности.

Следует отметить, что доля затрат на НИОКР военного назначения составляет сравнительно небольшую часть военных расходов в глобальном масштабе. Это связано с тем, что деятельность в области НИОКР военного назначения сконцентрирована в небольшом числе стран, имеющих развитую военную промышленность и доминирующих в мире в сфере создания и разработки ВВТ. Число стран, которые направляют существенную долю своих военных расходов на НИОКР, невелико. Например, к началу XXI века только четыре страны — Россия, США, Испания и Великобритания затрачивали на НИОКР более 10 % от собственного объема военных расходов. Таким образом, **у России имеются хорошие возможности, чтобы остаться одним из мировых лидеров по созданию наиболее современных образцов вооружения.** Затраты на НИОКР Франции, Китая, Индии и Германии составляют от 5 до 10 % их военных расходов. В остальных странах это доля ниже 5 %⁸.

Тенденция увеличения доли НИОКР в общих расходах на создание вооружения усиливает деятельность стран — ведущих разработчиков ВВТ. Указанная тенденция определяется двумя основными факторами⁹.

Во-первых, рост сложности научно-технических проблем, связанных с созданием современной военной техники, является одной из главных причин постоянного увеличения абсолютных затрат на НИОКР и повышения их удельного веса в общих затратах по созданию и содержанию образцов вооружения.

Во-вторых, постоянный рост стоимости вооружения, опережающий увеличение военных расходов, приводит к снижению серийности ВВТ, что также вызывает увеличение доли затрат на разработку.

Важным показателем данного процесса является соотношение НИОКР и расходов на закупку ВВТ, которое принято называть бюджетной наукоемкостью ВВТ. Наибольший показатель бюджетной наукоемкости ВВТ — у США (около 60 %). Примерно на этом же уровне находится Франция. В ФРГ — около 40 %, в Италии и Великобритании — около 30 %. Россия по этому показателю находится на одном из ведущих мест — более 40 %¹⁰, что также подтверждает высокий потенциал развития вооружения в нашей стране.

⁷ Jane's Fighting Ships 2007–2008, 2007.

⁸ Ежегодник СИПРИ 2001: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2002.

⁹ Ваучский А.Н., Четвертаков М.М., Штурмин А.Г. Совершенствование экономической системы НИОКР ВМФ // Морской сборник. 2007. №7. С. 16–20.

¹⁰ Военный бюджет государства. Методы обоснования и анализа / Под общей редакцией Г.С. Олейника. М.: Военное издательство, 2000.

Однако высокая наукоемкость ВВТ тяжелым бременем ложится на оборонные расходы и сокращает ассигнования на закупки вооружения. В результате **необходимо распределять расходы на НИОКР, либо расширяя серийность производства за счет экспортных поставок, либо вступая в международную кооперацию при создании ВВТ.**

Указанные тенденции приводят к *снижению серийности ВВТ*, как отмечено выше, и к *сокращению темпа производства*. В кораблестроении это подтверждается фактическими данными¹¹, анализ которых показывает, что темпы сдачи кораблей за последние 15 лет имеют явную тенденцию к снижению; одновременно с этим сокращается и объем серии. Так, если в США в середине 80-х годов XX века темп сдачи фрегатов на верфи составлял 1,5–2 корабля в год, а в целом по всем судостроительным предприятиям страны – более 3,3 кораблей в год, то в первом десятилетии XXI века темпы сдачи кораблей класса фрегат снизились до одного корпуса в год.

В нашей стране последствия снижения расходов на военное кораблестроение еще более существенны. Кроме того, удорожание ВВТ в масштабе внутренних цен выше, чем среднемировое, что связано с переходом к рыночной экономике, снижением протекционистских мер государства и прошедшими экономическими кризисами.

Существующие в России объемы оборонного производства не позволяют поддерживать всю номенклатуру комплектации с обеспечением уровня серийности и темпа выпуска изделий, требуемых для эффективного функционирования производства. Особенно это характерно для кораблестроения.

Таким образом, проблема снижения серийности кораблей для нашей страны еще более актуальна. Международная кооперация помимо прочих преимуществ позволяет снижать негативное воздействие низкой серийности вооружения и военной техники.

Возможности отечественного ОПК по участию в международной кооперации

В советское время отечественный ОПК являлся высокоинтегрированной структурой. Большинство предприятий, имевших узкую специализацию, были объединены устойчивой кооперацией, единое руководство которой осуществляла отлаженная командно-административная система. Ряд предприятий представлял собой научно-производственные объединения. Система кооперации охватывала как республики СССР (в рамках межзаводской кооперации), так и страны Варшавского договора.

С распадом СССР были утрачены механизмы и стимулы кооперации. Распались связи с дальним и ближним зарубежьем. Управление кооперативными связями предприятий со стороны промышленных министерств практически не осуществлялось. Большинство научно-промышленных объединений распалось на отдельные предприятия. Нарушение кооперативных связей предприятий ОПК связано со следующими основными причинами.

Первая. Снижение количества производства ВВТ, что сокращает объем взаимодействия и устойчивость кооперативных связей. Кроме того, отдельным контрагентам экономически невыгодно поддерживать в производстве определенные изделия при существующем низком темпе их выпуска.

Вторая. Увеличение сроков создания кораблей, что осложняет взаимодействие с контрагентами. Это увеличение определяется как усложнением техники, так и недостаточным уровнем финансирования со стороны госзаказчика, а также производственными причинами.

¹¹ Jane's Fighting Ships 2007–2008, 2007.

Третья. Развал СССР, который затруднил взаимодействие с контрагентами из бывших советских республик. Одна часть из таких производителей сняла с производства выпуск необходимых для российских ВВТ комплектующих изделий, в том числе по причинам указанным выше. Другая часть стала предъявлять невыгодные для отечественных производителей условия, в том числе по цене. В результате в 90-е годы проводилась политика «русификации» производителей комплектующих изделий. Тем не менее отдельные предприятия стран СНГ видят для себя перспективу на российском рынке и в последние годы стали предлагать более приемлемые условия, чем отечественные монополисты или не вполне эффективно работающие предприятия. Возобновление тесного взаимодействия с такими предприятиями (в том числе на конкурсной основе) может оказаться весьма перспективным.

Четвертая. Приватизация большинства предприятий и неоднократная смена их собственников. В ряде случаев иностранные акционеры закрывают оборонные производства. Иногда прекращение поставок используется как метод недобросовестной конкуренции.

Пятая. Узкая специализация предприятий ОПК, созданная ранее для эффективной работы в условиях плановой системы хозяйствования и больших объемов оборонного производства, в современных условиях дает сбой. Существовавшая система межзаводской кооперации, когда большая номенклатура изделий была расписана за определенными предприятиями, приводит к монополизму.

Ответственность за кооперацию предприятий к настоящему времени фактически перешла к оборонному заказчику и головным исполнителям государственного оборонного заказа (ГОЗ). Учитывая специфику режима создания военной техники, интересы защиты промышленной безопасности от импорта комплектующих, протекционистскую политику государства и ряд других факторов можно сказать, что **существующая система управления ОПК не способствует, а ограничивает международную кооперацию отечественных оборонных предприятий.**

В результате из лидеров международной кооперации по созданию ВВТ на самодостаточном рынке вооружений наша страна оказалась отброшенной по интеграционным процессам на десятилетия назад в условиях относительно узкого внутреннего рынка и высококонкурентного мирового рынка ВВТ.

Анализ опыта отечественных предприятий по совместному созданию ВВТ показывает, что освоены практически все формы военного-технического сотрудничества (ВТС), но **эта деятельность не носит системного характера и мало связана с реализацией Государственной программы вооружения (ГПВ).**

При развитии международной кооперации необходимо найти оптимальный баланс между ВТС с ведущими производителями вооружений и платежеспособными импортерами. Главные направления кооперации должны быть связаны с созданием финальных образцов и систем ВВТ, предназначенных для широкого использования в национальных ВС и имеющих экспортную перспективу. При этом основные цели международной кооперации должны быть направлены в интересах реализации ГПВ.

Необходимо шире привлекать к созданию отечественных вооружений изделия зарубежных производителей, в том числе на конкурсной основе, или комплектующих общегражданского применения, сосредоточив основные усилия на сохранении и развитии стратегически важных производств всех уровней кооперации.

У отечественных предприятий имеется хороший задел по использованию различных форм международного сотрудничества, в первую

очередь в авиации. Но зарубежный опыт многократно шире. Требуется формирование научнообоснованных комплексных решений по широкому кругу вопросов сотрудничества на длительный период.

В части финансовых возможностей по созданию ВВТ на долевой основе с зарубежными компаниями отечественные производители уступают зарубежным. В качестве основной «валюты» с нашей стороны выступает интеллектуальный потенциал, а финансовые ресурсы предприятий весьма ограничены. В связи с этим для расширения международных кооперативных связей при создании ВВТ требуется развитие системы мер государственной поддержки. Одним из направлений такой поддержки является совместное создание ВВТ в рамках ГОЗ, в том числе в части модернизации вооружения.

Таким образом, в ОПК имеется опыт в части международной интеграции при создании ВВТ, но за последние два десятилетия прежняя система международной кооперации разрушена. К настоящему времени сложившаяся ситуация требует расширения международной кооперации, но уже на новых принципах. И определенные изменения в ОПК в этом направлении уже происходят.

Обеспечение экономической эффективности международной кооперации

Основные правила взаимодействия предприятий разных стран при совместном создании ВВТ в мировой практике уже установлены. Развивая национальное законодательство в этой области следует ориентироваться на нормы, принятые в мировой практике. Эти нормы и правила в первую очередь регламентируют распределение инвестиций (долей финансирования), финансовых рисков, объемов работ, прибыли, рынков сбыта.

При этом, как правило, распределение финансовых рисков и прибыли пропорционально финансовому вкладу участников. Участие в объемах работ, выполняемых сторонами, и распределение рынков сбыта могут существенно отличаться от финансовых вкладов участников проекта.

Создание ВВТ проводится на пересечении интересов государства и бизнеса. В связи с этим предприятия рассматривают объединение ресурсов, как и любой другой коммерческий проект, по принятым в мировой практике экономическим показателям и с учетом собственной стратегии развития. Государственные органы при этом помимо соблюдения протекционистских интересов собственной промышленности и повышения доходов национальных бюджетов решают политические задачи: лоббирование, поддержка или ограничение.

В любом случае **экономические аспекты являются одними из основных**. Повышение эффективности производственной деятельности в условиях международной кооперации может проходить за счет внутренних экономических механизмов и мер государственной поддержки.

К внутренним экономическим механизмам (механизмам, повышающим доход, или увеличивающим рентабельность, или сокращающим срок окупаемости инвестиций), которые целесообразно использовать при международной кооперации, кроме роста объемов доходов за счет расширения производства следует отнести **снижение** затрат на проектирование за счет использования готовых зарубежных разработок, затрат на разработку за счет распределения затрат на НИОКР между участниками, собственных инвестиций в производство за счет использования готовых зарубежных технологий, собственных инвестиций в производство за счет распределения этих затрат между участниками, себестоимости производства за счет повышения загрузки предприятия, себестоимости производства за счет

повышения серийности продукции, себестоимости производства за счет использования менее дорогих зарубежных ресурсов (в первую очередь стоимости рабочей силы), а также сроков создания ВВТ за счет использования готовых зарубежных разработок и технологий.

Последний фактор используют наиболее развитые страны, в том числе путем привлечения российских контрагентов.

К внешним экономическим механизмам относятся меры государственной поддержки, в том числе: прямое государственное финансирование, субсидии и дотации, льготные государственные кредиты, налоговые и таможенные льготы, государственные гарантии.

Таким образом, для коммерческих результатов кооперационных программ крайне важно, что в ходе их реализации происходит раздел финансовых рисков и затрат, при одновременном достижении эффекта масштаба от выхода на крупносерийное производство. В конечном счете это обеспечивает существенную финансовую экономию, а также дает странам-участницам возможность использовать научно-технические достижения других государств для повышения эффективности и, следовательно, конкурентоспособности собственной продукции. Вместе с тем для недопущения ущемления интересов российской стороны в современных условиях отечественным предприятиям требуется государственная поддержка.

Формы международной кооперации

На кооперацию исполнителей оказывают влияние как система заказа и внутренние условия военно-промышленного комплекса, так и особенности создаваемой военной техники. В этом плане военно-морская техника и тенденции ее развития наиболее соответствуют высокой степени интеграции предприятий (значительная стоимость корабля, длительный срок его постройки и большое количество контрагентов). Тенденции развития кораблей последних лет еще более усиливают потребность в интеграции.

С одной стороны, повышение интеграции систем оружия, вооружения и технических средств корабля способствует интеграции исполнителей, а с другой стороны, указанная тенденция приводит к обострению технических проблем, связанных с сопряжением устанавливаемых на кораблях образцов оружия и вооружения производства разных стран.

В результате анализа зарубежного и отечественного опыта совместной разработки ВВТ следует отметить, что международная военно-промышленная кооперация может принимать следующие формы: разработка ВВТ транснациональной корпорацией в интересах двух и более стран, образование совместного предприятия (СП) с четким разделением обязательств и правообладаний, передача лицензий, международная военно-промышленная кооперация без образования совместных предприятий на основе договоров и соглашений, частным случаем предыдущей формы является оказание технического содействия одной стороной в разработке ВВТ для другой стороны.

Первая форма лишь условно может быть отнесена к совместным проектам, так как транснациональная корпорация фактически является компанией принадлежащей одной стране, но владеющей предприятиями в ряде стран.

Создание СП является наиболее часто встречающейся формой реализации крупных программ по разработке дорогостоящих образцов и систем ВВТ. Такое СП, как правило, является организацией, руководящей рядом фирм из нескольких стран. Цель создания может быть любая – от совместного производства отдельных компонентов до разработки новых образцов ВВТ и продвижения их на внешний рынок. Подобная

форма кооперации является наиболее устойчивой и продолжительной. При завершении проектирования СП обычно занимается и производством разработанных ВВТ.

Совместные предприятия создаются, как правило, на двусторонней основе с разделением уставного капитала и инвестиций 50 x 50 %, а при большей численности участников – примерно в равных долях. При организации совместной разработки ВВТ ведущими производителями вооружений в интересах национальных вооруженных сил расходы на НИОКР, как правило, распределяются между государствами – участниками программы пропорционально запланированным объемам закупок.

Наиболее значимым примером создания кораблей с использованием СП является франко-итальянский фрегат.

Одним из неудачных примеров работы международного совместного предприятия выглядит скандинавская программа создания подводных лодок (ПЛ) Viking для ВМС Швеции, Дании и Норвегии, головным подрядчиком которой являлось СП Viking Submarine Corporation в составе датской Odence Staskibsværft, норвежской Kronsberg Defence&Aerospace и шведской Kockums. Доли и затраты промышленных работ были распределены между странами следующим образом: Дания – 36 %, Норвегия – 44 %, Швеция – 20 %. В 1999 году правительствам были представлены результаты двухлетней проектной работы, а в 2000 году начался этап эскизного проектирования. Однако Норвегия вышла из программы в 2002 году по причине ее дороговизны, а в июне 2004 года и парламент Дании принял решение о выходе из программы, что фактически означало окончание международного сотрудничества. На базе потерпевшей неудачу программы шведская фирма Kockums разработала новый проект ПЛ A26, предназначенный для продажи Сингапuru в отсутствие заказов от ВМС Швеции.

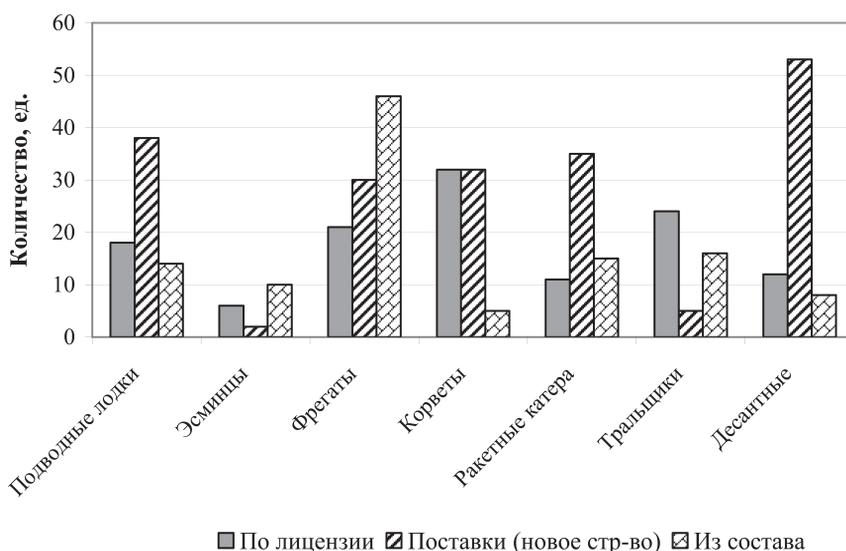
Одним из эффективных способов взаимодействия, широко используемым нашими конкурентами, является открытие филиалов и СП в зарубежных странах, в том числе по ремонту и техническому обслуживанию техники. Ведущие военно-морские державы уже освоили интегрированные системы логистической поддержки не только в своих ВМС и на предприятиях промышленности, но и при экспортных поставках как военной, так и гражданской продукции. Использование таких систем сокращает запасы ЗИП, объем ремонта, простои, связанные с устранением неисправностей и в целом облегчает и снижает затраты на эксплуатацию¹². Отечественные авиационные фирмы уже достаточно широко продвинулись в этом направлении. В частности в Индии создано СП «Рособоронсервис».

В последующем возможно развитие деятельности совместных компаний по ремонту и обслуживанию ранее поставленных ВВТ на сферу совместного производства и разработки вооружения или их составных частей.

Передача лицензий является основной формой сотрудничества, характерной для предыдущих этапов международной кооперации. Вместе с тем в кораблестроении объемы лицензионного производства в мире достаточно высоки. Тенденции расширения лицензионного производства кораблей по-разному проявляются для различных классов кораблей (рис. 3).

Наибольшая доля кораблей, строящихся по лицензии, наблюдается в классах тральщиков, корветов, фрегатов и ПЛ. Если рассмотреть отдельные реализованные за последние 10 лет контракты и планируемые на ближайшие годы, то можно отметить, что для основных классов кораб-

¹² Фомин А.В. Проблемы расширения экспорта военно-морской техники и пути их решения // Морская радиоэлектроника. 2006. № 2. С. 54–56.

Рис. 3. Количество кораблей, поставленных за последний десятилетний период и предусмотренных к поставке по заключенным контрактам в ближайшие годы¹³

лей доля поставок из состава ВМС снижается, а доля кораблей, создаваемых по лицензии, растет.

Вместе с тем принятие решений о возможности продажи лицензии должно быть всесторонне обосновано. Такие варианты следует рассматривать в тех случаях, когда осуществление поставки готовых образцов ВВТ маловероятно. Кроме того, целесообразно первые корабли строить на российских верфях, что позволит проводить обучение и передачу технологий в процессе строительства серии кораблей.

В части лицензионного производства в России рассматриваются в основном вопросы продажи лицензий, что важно для экспорта, но практически не приносит эффекта для развития вооружения ВМФ. Вместе с тем в части энергетики и общесудовой комплектации целесообразно и приобретение лицензий.

Международная военно-промышленная кооперация *на основе договоров и соглашений* реализуется, как правило, для решения многосторонних или частных вопросов, когда разработка носит предварительный характер, вклады сторон несопоставимы (соисполнитель решает частную задачу), количество участников не позволяет создать работоспособное СП, взаимоотношения на договорной основе сложились в соответствии с принятой практикой ВТС между партнерами, реализация данного договора ограничена по времени и объему.

В этом случае участники, как правило, договариваются о совместных работах в целях обновления собственных вооруженных сил. Хотя при удачном ходе проекта и появлении передовых достижений возможны и поставки результатов кооперации в третьи страны. Такая форма кооперации действует в течение ограниченного периода времени, пока не закончится программа совместного сотрудничества.

Наряду с лицензиями большим спросом на внешнем рынке пользуются ноу-хау, поставка которых осуществляется, как правило, в рамках *технической помощи*. Для предприятий-разработчиков такие контракты могут представлять высокий коммерческий интерес, так как пред-

¹³ Jane's Fighting Ships 2006–2007, 2006.

полагают максимальное соотношение финансовых поступлений и затрат. Однако в целом для государства прямой экономический эффект минимален. Решения в этих случаях должны основываться на оценке косвенного эффекта, который может существенно ограничить возможность поставок аналогичных отечественных ВВТ на экспорт, а может принести России политические дивиденды или возможность в последующем сопутствующих поставок.

В ряде случаев в кораблестроении масштаб решаемых проблем и длительность периода создания кораблей не позволяет использовать только одну форму международного сотрудничества. При этом последовательно или параллельно используются разные формы. Примером такого взаимодействия является франко-испанское сотрудничество в области создания и производства ПЛ Scorpene.

Таким образом, формы, которые принимает международная военно-промышленная кооперация, зависят от условий развития ситуации и целей, преследуемых участниками. К таким целям следует отнести извлечение прибыли на основе новых форм сотрудничества, разработку новых образцов ВВТ для собственных вооруженных сил, освоение существующих технологий, развитие национального оборонно-промышленного комплекса, сохранение научно-технического потенциала, расширение рынка сбыта.

При этом, если первые три цели могут преследоваться как вместе, так и по отдельности, то последующие две обязательно присутствуют в любых программах международной военно-промышленной кооперации.

В настоящее время международная кооперация при создании вооружений переживает третий этап развития. Первый был основан на лицензионном производстве, второй проходил одновременно с созданием крупных межнациональных корпораций, а третий этап связан с формированием мировой научно-производственной системы создания вооружения. Основной вектор сотрудничества связан с интеграцией ведущих производителей вооружения. Причем от развития международного научно-производственного сотрудничества в области военной продукции прежде всего получают определенные преимущества развитые страны и фирмы, стоящие во главе кооперации.

У России есть все шансы занять положение в верхней части «пирамиды» стран — участниц международной кооперации. Но для этого деятельность по участию в международной кооперации должна носить системный, активный и целенаправленный характер при высоком уровне научного обоснования и поддержки государственных структур. Основной задачей России в данной деятельности является занятие лидирующего положения в кооперации по созданию вооружения. В связи с этим необходимо вступать во взаимоотношения как с ведущими разработчиками ВВТ, так и с платежеспособными импортерами.

В военно-политическом плане у России на современном этапе особый статус. Наша страна являлась, является и будет являться лидером в создании вооружения. При этом основной упор, как и ранее, мы вынуждены делать на внутреннюю кооперацию. Однако развитие ситуации в мире и экономические аспекты определяют необходимость разумной интеграции в международную кооперацию при создании вооружений. Отставание в этом вопросе не менее вредно, чем излишняя активность.

ВОЕННАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

От прикладной военной науки – к системной науке о войне

*Генерал-майор в отставке И.С. ДАНИЛЕНКО,
доктор философских наук*

ДАНИЛЕНКО Игнат Семенович родился в 1932 году в Гомельской области. Службу в Вооруженных Силах начал в 1952 году. После окончания военного училища шесть лет служил в учебных частях. В 1960–1964 годах учился на военно-воздушном факультете Военно-политической академии. После его окончания – на преподавательской и научной работе в военных училищах и военных академиях на должностях преподавателя, старшего научного сотрудника, заместителя начальника кафедры. В 1971 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1981 – докторскую. В 1973 году ему было присвоено ученое звание доцента, в 1983 – профессора. В 1989–1993 годах – начальник кафедры военно-политических наук Военной академии Генерального штаба ВС РФ. В 1993 году уволен в запас в звании генерал-майора. С того же времени – на научно-исследовательской работе в Военной

академии Генерального штаба ВС РФ.

Автор и руководитель проекта «Антология отечественной военной мысли» (издано более 30 книг). Организатор цикла научно-практических конференций по истории и теории военной мысли. В 1999–2007 годах – начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии. В настоящее время – главный научный сотрудник центра по проблемам информационной безопасности Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

ТЕМА статьи науковедческая, и с первого взгляда она может показаться далекой от практики. Но это будет ошибочный взгляд. В наше время нет более актуальной для всей общественной и особенно военной практики задачи, чем развитие науки о войне. Знания о войне явно неадекватны ей как реальному явлению нашего времени. Хотя система современных знаний, которую принято называть «военная наука», напряженно ищет победные варианты вооруженной борьбы, война становится приемлемым средством для решения общественно-исторических проблем не только с позиций гуманизма, но и с позиций простого политического рационализма. В то же время политика, культура, средства массовой информации заняты войной, пожалуй, больше, чем миром. Война является важнейшим отправным пунктом прогнозирования и планирования будущего, которое в предлагаемых широкой публике сценариях наполнено звездными, роботизированными и другими экзотическими войнами. Военными сюжетами предельно нагружена общественная и индивидуальная психология населения земли, включая детей.

За XX век и прошедшие годы XXI века война фантастически изменилась, ее возможности по уничтожению людей, плодов многовековой культуры и чудесных даров природы стали безграничными. Необычайно расширился диапазон ее изменчивости, а фундаментальных знаний о войне как общественном явлении существенно не прибавилось. Сегодня есть все основания вспомнить слова выдающегося русского военного теоретика генерала Н.Н. Головина, который еще в конце 30-х годов XX века назвал войну «великой незнакомкой» («La Grande Inconnue»). Тогда же он разработал проект создания новой науки о войне и опубли-

ковал его за рубежом на русском языке¹. В последующие годы XX века и в начале XXI века война многократно демонстрировала новые, ранее неизвестные качества. Многократно увеличился объем информации о войне, но новая наука о ней так и не создана, и не потому что в этом отпала необходимость. Наоборот, она намного возросла. Но проблема оказалась очень трудной, требующей больших усилий, средств, времени и упорства, преодоления догматизма в науке и несовпадения интересов в политике, все субъекты которой в наше время декларируют приверженность миру, в то время как на практике среди них есть и те, кто организует подготовку к войнам, изыскание новых средств и методов их ведения. Такими действиями они вынуждают все страны заниматься подготовкой к войне в целях обеспечения своей военной безопасности. В итоге политика оказывается не в состоянии справиться с войной².

А что же современная военная наука? Она занимается тем, что диктует ей политика, т. е. проблемами подготовки и ведения войны, а не войной как общественным явлением. А ведь именно наука о войне призвана обосновать пути, позволяющие разорвать порочный мирно-военный круговорот общественной истории. Как отметил А.Е. Снесарев, война «нелегко поддается как нравственным, так и научным критериям»³. Создание науки о войне сегодня требует существенного обновления и расширения понятийного аппарата той ее части, которая в настоящее время называется военной наукой, иного подхода к определению объекта, предмета и структуры новой науки. Для ведомственно-прикладной современной военной науки и для системной науки о войне как общественном явлении они будут существенно разными. Но вначале остановимся на том, что побуждает и понуждает заниматься поиском обновления науки о войне. Этим «что» является, прежде всего, современный кризис сложившейся военной науки.

Особенности современного кризиса военной науки

Кризисы военной науки не раз случались и раньше. Но современный кризис носит глобальный характер. Он является отражением кризиса функциональной роли войны в общественном историческом процессе. Война, за крайне редким исключением, уже не может быть эффективным методом выхода из кризиса общества или межобщественных отношений. Раньше война могла быть меньшим общественным злом по сравнению с затяжными и трудно разрешимыми кризисами. В наше время она, безусловно, большее зло, чем те кризисы, которые с ее помощью пытаются разрешить. Не только сами войны, но и всеобщая постоянная подготовка к ним — одно из главных препятствий в решении многих современных кризисных проблем национального, регионального и мирового общественного развития.

Кризис военной науки наблюдается не только в России, но и в остальном мире. Характер и содержание этого кризиса в разных странах различны, но везде он затрагивает общественно-смысловую часть военной науки. И хотя все труднее найти обоснование для оправдания войны, войны не прекращаются.

Тот факт, что военная наука в настоящее время находится в кризисе, признают многие известные современные отечественные и зарубежные авторитеты. Поскольку у нас принято больше доверять чужим пророкам, приведу некоторые взгляды иностранных авторов.

¹ Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж: Изд-во газеты «Сигнал», 1938.

² Хофмайстер Хаймо. Воля к войне или бессилие политики. СПб.: Гуманитарная академия, 2006.

³ Снесарев А.Е. Философия войны. Финансовый контроль. 2003. С. 60.

Известный американский философ, социолог и футуролог Элвин Тоффлер в своей книге «Война и антивоина» пишет, что его целью было **«набросать новую теорию войны и борьбы с нею»**, так как существующая теория войны его не устроила⁴.

Западно-европейский автор Мартин ван Кревельд в своем труде «Трансформация войны», к которому и до сих пор не утрачен общественный интерес, сделал попытку, как он сам об этом заявляет, «заглянуть в будущее войны», а также выяснить, **«почему наши представления о войне оказались тупиковыми»**⁵.

Раньше в нашей стране на подобного рода утверждения был бы дан единственный ответ: это буржуазная военная наука находится в кризисе, советская же – кризисов не знает. Самоуверенность, с которой господствующая идеология делала выводы о состоятельности или несостоятельности той или иной науки, оказала плохую услугу обществу, интересы которого эта идеология бралась защищать. Сейчас наступили другие времена – провозглашен плюрализм мнений, но при негласном господстве либеральной идеологии и декларативном отрицании идеологии вообще. Хотя для современной России состояние военной науки имеет важнейшее, можно сказать, судьбоносное значение, разговоров о кризисе нашей военной науки почти совсем не слышно. А он безусловно существует. Более того, есть все основания утверждать, что кризисная ситуация в военной науке в современной России сложнее, чем на Западе, в частности в США, где разработана теория и практически освоено искусство ведения нетрадиционной «холодной войны», многие тайные операции которой не раскрываются и вряд ли будут раскрыты в обозримом будущем.

Справедливости ради следует отметить, что в последнее время отечественные военные историки и теоретики все чаще поднимают вопрос о том, что нужен принципиально новый подход к конструированию и развитию военной науки. На эту тему в военной периодике был опубликован ряд материалов, заслуживающих внимания. Отмечу только два факта, оставленных безо всякой критической реакции.

Еще в 90-е годы прошлого века автор данной статьи ставил вопрос о крайней необходимости для современной России реформировать военную науку, поскольку без научного обоснования невозможна успешная военная реформа⁶. В 2001 году с аргументированным предложением поменять подходы к формированию и развитию системы военных знаний выступил известный военный историк В.А. Золотарев. Он писал: «В современных условиях коренного пересмотра методологических основ научных знаний о войне, армии и всей военной сферы необходимо срочное оперативное вмешательство для заполнения теоретико-методологического вакуума. Иными словами, нужна новая наука о войне, по своему содержанию отражающая все богатство взаимосвязей современной цивилизации»⁷. Было предложено и название для новой науки – *неополемология*, т. е. новая полемология (от греч. *полемос* – война).

Но как и чем заполнить теоретико-методологический вакуум, чтобы вывести военную науку из нынешнего тупика, – вот вопрос, на который еще надо найти ответ. Его поисками активно занимается Военная академия Генерального штаба ВС РФ с начала 90-х годов. По теме «Воен-

⁴ Тоффлер Э. Война и антивоина: Что такое война и антивоина и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

⁵ Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 16.

⁶ Даниленко И.С. Военная реформа без науки, военная наука без реформы. Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. 1998. № 1–2.

⁷ Золотарев В.А. Военная безопасность Государства Российского. М.: Кучково поле, 2001. С. 291.

ная наука» под разными названиями в эти годы в академии было издано четыре коллективных труда. В них доказывается необходимость более широкого подхода к исследованию объекта, предмета и содержания военной науки по сравнению с общепризнанным. Несмотря на имеющиеся разногласия, все авторы согласились с тем, что военная наука не может ограничиваться проблематикой искусства подготовки, обеспечения и непосредственного ведения массовой вооруженной борьбы. К сожалению, выход этих трудов не вызвал ожидаемого авторами резонанса среди профессиональной военной общности.

После разрушения Советского Союза соотношение между фундаментальной и прикладной частями военной науки принципиально изменилось. По существу, в ней осталась одни прикладные научные дисциплины. Советская военная наука могла претендовать на статус системной науки о войне. Другой вопрос, насколько эта претензия была обоснована. Сегодня ясно, что она явно завышена и в конечном счете несостоятельна. В то же время в системе советской военной науки существовала довольно широко разработанная с позиции коммунистической идеологии фундаментальная общественно-смысловая часть, представленная марксистско-ленинским учением о войне и армии, включившим не только марксистские философские воззрения на войну, но и политологические, социологические, психологические, организационно-управленческие и даже педагогические проблемы ее подготовки и ведения. Другую, непосредственно боевую, прикладную часть советской военной науки составляла система конкретных научных дисциплин во главе с военной стратегией как интегрирующей дисциплиной всего дела подготовки и ведения вооруженной борьбы в возможных войнах будущего.

Обе части советской военной науки декларативно представляли единую систему, но органической связи между ними не было. Советская военная наука придерживалась ограниченного взгляда на сущность войны, считая ее процессом массовой вооруженной борьбы, поэтому и оказалась она не в состоянии освоить все направления бурной эволюции войны в XX веке, в частности оставила без внимания ее нетрадиционное направление. В результате она не трансформировалась в подлинную науку о войне по ряду объективных и субъективных причин. Они будут раскрыты, когда будет написана научная история отечественной военной мысли советского периода. Тогда станет ясно, что в геополитическом крушении Советского Союза есть доля вины и советской военной науки.

Для подъема военной науки современной России до уровня науки о войне необходимо критическое исследование истории ее формирования и развития как в досоветский, так и в советский периоды. Прежде всего, предстоит выяснить, что сужало горизонт и препятствовало развитию военной науки в науку о войне.

Две аксиомы, ограничивающие развитие военной науки и препятствующие ее трансформации в системную науку о войне

Первая аксиома заключается в объявлении вооруженной борьбы абсолютным средством достижения целей войны, что теоретически исключает самую возможность войны без массовой вооруженной борьбы. Согласно этой аксиоме различие между миром и войной составляет только вооруженная борьба. Это ограничивает изучение содержания и исторической эволюции войны исследованием эволюции оружия и его применения.

Вторая аксиома провозглашает войну явлением вечным, неустранимым. Такое утверждение вводит ограничение на изучение войны как общественного явления, отрицает возможность создания о ней положительной науки как составной части науки об обществе. По существу, она ограничивает военную науку проблематикой технологии подготовки и

ведения вооруженной борьбы, дополняя ее только философско-мировоззренческим утверждением о вечном характере войны.

Обе аксиомы были введены в военную науку на этапе ее институционального утверждения в первые десятилетия XIX века и связаны с именами таких выдающихся классиков военной науки, как генералы Жомини и Клаузевиц, которые оказали большое влияние не только на формирование и развитие военной науки своего времени, но и на последующие подходы к ее построению вплоть до наших дней.

Антуан Анри (Генрих Вениаминович) Жомини (1779–1869), швейцарец по происхождению, до 1813 года служил у Наполеона, был им замечен и отмечен как военный теоретик. В 1813 году перешел на службу к Александру I и находился на русской военной службе до конца жизни. Особой заслугой Жомини перед Россией было активное участие в обосновании необходимости создания Военной академии Генерального штаба (первоначальное название – Императорская военная академия). Как теоретик Жомини абсолютизировал наполеоновский метод ведения войн, на его основе он выводил всеобщие принципы организации военной борьбы. Для него война была вечным явлением и в принципе неизменным процессом вооруженной борьбы. При таком подходе назначение науки о войне сводилось к открытию законов вечной военной борьбы в форме вооруженного противоборства, к формулированию на основе этих законов принципов организации и ведения борьбы в интересах достижения победы.

Карл Клаузевиц (1780–1831) – прусский офицер, впоследствии генерал, в 1812–1814 годах добровольно служил в русской армии, был рекомендован Александру I как подающий большие надежды военный теоретик. После разгрома Наполеона Клаузевиц снова перешел на прусскую военную службу, но возлагавшиеся на него надежды серьезного военного теоретика он оправдал, создав труд «О войне», опубликованный после его смерти в 1832–1834 годы. Этот многолетний труд получил всемирную известность, обессмертив имя автора.

В отличие от Жомини Клаузевиц отрицал возможность открытия наукой о войне безусловных принципов организации военной борьбы по причине изменчивости обстоятельств, ее содержания и характера, но сделал одно существенное исключение. Он абсолютизировал роль войскового боя, т. е. вооруженной борьбы, в достижении военной победы. Военная стратегия, по Клаузевицу, реализуется через организацию системы таких победных боев. Правда, он сделал оговорку, утверждая, что могут быть исключения: частная военная победа может быть одержана и без боя, но принципиально решающую роль боя в войне не пересмотрел. В результате этого принципиально разные подходы Жомини и Клаузевица в конструировании военной науки оказались тождественными в прикладном отношении. Представление о войне жестко связывалось с вооруженной борьбой.

Что касается познания войны как общественного явления, то Клаузевиц считал, что положительная наука о войне в принципе не может быть создана. Действительно, уровень развития общественной науки в его время не позволял создать такую науку о войне. К тому же Клаузевиц не стремился выйти далеко за пределы своего исторического времени, даже в своих философско-социологических обобщениях опасался от него оторваться. В предисловии к своему труду «О войне» он писал: «Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка»⁸.

⁸ Клаузевиц К. фон. О войне. М.: Издательство АСТ. 2002. Т. 1. С. 18

Последователи Клаузевица его тезис о невозможности положительной науки о войне в конкретное время возвели в ранг аксиомы для военной науки на все времена. Таким образом выходило, что положительная наука о войне как общественном явлении не может быть создана никогда и основой войны, ее сущностью всегда будет вооруженная борьба. Правда, Клаузевиц указал на связь войны с политикой. Это существенно расширяло изучение войны как общественного явления, выводило ее исследование за рамки «вещи в себе». Следовательно, войну порождает политика общества. Это очень важный вывод. Но он представляет только посыл в сторону исследования войны как общественного явления, кстати, противоречащий выводу о невозможности создания о ней положительной науки.

Интересна реакция русской военной мысли на указанные аксиоматические положения выдающихся классиков европейской военной мысли первой половины XIX века.

С аргументированной критикой *первой аксиомы*, абсолютизовавшей роль вооруженного противоборства в военной борьбе, доказательством ее ошибочности выступил первый профессор стратегии академии Генерального штаба Николай Васильевич М е д е м. Сделал он это в 1836 году в своем труде «Обозрение известнейших правил и систем стратегии». Это был первый в мировой истории обзор основных течений европейской военной мысли, претендовавших на роль военной науки. Делался этот обзор для ориентации формировавшейся русской военной науки в уже существующих в других европейских государствах подходах к ее конструированию.

В своем обозрении взглядов известных в то время европейских военных теоретиков Медем особо выделил и внимательно исследовал творчество именно Жомини и Клаузевица. Подход первого в качестве ориентира для русской военной мысли он отверг, хотя отметил достоинства Жомини по сравнению с многими другими военными теоретиками того времени. Что касается Клаузевица, отрицавшего возможность установления военной наукой общих, безусловных принципов и правил организации и ведения военной борьбы, поскольку она по своей природе переменчива и неповторима, то Н.В. Медем считал его подход правильным, продуктивным, но обесцененным абсолютизацией роли боя в достижении целей военной стратегии. В конечном счете это делало подход Клаузевица тождественным подходу Жомини, который он отрицал. При этом Н.В. Медем не ограничился критикой Клаузевица, а предложил свою аксиому, исправляющую его доктринальную непоследовательность в трактовке военной борьбы. По Н.В.Медему, в этой борьбе **«все соображения должны иметь целью ослаблять или истреблять какими бы то ни было средствами силы противника и лишать его средств к защите»**⁹.

Такой подход к военной борьбе он считал аксиоматичным. Для своего времени это был очень смелый, новаторский вывод. Война рассматривалась не с позиции господствующей теории военной борьбы, абсолютизовавшей вооруженную борьбу, а с позиции интересов достижения целей военной борьбы. Для этого на войне могут применяться все средства ослабления, истребления и лишения противника способности защищаться.

К сожалению, отечественная военная наука не последовала за Н.В. Медемом, не обратила внимания на его аксиому. Более того, генерал М.П. Б о г д а н о в и ч фактически дезавуировал ее. В своей книге «Записки стратегии», где он повторяет медемовский прием обзора ми-

⁹ Медем Н.В. Обозрение известнейших правил и систем стратегии. СПб. 1836. С. 159–160.

ровой стратегической мысли, М.П. Богданович тем не менее замечает: «Он (Клаузевиц) говорит, что ежели мы достигаем какой-либо военной цели и без боя от опасения противника вступить с нами в бой, то это все равно, как если бы мы достигли цели посредством боя. Нельзя не сознаться в том, что такой подход несколько натянут»¹⁰.

Следовательно, оговорка Клаузевица, которая обязывала его, по мнению Н.В. Медема, пересмотреть всю концепцию своего труда «О войне», отказа от абсолютизации вооруженной борьбы, для М.П. Богдановича была, наоборот, «натянутым» подходом. В результате русская академическая военная мысль пошла по пути поиска победных схем ведения вооруженной борьбы. Правда, в истории отечественной военной мысли имела место вторая попытка снять абсолютизацию роли вооруженной борьбы в войне и утвердить более широкий взгляд на войну. Это сделал А.Е. Снесарев в 1926 году. В своей рецензии на только что вышедшую книгу А.А. Свечина «Стратегия», давая ей высокую оценку, он отметил и существенный недостаток, который заключался в отсутствии должной связи войсковых операций с другими военными операциями. Он писал: «Непрерывность усилий и вместе с этим и единство стратегии будут тогда лишь восстановлены, если «операции» придать более уширенный смысл, чем тот, который ей придает автор; тогда промежутки между «операциями» автора не будут провалами, а лишь какими-то другими операциями, в которых стратегия работает не мечом, а другими средствами, хотя бы и чужими – агитацией, сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т. п.»¹¹.

Положение о том, что «стратегия работает не только мечом» также не было принято во внимание. Более того, А.А. Свечин, развивавший идеи Клаузевица и немецкого военного историка Ханса Дельбрюка (1848–1929) о стратегии измора и сокрушения, был подвергнут уничтожающей критике именно за стратегию измора, которая как раз расширяла арсенал средств военной борьбы, открывая наряду с фронтами вооруженной борьбы фронты экономической, политической, информационно-психологической и других видов военной по своим целям и характеру борьбы.

В советский период отечественной истории в военной идеологии и соответственно в военной науке утвердилась априорная догматическая точка зрения, согласно которой сущность войны составляет вооруженная борьба. Отсюда вытекал культ стратегии сокрушения. После Второй мировой войны оружие массового уничтожения сделало такую позицию как бы вообще бесспорной. Казалось, что применение этого оружия делало другие средства военной борьбы вообще малозначимыми.

Однако именно это оружие серьезно стимулировало развитие эволюции войны в нетрадиционном направлении, вызвавшей в активной разработке средств и методов, направленных на то, чтобы лишить противника способности защищаться без ведения вооруженной борьбы. Да, война с применением обеими сторонами ракетно-ядерного оружия не имела политического смысла, но тем не менее США не отказались от военного уничтожения противника, которым они объявили Советский Союз. «Холодная война» в большой мере явилась результатом появления и накопления ракетно-ядерных вооружений.

Сразу же после окончания Второй мировой войны США настойчиво искали теоретическое обоснование и практические пути уничтожения Советского Союза без развязывания с ним вооруженной борьбы. Тео-

¹⁰ Богданович М.И. Записки стратегии. Правила ведения войны, извлеченные из сочинений Наполеона, Эрцгерцога Карла, генерала Жомини и других военных писателей. Спб, 1847. Т. 2. Ч. 1. С. 132–133.

¹¹ Снесарев А.Е. Война и революция. Кн. 4. М.: Война и техника. 1926.

ретической основой нового ведения войны, по-видимому, послужила теория «стратегии непрямых действий», которую активно разрабатывал английский военный историк и теоретик Лиддл Гарт (1895–1970). Похоже, что положения этой теории имели как открытую, так и строго закрытую часть. Но и без публикации последней было ясно, что США и Великобритания не связывали себя догматическими представлениями о войне только как о процессе массовой вооруженной борьбы. «Холодная война» для них была не аллегорией, а реальной войной с конкретными геополитическими целями, с отвечающими особенностям этой войны стратегией, оперативным искусством и тактикой. В неодинаковом отношении к этой новой войне континентальных и морских держав сказались их различное геополитическое положение и разный мирно-военный опыт. Для последних было привычным сочетание вооруженных и невооруженных средств и методов достижения военных целей.

Советская военная мысль не нашла адекватного ответа на развязанную против Советского Союза нетрадиционную войну, названную «холодной», а на деле оказавшуюся третьей мировой войной, существенно отличавшейся от первых двух мировых войн по средствам и методам ведения. Непринятие ее за войну свидетельствует о том, что насаждаемая неадекватная виртуальная модель реальности может стать устойчивым предрассудком не только в общественном сознании, но и в узкой сфере науки, особенно когда другая точка зрения отрицается безоговорочно. Цепляясь за догму, согласно которой «сущность войны составляет вооруженная борьба», советская военная наука, считавшая себя самой передовой, не увидела в «холодной войне» результат эволюции войны как общественного явления.

Следовательно, советская военная наука активно реагировала только на одно направление эволюции войны, а именно — на эволюцию средств вооруженной борьбы. В разработку искусства подготовки и ведения традиционной войны на основе массовой вооруженной борьбы советская военная наука внесла существенный вклад, который достоин сохранения и умножения, поскольку эта война еще не сдана в архив, средства и методы ее подготовки и ведения продолжают совершенствоваться. А вот то, что она оставила без внимания нетрадиционное направление эволюции войны, которое и породило «холодную войну», следует считать серьезным упущением. К сожалению, наша военная история и военная теория до сих пор не могут публично признать этот факт: мешает догма, сводящая сущность войны к вооруженной борьбе, которая, действительно, может и во многих случаях играет решающую роль в современных неглобальных войнах. Но это не дает оснований для игнорирования нетрадиционных войн, а также широкого сочетания методов войн традиционных и нетрадиционных.

Таким образом, аксиома, связывающая понятие «война» только с вооруженной борьбой, была и остается серьезным препятствием для превращения военной науки в науку о реально развивающейся войне. И хотя «холодная война» дала убедительные доказательства того, что военные цели могут быть достигнуты не только вооруженным путем, но и другими средствами и методами, наша военная наука в своем учебно-программном содержании остается на прежних позициях. Причинами этого являются ее ведомственное положение, догматизм военных ученых, а также политическая заинтересованность определенного круга людей в объяснении разрушения Советского Союза исключительно общественно-политическими причинами, слабостями социализма как общественной системы. Именно поэтому представители радикальной либеральной идеологии, претендующей на монопольное объяснение истории и целей современной политики, сбрасывают со счетов истории

фактор «холодной войны». Как видим, война идеологий препятствует трансформации военной науки в подлинную науку о войне. Теперь уже другая господствующая идеология ограничивает военную науку прикладной проблематикой.

Вторая аксиома, которая утверждает неустрашимость войны и невозможность создания положительной науки о ней, также была и остается серьезным препятствием на пути превращения военной науки из прикладной (о подготовке и ведении войны) в системную науку о войне как общественном явлении.

Эту аксиому официальная русская военная наука до 1917 года принимала, хотя многие видные представители общественности ее яростно оспаривали. В статье о войне, опубликованной в 1881 году в российской «Энциклопедии военных и морских наук», эта аксиома излагалась следующим образом: «Война является одним из могущественнейших и неизбежных факторов развития человеческой культуры. Борьба лежит в основе всего живущего. Все силы природы находятся в постоянной борьбе между собою, стремясь к созданию нового и более совершенного путем разрушения старого и отжившего. Таков основной закон природы. Человечество, составляя часть ее, в своей деятельности подчиняется тому же закону, поэтому войны всегда были и будут»¹². Эта аксиома считалась достаточной для опровержения доктрины «вечного мира», к которому направлены стремления философов и моралистов», которая «весьма похвальная, но, в конце концов расходящаяся с вышеприведенным законом природы и человеческой природы в особенности, а поэтому и утопическая. Да и будущая история человечества ничего иного дать не может. Пока человечество существует – войны неизбежны»¹³.

Вывод категоричный, но бездоказательный в том плане, что предлагал принять на веру названные закон природы и взгляд на природу человека. Только война – не дар природы, а общественное деяние людей, обладающих не только ситуативной психической реакцией, но и разумом и целенаправленной волей, которые позволяют им творить собственную историю. Война и мир – это результат их собственного выбора, иногда трудного, порой жестко обусловленного, но выбора. Люди, творя свою историю, выбирали и продолжают выбирать путь войны, при этом нередко без диктата обстоятельств. Это дает основание для постулата о вечности войны. Однако если признать войну неустрашимой, то военной науке остается заниматься только проблемами ее подготовки и ведения. В таком случае все содержание науки о войне сводится к декларированию ее исторической неустрашимости как общественного явления и созданию системы прикладных научных дисциплин о ее подготовке и ведении.

Но все общество не может принять положение о вечности, неустрашимости войны в качестве аксиомы. В нем всегда найдется сторонники ее немедленного устранения, впрочем также без доказательства такой возможности, только в силу ее противности гуманистической природе человека. С таких позиций активно вел борьбу против войны великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, многие известные общественные деятели, а также деятели культуры и науки.

Противоречивая мирно-военная общественная практика, нерешенность наукой вопроса об устранимости или неустрашимости войны, переменчивость позиции общественного мнения – все это приводит к шараханью государственной политики от милитаризма к пацифизму. Такого рода «крутые повороты» в отечественной истории имели место дважды. И оба раза с серьезными негативными последствиями для страны. Первый раз это

¹² Энциклопедия военных и морских наук/ Под ред. Г.А. Леера. СПб., 1881. Т. 2. С. 269.

¹³ Там же.

произошло при Николае II, призвавшем в канун XX века все государства к радикальному разоружению. Но внявших этому призыву не нашлось. Второй раз такое случилось при руководстве Советским Союзом М.С. Горбачевым, который предложил мировому сообществу перейти на «новое политическое мышление для страны и всего мира». Руководства других стран аплодировали его действиям по одностороннему разоружению Советского Союза, но само предложенное «новомышление» для себя посчитало неприемлемым.

Создание науки о войне требует не априорного, а доказательного решения вопроса об устранимости или неустраимости войны как общественного явления. Это ключевой, фундаментальный вопрос науки о войне. Для его решения необходимы гигантские усилия многих наук. Проект организации таких усилий впервые был предложен Н.Н. Головиным еще в 30-х годах XX столетия в ранее указанной работе¹⁴. Он начал свое обоснование с утверждения о том, что положительная наука о войне возможна.

Головинский проект создания новой науки о войне не был оценен по достоинству и не принят к рассмотрению ни одним государством, ни одной обладающей для этого возможностями негосударственной организацией. Общественная практика все время требовала проектов лучшей подготовки и ведения войн. Создание положительной науки о войне не вписывалось в эти проекты. Отсюда и современная констатация, что науки о войне пока нет.

Советская военная наука дала положительный ответ на вопрос об устранимости или неустраимости войны из общественного мирового процесса. Ответ этот базировался на марксистской философии истории, согласно которой существование войны связано с существованием антагонистических классов, и она будет ликвидирована с победой социализма во всемирном масштабе. В начале 60-х годов была внесена даже поправка, согласно которой война перестанет быть неизбежной раньше, до победы социализма во всемирном масштабе, поскольку Советский Союз к тому времени ликвидировал монополию США на ядерное оружие и победа над ним в войне с применением этого оружия стала невозможной.

Это был ответ на основе идеологической позиции государства. Насколько он был научным, что зависело от научной обоснованности этой идеологии. Советский Союз с его идеологией по вопросам войны и мира канул в Лету, оставив огромный как позитивный, так и негативный опыт их рассмотрения и решения, который военно-исторической науке еще предстоит детально исследовать и оценить. Стоит только отметить, что советская военная наука за годы своего существования не сняла взгляд на войну как вооруженную борьбу, а за научное решение проблемы ее устранимости или неустраимости приняла императив господствующей государственной идеологии.

Предстоит приложить огромные усилия, чтобы вывести российскую военную науку из кризисного состояния, поднять ее на уровень системной науки о войне как общественном явлении. Для этого необходимо не просто заменить императивы коммунистической идеологии на либеральные императивы в решении фундаментальных вопросов науки о войне, а подняться над ними, снять всякие идеологические ограничения и догматические шоры.

(Продолжение следует)

¹⁴ Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны.

Совершенствование перевозок воинских грузов

*Капитан 1 ранга в запасе А.В. КИРИЧЕНКО,
доктор технических наук*

Подполковник С.В. ХАРЧЕНКО

ПЕРЕВОЗКА груза от отправителя к получателю осуществляется, как правило, несколькими видами транспорта. В каждом из вариантов такой смешанной (комбинированной) перевозки обязательна операция перегрузки в пункте стыка видов транспорта или собственно груза, или емкости, в которую он помещен. С точки зрения уменьшения сроков доставки перевозимого груза, сокращения времени простоя транспортных средств, экономии трудовых и финансовых затрат на передачу груза с одного вида транспорта на другой наиболее эффективной считается смешанная перевозка, при которой груз в пункте стыка передается на другой вид транспорта вместе с грузовой емкостью. Такая система перевозок определяется термином «бесперегрузочные сообщения».

При перевозке груза при бесперегрузочном сообщении имеют дело не с грузом как таковым, а с некоторой его массой, выраженной в определенном весовом, объемном, штучном количестве и размещенной на грузовом модуле – укрупненной грузовой единице (УГЕ), которую принято обозначать также аббревиатурой УЛД (Unit Load Device). К УГЕ относятся: контейнеры, прицепы, полуприцепы, съемные кузова автомобилей; кузова вагонов, допускаемых к перевозке по железным дорогам с различной шириной колеи; роудрейлеры и лихтеры*. В авиации к категории УГЕ причисляются также поддоны, а на водном транспорте – стоп-пакеты и связки.

В нашей стране и за рубежом **самым распространенным видом бесперегрузочных сообщений являются контейнерные перевозки**. Это объясняется рядом достоинств, которые присущи данному виду перевозок. В настоящее время контейнеры широко используются и для перевозок воинских грузов. Основной их объем приходится на внутренние сообщения. При этом в границах сети железных дорог нашей страны контейнерные перевозки выполняются, как правило, в прямом смешанном сообщении, а в районы Крайнего Севера – с перевалкой в морских и речных портах страны. В военное время контейнерные перевозки будут особенно эффективны при разобщении транспортной сети на изолированных участках и разрывывании на барьерных рубежах временных перегрузочных районов.

Значительное количество **тарно-штучных грузов** доставляется от поставщиков в войска, а также перевозится в составе воинских транспортов в крытых железнодорожных вагонах и автомобильным транспортом. Погрузка и выгрузка, складирование этих грузов осуществляются в основном вручную, поскольку транспортирование в виде небольших грузовых единиц массой до 100 кг затрудняет механизацию погрузочно-разгрузочных и складских работ. Отсюда низкая производительность труда, длительные простои подвижного состава под грузовыми операциями.

---

* Лихтер (голл. *lichter*) — самоходное морское судно для перевозки грузов, а также для беспричальных грузовых операций при погрузке – разгрузке на рейде глубоководных судов, которые не могут войти в порт.

Кроме того, доставка тарно-штучных грузов в неукрупненном виде приводит к большим затратам на тару и упаковку. Высокий коэффициент собственной массы тары (в основном деревянной) ухудшает использование транспортных средств. Из-за несовершенства таких способов транспортирования потери сыпучих грузов доходят до 15 %. В результате механических повреждений при погрузке-выгрузке теряется более 10 % строительного кирпича, продовольствия в стеклянной таре и других хрупких грузов.

Перевозка тарно-штучных грузов на железнодорожном транспорте в крытых вагонах, в трюмах морских и речных судов связана с наиболее значительными материальными и трудовыми затратами. При этом себестоимость погрузочно-разгрузочных и складских работ возрастает в два раза и более.

Следовательно, актуальными являются задачи совершенствования тары, способов транспортирования тарно-штучных грузов, повышения уровня комплексной механизации погрузочно-разгрузочных и складских работ с ними.

Одно из основных направлений решения этих задач — укрупнение грузовых мест, осуществляемое в два этапа: п е р в ы й — *внедрение пакетных перевозок тарно-штучных грузов* на базе создания механизированных комплексов по формированию пакетов грузов, включающих в себя пакетоформирующие машины и оборудование по скреплению пакетов; в т о р о й — *контейнеризация грузов*.

Концепция упаковочного комплекса предусматривает перевозку тарно-штучных грузов только в пакетах или контейнерах. При этом контейнеры используются транспортировки для более дорогостоящей продукции.

Укрупнение мелких грузовых мест до транспортных пакетов приобретает еще большую значимость в связи с тенденцией более широкого применения крупнотоннажных универсальных контейнеров, так как позволяет механизировать загрузку и разгрузку этих контейнеров, а пакеты из тарно-штучных грузов сформировать в облегченной упаковке или без нее.

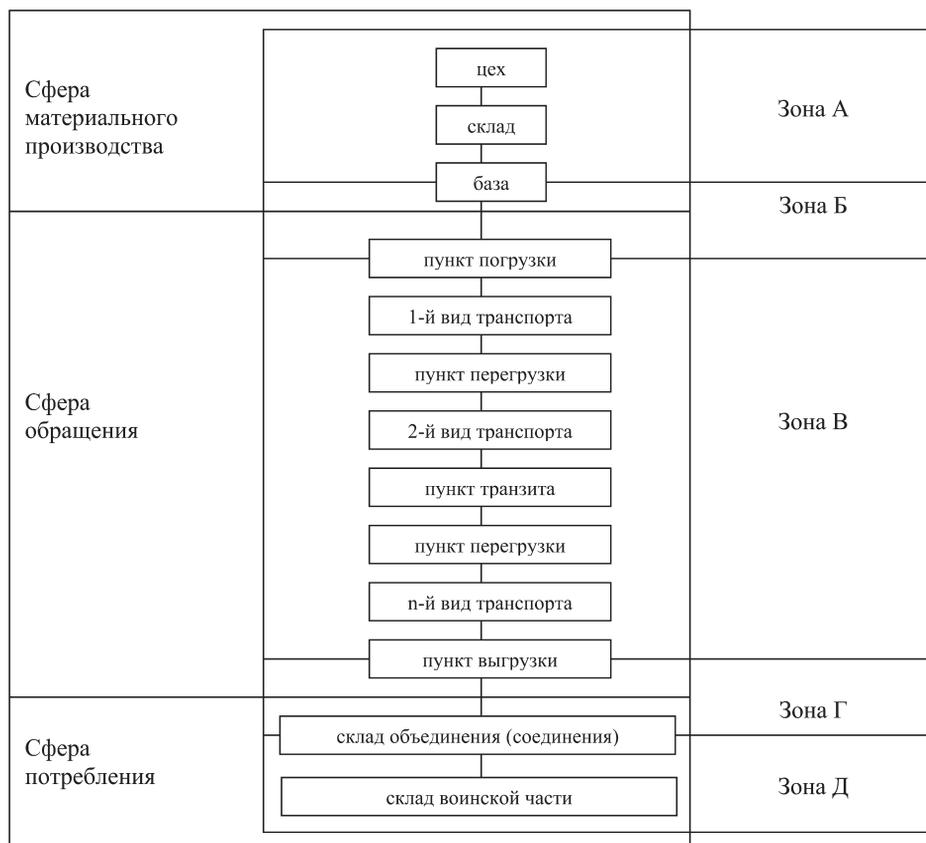
Таким образом, *общая интенсификация процесса транспортирования тарно-штучных грузов предполагает широкое использование многооборотных средств укрупнения грузовых мест (СУГМ)* и внедрение на этой основе прогрессивных транспортных технологий, определяющих состав и порядок функционирования пакетных, контейнерных и лихтерных транспортно-технологических систем.

Действие экономических законов определяет целесообразность выбора грузоподъемности применяемых транспортных средств в зависимости от расстояния перевозки. Так, являются более эффективными средства большей грузоподъемности с увеличением расстояния, на котором они используются. В результате на пути следования к потребителю с грузами осуществляются технологические операции, показанные на рисунке укрупненно в виде технологических зон (рис.).

Зона А — формирование грузовых мест (укрупненных грузовых мест) в сфере материального производства, включающее упаковку в потребительскую, первичную транспортную и транспортную тару.

Зона Б — дополнительное укрупнение грузовых мест на границе сфер материального производства и обращения на основе комбинации различных многооборотных СУГМ (укладка отдельных грузов на крупнотоннажные поддоны, в контейнеры или лихтеры, загрузка контейнеров ранее сформированными пакетами и т. д.).

Зона В — доставка грузов в сфере обращения (погрузка, перевозка и выгрузка различными транспортными предприятиями).

Технологические зоны при перевозках грузов от поставщика в войска

Зона Г – частичное разукрупнение грузовых мест на границах сфер обращения и потребления.

Зона Д – доставка грузов в сфере потребления, в том числе с использованием транспортных средств грузополучателя; полное расформирование грузовых мест.

Переход на пакетную доставку грузов диктуется также все возрастающими объемами их перевозки в международных сообщениях, в том числе по интермодальным транспортным коридорам (по национальным их отрезкам). Это предполагает перевозку отечественных тарно-штучных грузов (включая воинские) в пакетированном виде, поскольку технология погрузочно-выгрузочных работ, специализация транспортных средств в развитых зарубежных странах ориентирована на переработку УГЕ.

Анализ статистических данных показывает, что в нашей стране наибольший объем отправок в пакетированном виде приходится на строительные и пиломатериалы, а также на стальной прокат и трубы. В качестве средства скрепления здесь используются пакетирующие стропы, кассеты, проволока, стальная лента, а сами грузы допускают значительные местные напряжения, возникающие при скреплении. Объем пакетных перевозок тарно-штучных грузов, более характерных для воинской номенклатуры (в мешках, деревянных, картонных, пластмассовых ящиках и др.), еще незначителен и составляет около 10 %, что объясняется в частности сложностью формирования из них пакетов и ограничениями при выборе средств скрепления (они должны обеспечивать сохранность тары благодаря равномерному распределению скрепляющих усилий по всему пакету).

Проведенные исследования показывают, что в недалекой перспективе объем отправления тарно-штучных грузов в пакетах может возрасти в несколько раз. Такой рост должен сопровождаться как совершенствованием существующего оборудования, так и разработкой и внедрением новых, более эффективных способов и технологий формирования и скрепления пакетов тарно-штучных грузов, в частности применением для этих целей термоусадочных и растягивающихся пленок.

В зарубежной практике уже длительное время успешно реализуется **концепция упаковочного комплекса или упаковочной системы**. К сожалению, в России большого распространения она пока не получила. **Суть концепции заключается в том, что само изделие, предназначенные для него упаковка и тара, условия его хранения и транспортирования рассматриваются как единое целое.**

Уже на стадии проектирования изделия или изготовления опытного образца изучаются его особенности с точки зрения выбора оптимальной упаковки, определяются расстояния, на которые предстоит его перевозить, виды транспорта, количество перевалочных операций, возможности использования СУГМ, организация складирования. Большое внимание уделяется разработке рационального вида упаковки. Определяются цели, которых надо добиться при ее создании: обеспечение надежной защиты изделий при хранении и транспортировании; удовлетворение специальных требований потребителей; экономия упаковочных материалов; снижение затрат при изготовлении тары и упаковки; уменьшение транспортных расходов; снижение стоимости складирования упакованной продукции.

Рассматриваются вопросы организации перевозки изделий и перевалочных операций, что позволяет учесть технологические особенности используемых подъемно-транспортных средств, а также требования, предъявляемые складским оборудованием к упаковке. Затем выбирается вид упаковки в зависимости от размеров изделия, его массы, хрупкости, стойкости к атмосферным осадкам. Оптимальным соотношением массы упаковки к массе изделия считается 1:10. В связи со значительными затратами на тару и упаковку предъявляются жесткие требования к их экономичности.

В структуре промышленных предприятий США и Западной Европы имеются специальные отделы, в задачу которых входят разработка и испытания тары и упаковки, проведение технической учебы и семинаров по данным вопросам. Эти отделы располагают хорошо оснащенными лабораториями, где имеются испытательное оборудование, климатические камеры. Специалисты в США считают, что для большей части массовой продукции требуется оптимальный уровень защиты, а не безусловное обеспечение сохранности грузов при перевозке. Стремление к стопроцентной защите потребовало бы чрезмерно сложной и дорогой упаковки. Экономически оправданным считается допущение некоторой доли поломок и повреждений, которая рассчитывается для конкретного вида продукции с учетом вида транспорта, числа перевалок, дальности транспортирования. При этом действует принцип — чем дороже изделие, тем надежнее должны быть тара и упаковка.

Как правильно отмечает А.Н. Павлов, оптимальным решением можно считать такое, когда сумма затрат на упаковку и стоимость потерь будут минимальными¹. Для уникальных, особо ценных изделий, в частности некоторых видов электронной техники, тара и упаковка долж-

¹ Павлов А.Н. Рациональная упаковка — надежная защита от потерь // Тара и упаковка. 1990. № 10. С. 16–17.

ны обеспечивать надежную защиту, как бы дорого это ни обходилось. Такой же принцип действует и при перевозке опасных грузов.

Считается также, что *обеспечение надлежащих условий перевозки более важно, чем создание хорошей упаковки*, так как невозможно разработать совершенную тару, защищающую от всех возможных нагрузок и напряжений, которые могут возникнуть в пути.

В США ежегодно всеми видами транспорта перевозится свыше 20 млрд пакетов. Парк поддонов здесь составляет 4 млрд штук, а ежегодное их изготовление — свыше 250 млн (в основном деревянных, однократного использования). В Японии ежегодно изготавливается свыше 30 млн деревянных поддонов, во Франции, Германии и Великобритании — по 20–25 млн. В последние годы все чаще используют поддоны из пластмассы, древесно-волоконистых плит, гофрированного картона (пяти- и семислойного). Особенно перспективно использование поддонов из пластмассы, которые имеют незначительную массу, просты в санитарной обработке и стойки к химическому воздействию. Также внедряется способ пакетирования тарно-штучных грузов без применения поддонов.

В зарубежных странах ведутся работы и по совершенствованию подвижного состава. Создаются вагоны с расширенными дверными проемами, раздвижными боковыми стенками и др. Для защиты грузов во время транспортирования используются надувные (одно- и многоразовые) мешки. Десятки ведущих фирм заняты разработкой и изготовлением оборудования для формирования, расформирования и скрепления пакетов грузов. Особенно широкое применение получили пакетоформирующие машины, использующие принцип «неподвижного поддона» в процессе формирования, и оборудование для скрепления пакетов полимерными пленками (термоусадочными и растягивающимися). Для пакетирования тарно-штучных грузов на поддонах уже созданы и успешно используются роботы.

Переход развитых стран на пакетные перевозки грузов позволил в среднем снизить втрое простои вагонов и автомобилей под грузовыми операциями, на 20–40 % — транспортные расходы и сократить потери товаров.

Итак, ввиду явных преимуществ пакетных и контейнерных перевозок в целом увеличение объемов доставки воинских грузов в контейнерах, расширение сферы их использования — одна из приоритетных задач войск и органов военных сообщений Вооруженных Сил РФ.

Гражданско-военные отношения в англо-саксонской системе руководства вооруженными силами

*Генерал-майор С.Л. ПЕЧУРОВ,
доктор военных наук*

ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович родился 25 марта 1951 года в Московской области. В 1975 году закончил Военный институт иностранных языков (восточный факультет). Выпускник спецкурсов СА и ВМФ СССР (1980), курсов руководящего состава ГУ ГШ ВС РФ (1994), курсов инспекторов по контролю международных договоров в области сокращения вооружений (1998).

В 2002 году окончил факультет переподготовки и повышения квалификации ВАГШ ВС РФ.

Проходил службу в ТуркВО, странах Ближнего Востока. С начала 1980-х годов служит в центральном аппарате Министерства обороны РФ. В настоящее время является заместителем начальника одного из основных научных учреждений ГШ ВС РФ.

Имеет сертификаты «Интегральное и финансовое планирование в демократических условиях рыночной экономики» (Крэнфилдский университет и Шрифинхэмский военнотехнический колледж — Великобритания) и «Управление оборонными ресурсами (курсы при Министерстве национальной обороны Канады)».

По итогам проведения конкурса лучших материалов, опубликованных в журналах Министерства обороны РФ и газете «Красная звезда» приказом Министра обороны РФ генерал-майору С.Л. Печурову в 2007 году присуждена вторая поощрительная премия за статьи, опубликованные в «Военно-историческом журнале»: «Суэцкий кризис 1956 года: истоки, сущность, уроки» (№ 6) и «Корейские уроки для военной коалиции» (№ 9).

СИСТЕМА руководства вооруженными силами является продуктом определенного исторического развития, определенной политической и военной культуры. Причем у государств с англо-саксонской моделью военного устройства, копируемой ныне подавляющим большинством стран мира, вырисовывается преобладание ряда общих черт. В них доминирует наличие ярко выраженной системы гражданского управления вооруженными силами как в мирное, так и военное время.

Гражданское управление или контроль в основных англо-саксонских государствах воспринимается как само собой разумеющееся явление, поскольку насчитывает не одну сотню лет. Однако в такой социокультурной среде нередко возникает явление эксцессов, коллизий во взаимоотношениях между гражданскими руководителями военного ведомства и высшим генералитетом, между гражданскими чиновниками более низкого уровня и их военными коллегами¹.

Обычно конфликты во взаимоотношениях гражданских и военных ведут лишь к «трепке нервов» одной и другой стороны, но, бывает, приводят к серьезным последствиям, вплоть до пересмотра концептуально-нормативной базы функционирования военной машины страны, а в случае выхода этих конфликтов за рамки национального стратегического управления — к внутреннему политическому кризису.

¹ К о к о ш и н А.А. «Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России». М.: РОССПЭН, 2003. С. 227.

Один из крупнейших отечественных аналитиков в области военно-политических проблем А.А. Кокошин отнюдь не случайно подметил начинающую превалировать на рубеже XX—XXI веков тенденцию во все большего вмешательства политических руководителей в те сферы, которые должны быть, по логике, доверены компетентным военным профессионалам². Это не в последнюю очередь относится к англо-саксонским государствам.

Англо-саксонский теоретик в области стратегического управления Сэмюэль Хандингтон в опубликованном в 1957 году фундаментальном труде «Солдат и государство», обосновал систему, названную им «объективным контролем», в соответствии с которой «балансируется профессионализм военных в своей сфере и всестороннее гражданское политическое превосходство»³. Тем самым, С. Хандингтон рекомендовал гражданским руководителям предоставить существенную автономию военным профессионалам в вопросах тактики и оперативного искусства в обмен на их полное и беспрекословное подчинение гражданскому контролю в политике и стратегии в опубликованном в 1957 году фундаментальном труде «Солдат и государство»⁴. Данная рекомендация была выделена автором особо, в связи с постоянным разрастанием, в пик «холодной войны», могущества военного истеблишмента и угрозой «подминания» им под себя гражданского общества. «Офицер вооруженных сил должен быть политически нейтрален», — писал С. Хандингтон. По его мнению, образцовыми военными являлись начальники штабов видов ВС Великобритании в период Второй мировой войны, поскольку «они поддерживали решения правительства Его величества, с которыми порой не были согласны в корне»⁵.

В англо-саксонской военной теории подчеркивается, что впервые озабоченность гражданского общества относительно потенциальной возможности военных в активном участии в политической жизни была осознана после «бескровной» или «славной» революции 1688 года, в результате которой не без заговора военных был свергнут законный монарх Джеймс II Английский (VII Шотландский). В качестве отрицательного примера «политизированности военного» С. Хандингтон приводит известного прусского военного деятеля и ученого Карла фон Клаузевица, который «не будучи согласным с политикой своего короля в 1812 году переметнулся в Россию»⁶.

По мнению Клаузевица, политика, которая видит войну просто как средство, но не в состоянии понять сути этого средства — плохая политика. Поэтому, якобы, стратегия как практическое воплощение политики должна быть результатом диалога между политиками и военными, а ее сущностью должна быть гармонизация отношений тех и других⁷. В этой связи Клаузевиц рекомендовал в обязательном порядке главнокомандующего «в поле» ввести в состав правительства или политического органа, руководящего войной. Этот постулат прусского теоретика был незыблем в основных европейских государствах вплоть до окончания Второй мировой войны. Формировались различные органы стратегического управления, которые объединяли политических и военных руководителей за одним столом для выработки тех или иных стратегических решений.

² Кокошин А.А. Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. С. 38.

³ Desch C. Michael. «Bush and the Generals», «Foreign Affairs», vol. 86, № 3. May-June 2007.

⁴ Ibid.

⁵ Strachan Hew. «Making Strategy: Civil-Military Relations after Iraq», «Survival», vol.48, № 3. Autumn 2006.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

В частности в Великобритании (главном в то время англо-саксонском государстве) в 1902 году был сформирован так называемый *Комитет имперской обороны* в качестве вспомогательного, советнического органа при кабинете министров. С началом Первой мировой войны его функции были поглощены самим кабинетом. Но его работа в том, что касалось непосредственно ведения войны, была малоэффективна, поскольку зачастую «тонула» в бесконечных дискуссиях, навязываемых министрами, имевшими весьма отдаленное отношение к военным действиям. Поэтому в декабре 1916 года новый премьер Дэвид Ллойд Джордж был вынужден сформировать военный кабинет, членами которого являлись те главы департаментов, которые имели непосредственное отношение к войне. На все заседания кабинета приглашались и начальники штабов видов ВС.

В годы Второй мировой войны Уинстон Черчилль, возглавив коалиционное правительство, несмотря на настойчивые рекомендации своего главного советника Мориса Хэнка, отказался от идеи формирования подобной структуры в рамках кабинета. Выведя из его состава видových министров, он взвалил на себя всю ответственность за руководство войной, сославшись при этом на свой личный богатый военный опыт⁸. Следует отметить, что разногласия внутри правительства Черчилля никогда не становились достоянием общественности. Эту весьма важную деталь всегда подчеркивают исследователи гражданско-военных отношений в рамках функционирования англо-саксонской модели военного управления. Сразу после войны при кабинете министров нового премьера был создан *Комитет по вопросам обороны*, заместителем начальника которого назначался министр обороны. Негатив заключался в том, что членами этого органа наряду с ключевыми министрами правительства были и начальники штабов видов ВС, и видовые министры, в результате чего позиция главы МО зачастую размывалась, а то и нивелировалась «особым мнением» тех или иных его коллег по военному ведомству, имевших голос при обсуждении выносимых на повестку дня проблем⁹. В последующем, структура, подобная военному кабинету с британской спецификой была опробована в последний раз в Великобритании в 1982 году в период Фолклендской войны и премьерства Маргарет Тетчер, когда ее непосредственным стратегическим советником был назначен начальник штаба обороны сэр (затем лорд) Теренс Левин. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что какого-либо легитимного обеспечения в Великобритании наработанного опыта по созданию в рамках правительственных структур органа совместной гражданско-военной выработки стратегических решений так и не получило.

В США ситуация с балансом гражданско-военных отношений в области стратегического руководства складывалась иначе. Несмотря на зачастую откровенное копирование британской модели руководства в военной сфере, американцы, хотя и с задержкой, но привносили нечто новое в управленческие структуры и, соответственно, в методы решения постоянно возникавших проблем в данных взаимоотношениях.

Важно подчеркнуть, что США вступили во Вторую мировую войну, не имея единого министерства обороны и единого штаба видов вооруженных сил (в то время сухопутные войска и ВМС). Днем создания Комитета начальников штабов считается 9 февраля 1942 года, когда начальники штабов СВ и ВМС встретились со своими британскими коллегами в составе созданного британским премьером Уинс-

⁸ Печуров С.Л. Англо-саксонская модель управления в военной сфере: история и современность. М.: URSS, 2005. С. 153.

⁹ Там же. С. 154.

тоном Черчиллем и американским президентом Франклином Рузвельтом Объединенного комитета начальников штабов Великобритании и США. Так как британскую сторону в этом органе представлял комитет начальников штабов (КНШ), созданный еще в начале 20-х годов, то для соблюдения протокола Рузвельтом было принято решение называть американских представителей в Объединенном комитете также КНШ. Однако никаких официальных документов о создании американского КНШ не издавалось и никакой юридической базы под его деятельность не подводилось. Все решения политико-стратегического характера принимались только на уровне премьер — президент.

После Второй мировой войны в американском руководстве, с учетом опыта Великобритании и резко возросшим авторитетом военной верхушки, посчитали благоразумным хотя бы косвенно привлечь генералитет к выработке стратегических решений. С этой целью был запущен механизм разработки легитимной основы, выразившейся в принятии в 1947 году «Закона о национальной безопасности».

В принятом законе говорилось, что его целью является обеспечение всесторонней программы для будущей безопасности Соединенных Штатов и обеспечение трем видам ВС «властной координации и общего управления». Закон создал *Национальное военное управление*, возглавляемое министром обороны (обязательно гражданское лицо) и состоящее из трех гражданских же министерств: СВ, ВВС и ВМС. Министр обороны становился «главным помощником президента во всех делах, касающихся национальной безопасности»¹⁰. Однако власть министра была сильно ограничена тем, что все три видовых министерства продолжали управляться своими руководителями (гражданскими министрами) как отдельные исполнительные ведомства, которые сохранили право представлять президенту любой доклад или рекомендацию, имеющие отношение к их департаментам. Видовые министры также являлись полноправными членами кабинета президента и созданного в соответствии с этим же законом *Совета национальной безопасности* — некоего подобия британского военного кабинета. Обязанностью данного нового органа являлось консультирование президента в вопросах, касающихся «интеграции внутренней, внешней и военной политики»¹¹. Членами Совета помимо видовых министров стали президент, госсекретарь, министр обороны и председатель Совета ресурсов национальной безопасности.

По «Закону о национальной безопасности» КНШ становился официальным легитимным органом (при Рузвельте он наделялся только совещательными функциями), а также «главным военным помощником президента и министра обороны» с правом разрабатывать стратегические планы... и рассматривать материальные и людские потребности вооруженных сил»¹².

Несмотря на принятие данного «революционного» (по меркам США) закона, многие проблемы оставались нерешенными, не до конца ясным оставалось и разграничение полномочий высших гражданских и военных официальных лиц в военном ведомстве. Поэтому уже в 1949 году законодательными инстанциями был принят ряд поправок к закону, самыми важными из которых явились те, которые четко очерчивали полномочия министра обороны, зачастую в ущерб генералитету. Национальное военное управление преобразовывалось в министерство обороны, министр получал неограниченное «управление, власть и контроль» над всей организацией, включавшей три видовых министерства,

¹⁰ <http://www.squ.ru>.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

и становился главным помощником президента во всех делах, касавшихся проблем обороны.

Видовые министры теряли ранг членов кабинета и прежнее право делать доклады и рекомендации непосредственно президенту. Однако они вместе с членами КНШ сохранили право давать рекомендации Конгрессу.

Кроме того, Закон предоставил министру обороны право осуществлять те же «управление, власть и контроль» через своего заместителя и специальных помощников.

Было внесено и несколько важных изменений в структуру и состав КНШ. В частности, предусматривалось назначение постоянного председателя КНШ, который становился советником президента и министра обороны. Вместе с тем, Конгресс отклонил предложение президента снять все ограничения на размер КНШ, опасаясь, что это может привести к созданию «генерального штаба» — органа, абсолютно неприемлемого для англо-саксонской системы военного управления, отличающейся беспрецедентной децентрализацией в руководстве войсками. Правда, было принято решение увеличить количество должностей в аппарате КНШ со 100 до 210. Таким образом, амбиции американской военной верхушки были удовлетворены лишь частично.

Если говорить в целом, то военный истеблишмент США, считавший свою роль в достижении победы во Второй мировой войне «исключительной», почувствовал себя «обойденным» и даже «дискриминированным». Поэтому не иначе как проявлением этого недовольства со стороны американского генералитета многие восприняли неоднократные демарши весьма популярного генерала Дугласа Макартура, занимавшего в конце 40-х — начале 50-х годов пост главкома ВС США на Дальнем Востоке и одновременно командующего войсками ООН в Корее, который демонстративно, не считаясь с проводимым президентом Г. Трумэном внешнеполитическим курсом, мог позволить себе начать обреченное на международный скандал крупное «наступление против коммунистов» в Северной Корее или пригрозить «ядерным ударом по Китаю», что вызвало переполох, в том числе и в вашингтонских коридорах власти. Гражданская власть в конце концов сместила «взбунтовавшегося» генерала, продемонстрировав военной верхушке, кто хозяин положения.

После этого инцидента и вплоть до Вьетнамской войны особых трений между гражданским и военным руководством военной машины США не отмечалось. Сохраняющаяся по сей день напряженность в гражданско-военных отношениях в американском истеблишменте уходит корнями именно во Вьетнамскую войну. Решение о вторжении во Вьетнам было инициировано гражданскими руководителями: президентами Дж. Кеннеди и Л. Джонсоном, министром обороны Р. Макнамарой, госсекретарем Дином Раском, советником по национальной безопасности Макджорджем Банди и поддержано нижестоящими официальными лицами руководящих структур Вашингтона. С самого начала высшее военное руководство без энтузиазма восприняло решение о вовлечении наземных войск в разрешение конфликтов в государствах Юго-Восточной Азии. В этой связи бывший тогда молодым офицером Колин Пауэлл вспоминал: «Как корпоративное сообщество американские военные просто боялись признаться самим себе и уж тем более заявить гражданскому руководству о том, что такой способ войны — это не путь к победе»¹³. Главный же урок, вынесенный американскими военными, по признанию крупного западного аналитика Майкла Деша, состоял в том, что их безропотное повиновение гражданским властям,

¹³ D e s c h C. M. Bush and the Generals, Foreign Affairs, vol.86, № 3. May — June 2007.

во-первых, ведет лишь к потере их же авторитета и, во-вторых, развязывает руки официальному Вашингтону для дальнейших, подобных вьетнамской, авантур¹⁴.

Бесславное окончание Вьетнамской войны, естественно, не могло остаться без последствий, в том числе и для военной машины США. Созданные многочисленные комиссии и советы на всех уровнях, занимавшиеся анализом этих событий, приведших к трате практически впустую огромных материальных и людских ресурсов, предложили сотни рекомендаций, в том числе и по трансформации вооруженных сил. Пожалуй главной из них явился переход на профессионализацию ВС, занявший целое десятилетие. Это, впрочем, несколько не прибавило авторитета и проигравшей войну военной верхушке, да и популярности службы государству в рядах вооруженных сил.

Тем не менее, начавшаяся серьезная работа в Конгрессе с привлечением как гражданских, так и военных экспертов выразилась в принятии в 1986 году фундаментального, сравнимого разве что с аналогичным актом 1947 года, так называемого Закона Голдуотера-Николса. Главными положениями в содержании этого закона были обозначены мероприятия по практической централизации руководства вооруженными силами за счет предоставления беспрецедентно больших полномочий председателю КНШ как главному военному советнику президента. Но при этом сохранялся фундаментальный принцип руководства ВС — разделение административной и оперативной ветвей управления американскими вооруженными силами¹⁵.

Американский генералитет, расценивший данный закон как шанс утверждения своего влияния в коридорах власти Вашингтона, тут же приступил к воплощению его в жизнь. Работу начал адмирал Уильям Крау, в те годы председатель КНШ. За ним бурную деятельность продемонстрировал весьма популярный в те годы генерал Колин Пауэлл, имевший большой авторитет и среди гражданских представителей законодательной власти. Активизация работы последнего даже спровоцировала опасения относительно того, что военные постараются интерпретировать статьи закона так, чтобы максимально уменьшить гражданский контроль над собой. Однако Пауэлл публично заверил встревоженную было американскую общественность в том, что его «внутренняя позиция полностью совместима с идеей подчинения военных политическому контролю: война должна иметь место только для достижения целей политики»¹⁶.

Но пришел конец «холодной войне», на пике «празднования победы» в ней в Белом доме воцарилась администрация в прошлом активного противника войны во Вьетнаме Билла Клинтона. Первыми шагами нового президента, как и было обещано, стали резкие сокращения оборонного бюджета и, как следствие, уменьшение численности вооруженных сил — почти на одну треть. В этих условиях для того, чтобы упорядочить работу военного ведомства и получить поддержку законодателей Б. Клинтон назначил министром обороны в прошлом председателя комитета Палаты представителей по делам вооруженных сил Леса Эспина, который привел с собой в Пентагон целую команду интеллектуалов-гражданских, своими «кардинальными» советами лишь усугубивших недовольство военных. Другой министр обороны Уильям Коэн (во второй администрации) вообще пошел на прямую конфронтацию

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Печуров С.Л. Англо-саксонская модель управления в военной сфере: история и современность. С. 153.

¹⁶ Strachan Hew. Making Strategy: Civil-Military Relations after Iraq, Survival, vol.48, № 3. Autumn 2006.

с военными, вынудив уйти в отставку начальника штаба ВВС генерала Рона Фоглемана, пользовавшегося широкой поддержкой в военной среде. В целом же, все свое негодование в отношении «антивоенных» практических шагов президентской администрации в 90-е годы, генералитет направлял непосредственно в адрес главы государства Б. Клинтона. Но и у гражданского руководства министерством обороны по отношению к военным также было предостаточно претензий, причем касавшихся их профессиональной деятельности. Это и провалы операций в Сомали и на Балканах, и неоднократные удары по восстановленному было общественному доверию и этике военного руководства из-за сексуального скандала в ВМС, «дедовщине» в спецвойсках, многочисленных проявлениях расизма и ксенофобии и т. д.

Тем не менее, недовольство внешнеполитическим курсом Б. Клинтона, названного «политикой гуманитарных интервенций» с неограниченным применением силы, встретило в конце концов открытое сопротивление военных. Будучи председателем КНШ генерал К. Пауэлл опубликовал две статьи, в которых убедительно доказывал необходимость дозированного и лишь в крайнем случае применения вооруженных сил, что, по мнению специалистов, сыграло сдерживающую роль в августе 1995 года и позволило ограничиться в ходе событий в Боснии лишь авиационными ударами без ввода наземных войск¹⁷. Изложенные в этих статьях взгляды на применение вооруженных сил, как крайнего средства в политике, впоследствии получили название «Доктрина Пауэрла», сторонником которой в принципе назвал себя преемник Колина Пауэрла на посту председателя КНШ генерал Генри Шелтон, а затем и все последующие высшие военные руководители американских ВС.

По оценкам некоторых специалистов, только умеренная позиция КНШ в 1999 году не позволила воплотить в жизнь, выработанный администрацией Б. Клинтона план, нанесения по сербам в Косово воздушных ударов с параллельным вводом туда наземных войск, а ограничиться лишь воздушной кампанией. С другой стороны, генерал Кларк позже привел факты «умелого манипулирования гражданским руководством Пентагона военными, используя разногласия между ними». В этом, по его язвительному замечанию, и состояла «сама суть» так называемого «гражданского контроля»¹⁸. Если суммировать выше изложенное, состояние гражданско-военных отношений на исходе второго срока президентства Б. Клинтона напоминало худшие времена Вьетнамской войны и подтверждало сложившееся тогда же мнение военных о том, что не может быть доверия гражданским властям в выборе ими правильных решений в кризисных ситуациях.

Приход к власти в 2000 году в Вашингтоне новой республиканской администрации во главе с Дж. Бушем-младшим породил в среде военных определенные надежды, которые генерировались воспоминаниями о предыдущем двенадцатилетнем республиканском правлении при президентах Р. Рейгане и Дж. Буше-старшем.

Однако, как оказалось, пришедшие к власти «неоконсерваторы», фактически поставившие «младшего» Буша править страной лишь номинально, имели другие планы в отношении военных. Занявшие ключевые посты в министерстве обороны (глава ведомства и его заместитель) представители «неоконсерваторов» Дональд Рамсфелд и Пол Вулфовиц почти сразу дали понять, что руководить военной машиной США они намерены безраздельно.

¹⁷ Desch С. М. Bush and the Generals, Foreign Affairs, vol.86, № 3. May – June 2007.

¹⁸ Кокошин А.А. О политическом смысле победы в современной войне. М.: УРСС, 2004. С. 33.

Первым делом командой Д. Рамсфелда было решено так трансформировать вооруженные силы, чтобы они отвечали расплывчатым требованиям ведения «глобальной войны с терроризмом», а для этого осуществить уж совсем непонятную «революцию в военном деле». Надо сказать, что изначально многие представители американской военной верхушки «купились» на яркие лозунги Д. Рамсфелда и его ближайшего гражданского окружения.

Такие неординарно мыслящие американские адмиралы как Уильям Оунс и Артур Цебровски даже предложили свои услуги министру, чтобы упорядочить систему выработанных мер по трансформации ВС. Но Д. Рамсфелд, как подчеркнул упоминавшийся известный аналитик Майкл Деш, «не верил даже тем людям в военной форме, которые, казалось бы, разделяли его взгляды»¹⁹. Он продолжал считать, что какие-либо существенные преобразования в ВС могут иметь место только при жесточайшем гражданском контроле и при самом минимальном привлечении генералитета.

Первое серьезное столкновение с военными случилось уже через полтора года после инаугурации нового президента. После известных терактов в сентябре 2001 года Д. Рамсфелд и его ближайшее окружение четко определили, что главным препятствием на пути развертывания войск на Большом Ближнем Востоке (сначала для смены режимов в Афганистане и Ираке) является именно военная верхушка в Пентагоне и, в частности, руководство сухопутных войск. Как и ожидалось, президент Буш встал на сторону рамсфелдовской команды, когда на слушаниях в Конгрессе в феврале 2003 года разразился бурный спор между П. Вулфовицем, требовавшим от военных беспрекословно реализовывать амбициозные планы гражданского руководства министерства, и начштаба СВ генералом Э. Шинсеки, предупреждавшего своих оппонентов о том, что для успешных поствоенных, стабилизационных операций в Ираке потребуется в десятки раз больше сил, чем было запланировано.

Операция по оккупации Ирака прошла более-менее успешно, временно сгладив конфликт внутри военного ведомства. Однако по мере ухудшения ситуации в оккупированной стране начали обостряться и отношения по линии гражданско-военных ветвей руководства ВС.

Все началось с просочившейся в СМИ информации о якобы разрабатываемых в недрах президентской администрации планах по применению ядерного оружия в превентивной атаке на иракскую ядерную инфраструктуру в ответ на провоцирование Тегераном выступлений шиитов в иракской столице. Представители КНШ не нашли ничего лучшего, как публично откеститься от этих планов²⁰. Затем начались споры о необходимости увеличения оккупационных войск. Военные, ратовавшие в начале конфликта за многоразовое наращивание формирований ВС для проведения стабилизационных операций по всей территории Ирака, к 2006 году осознали, что этим делу не поможешь и стали отстаивать точку зрения об уменьшении прямого военного присутствия в Ираке и снижения уровня вмешательства.

Затянувшаяся неустойчивость ситуации в Ираке (да и в Афганистане) побудила антибушевские круги к «раскрутке» недовольства в американском обществе курсом администрации в целом. В частности, в прессе появились публикации о том, откуда в нынешней администрации преобладают столь негативные настроения в отношении военной верхушки и американских военных в целом. Идеологом такой позиции администрации стал известный в Вашингтоне политический деятель Элиот

¹⁹ D e s c h C. M. Bush and the Generals, Foreign Affairs, vol.86, № 3. May – June 2007.

²⁰ Ibid.

Коэн, автор нашумевшего исследования «Верховное командование», в котором, в частности, постулируется тезис о том, что «гражданское вмешательство не только в стратегические, но и в оперативно-тактические вопросы является условием успеха на поле боя». Далее Э. Коэн советует гражданским лидерам с целью преодоления некомпетентности военных глубже самим вникать в чисто военные вопросы посредством, как он подчеркивает, «неравного диалога» со своими подчиненными в военной сфере²¹.

Изложенные Э. Коэном тезисы были недалеко от истины. Известный американский военный теоретик Дуглас Макгрегор, анализируя поведение генералитета США в ходе иракской кампании, пришел к далеко неутешительным выводам. По его мнению «трех- и четырехзвездные генералы были глубоко убеждены в том, что американским наемным войскам придется вести длительные боевые действия, кровопролитные битвы с иракской республиканской гвардией за контроль над Багдадом... Да и вообще американские генералы действовали крайне непрофессионально, были нерешительны, долго совещались, требовали авиаподдержки там, где она была не нужна, плохо знали обстановку и т. п.» И далее, продолжает Д. Макгрегор, «дело в том, что затянувшийся мирный период времен «холодной войны» сформировал такую бюрократическую среду в министерстве обороны, которая не нуждалась в военных руководителях с менталитетом победителей. Результатом этого явилось продвижение тех офицеров на командные должности, с которыми четырехзвездным генералам было легко работать, которые сами были сродни этим генералам. Единственным путем решения сложившейся неприглядной ситуации, как считает Д. Макгрегор, может быть только резкое обновление всего генералитета.

Между тем недовольство гражданскими руководителями в Пентагоне стало приобретать нежелательный для администрации оборот. В конце 2006 года в «Милитари Таймс» были опубликованы результаты опроса среди военнослужащих, которые показали, что почти 60 % из них не верят в компетенцию гражданских руководителей Пентагона²². К этому времени был опубликован доклад созданной законодателями двухпартийной комиссии по изучению проблемы вокруг Ирака. Одна из рекомендаций комиссии заключалась в необходимости сменить министра обороны и назначить такого деятеля, который бы «приложил усилия для формирования здоровых гражданско-военных отношений путем создания атмосферы, в которой высшие военные чины почувствовали бы свободу изложения независимых советов не только гражданскому руководству в Пентагоне, но и президенту и Совету национальной безопасности»²³.

В этих условиях президент Дж. Буш-младший просто был вынужден уволить Д. Рамсфелда. Его выбор пал на Роберта Гейтса, которому и вменялось, в том числе, вывести гражданско-военные отношения на уровень плодотворного сотрудничества путем «легитимности разделения полномочий гражданских и военных в Пентагоне». С назначением Р. Гейтса министр страсти действительно поутихли.

В целом, если абстрагироваться от конкретной детализации развития гражданско-военных отношений в рамках англо-саксонской модели стратегического управления и постараться обобщить изложенное выше, то вырисовываются следующие принципиальные моменты.

Министр обороны в США, являясь гражданским лицом, окружает себя обычно интеллектуально сильными гражданскими же людьми,

²¹ Ibid.

²² Desch C. M. Bush and the Generals, Foreign Affairs, vol. 86, № 3. May – June 2007.

²³ Ibid.

имеющими, как правило, опыт управленческой работы в частном бизнесе и тесные связи в законодательных структурах власти. Но в этом окружении в обязательном порядке имеет место присутствие и «людей в форме», которые не могут не оказывать существенного влияния на обеспеченное огромными властными полномочиями по отношению к военным абсолютно гражданское лицо. В идеале, как подчеркнул бывший министр армии Уайт, «работа министра, в том числе, заключается в получении постоянного потока советов в широком диапазоне со стороны военных, доверии этим советам, их анализе для последующего принятия решений»²⁴.

Зачастую в окружении министра присутствуют профессиональные военные, которые, естественно, не могут не выступать, в той или иной степени, в качестве лоббистов или по крайней мере информаторов в пользу военного руководства страны в целом (ОШ КНШ) или своих видов ВС, в частности. Это объясняется тем, что они продолжают пребывать в кадрах тех ведомств, откуда прибыли для службы в аппарате министра.

Вместе с тем, репутация аппарата министра среди военных в Пентагоне, как правило, невысока и даже может иметь ярко выраженный негативный характер, как это было в 60-е гг. прошлого века во времена Р. Макнамары и уже в наши дни в период пребывания Д. Рамсфелда в должности главы ведомства²⁵.

Во многом это объясняется тем, что в силу сложившейся традиции в аппарате министра высок процент так называемых политических назначенцев, получивших должности в знак благодарности за активную (моральную или материальную) поддержку президента в ходе выборной кампании. Они воспринимают свое временное пребывание в Пентагоне как задачу побуждения министра действовать в определенном направлении, страдают групповым мышлением и, как отметили в своем известном исследовании «Назначение: Пентагон» бывшие американские военачальники П. Смит и Д. Джерстайн, «к сожалению, зачастую анализируют не все варианты решений, как по идее должно было быть. В большинстве своем они чрезвычайно амбициозны и заносчивы, но мало разбираются в тонкостях военного дела»²⁶. Многих из этих назначенцев министр обороны с удовольствием убрал бы от себя, но не может. Некоторые из них так сильно связаны политически с администрацией или так много средств вложили в партию власти, что даже министр, один из влиятельнейших членов президентской команды, не в состоянии справиться с ними.

Аппарат министра обороны, особенно его гражданские высокопоставленные служащие, безусловно, могут играть важную роль при выработке и продвижении по инстанциям тех или иных проектов решений, но не всегда. Так, например, при Р. Макнамаре роль аппарата, в котором беспрецедентно доминировали гражданские служащие, была абсолютной. При Каспаре Уайнбергере, в «золотой век» периода рейгановской администрации, наоборот, больше доверия оказывалось аналитикам из видовых министерств и КНШ.

В истории отмечались и такие факты, когда министры вообще пренебрегали советами не только людей в форме, но и мнением влиятельных политических назначенцев. Так, например, министр Дик Чейни в 80-х годах прошлого века и его коллега от «неоконсерваторов» совсем недавнего прошлого Д. Рамсфелд полагались на рекомендации только чрезвычайно узкого круга «избранных».

²⁴ Ibid.

²⁵ Smith M.P. Gerstein M. Daniel. Assignment: Pentagon, Potomac Books, Wash., D.C., 2007. P. 23.

²⁶ Ibid. P. 130.

И все же, следует признать, как свидетельствует история, аппарат при умном руководстве министра, чаще выступает как единое целое и своим «мягким противодействием» может оказывать существенное влияние на коррекцию, в частности, внешнеполитического курса, за практическое осуществление которого отвечает государственный департамент, во главе которого, по наблюдениям, чаще стоят откровенные «ястребы».

Почти все высшие гражданские чиновники в Пентагоне, включая многих гражданских начальников управлений и агентств центрального подчинения, имеют военных помощников, обычно в звании полковник-капитан I ранга, а в отдельных случаях даже в звании генерал-майор — генерал-лейтенант. Другое дело, насколько прислушиваются к их советам. К тому же многие гражданские начальники небезосновательно рассматривают своих помощников в военной форме в качестве «шпионов» или «агентов влияния», засланных в аппарат для «тайной работы» на свой вид ВС или КНШ. И все же должность военного помощника в Пентагоне, особенно после принятия «Закона Голдуотера-Николса» с его требованием об обязательной службе на «объединенных» (межвидовых) должностях перед продвижением на генерала, является хорошим трамплином в карьере американского военного. Такие высокопоставленные военачальники, как Колин Пауэлл, Джим Джоунс, Джон Джампер, Эд Джамбастиани, Джон Крэдок и др. в один из периодов своей службы были помощниками министра.

Комитет начальников штабов занимает промежуточное место в системе стратегического управления ВС США, обеспечивая контакты между высшими гражданскими ветвями власти (исполнительными и законодательными) и войсками «в поле». В этой связи на офицеров объединенного штаба КНШ возложены непростые обязанности по работе с аппаратами (канцеляриями) гражданских ведомств в рамках обеих ветвей власти, выдвигающих военным требования относительно обоснования потребностей, возможностей и лимитов ВС. В свою очередь, через объединенный штаб (ОШ) до командующих боевыми и функциональными (объединенных) командований доводятся различные указания и директивы, которыми следует руководствоваться при планировании и осуществлении тех или иных операций, мероприятий и т. п. Все это требует от офицеров и генералов ОШ умения находить взаимопонимание с их гражданскими коллегами по многочисленным аспектам совместной работы.

Несмотря на то, что министр обороны заинтересован в том, чтобы все подвластные ему структуры с единых позиций контактировали с другими исполнительными ведомствами и Конгрессом, иной раз взгляды аппарата министра и ОШ по тем или иным проблемам не совпадают. Оба органа (аппараты МО и КНШ) представлены в многочисленных межведомственных комитетах в Вашингтоне, а такая разобщенность, порой, с успехом используется оппонентами военного ведомства, ставя гражданское руководство министерства в двусмысленное положение, что не может не сказываться на и без того натянутые гражданско-военных отношения.

Многие сторонники децентрализованной модели военного устройства в США, ратующие за жесткий гражданский контроль над военными, рассматривают традиционное соперничество между видами ВС за приоритеты, как позитивный фактор. Однако имеет место и соперничество руководящих структур внутри самого вида ВС, т. е. между штабом вида и аппаратом видового министра. Одной из целей принятия «Закона Голдуотера-Николса» было устранение такого внутреннего соперничества путем передачи всех функций, связанных с приобретением ВВТ, в руки видовых министров. Но соперничество все же осталось. Дело в

том, что значительно больший по размеру штаб вида, укомплектованный преимущественно военными на ответственных должностях, имеет более разветвленные и тесные контакты с «людьми в форме» в войсках, а меньший по размеру аппарат видového министра, состоящий из гражданских лиц, по традиции знает лучше обстановку и имеет хорошие связи с чиновниками различных комитетов в Конгрессе. Отсюда и почти не изживаемые трения в отношениях и пресловутое соперничество.

Среди наиболее значимых внешних организаций, с которыми приходится иметь дело чиновникам Пентагона, как военным, так и гражданским, является Конгресс США.

Влияние Конгресса, как одного из важнейших элементов системы национальной безопасности, варьировалось со временем, завися, по большей части, от личностей руководителей, которые определяли его работу, с одной стороны, и сплоченности и интеллектуального потенциала администрации — с другой. Так, например, после предпринятых концептуально-организационных мер администрацией Дж. Буша-младшего в ответ на беспрецедентные акты терроризма 11 сентября 2001 года исполнительная ветвь власти в лице президентской администрации стала доминировать в политической жизни страны. В другие времена законодательная ветвь власти задавала тон и определяла суть реализуемой стратегии национальной безопасности. Недавним примером такого положения вещей является первый период нахождения у власти администрации Б. Клинтона, когда влияние Конгресса было подавляющим.

И все же при любом балансе властных ветвей Конгресс США имеет превосходство перед министерством обороны, беспрекословно исполняющим требования, указания и т. п. со стороны законодателей. Это, в свою очередь, обязывает чиновников Пентагона налаживать не просто тесные, но по сути дружеские контакты с неизмеримо раздутым аппаратом Конгресса. При этом всегда имеется виду тот факт, что большинство членов этого законодательного органа не сведущи в нюансах военного дела. Но это не самая большая проблема во взаимоотношениях пентагоновцев с аппаратом Конгресса. Дело в том, что сенаторы и члены Палаты представителей имеют весьма специфические интересы и часто занимают позиции, определяемые их обязательствами перед избирателями, а не национальными интересами. Так, например, их не интересует, нужна ли вооруженным силам та или иная база или тот или иной вид вооружения, надобность в котором отпала. Если это ведет к ущемлению интересов избирателей в их округе, возможному росту безработицы и материальному ущербу избирательного округа в целом, склонить аппарат таких законодателей в свою пользу чиновникам Пентагона вряд ли удастся. Именно поэтому с аппаратчиками Конгресса намного легче работает гражданским чиновникам Пентагона, к тому же если они имеют предыдущий достаточный опыт деятельности в мире бизнеса.

В целом Конгресс довольно жестко спрашивает с министерства обороны за исполнение указаний, исходящих от законодателей.

Но и военное ведомство не остается в долгу. С определенной периодичностью, заручившись поддержкой администрации президента, чиновники министерства выступают с тщательно обоснованной критикой в адрес законодателей.

Наиболее сложным аспектом в гражданско-военных отношениях является деятельность, сопряженная с процедурами заказов (приобретений) вооружения и военной техники. Дело в том, что времена, когда подавляющее количество ВВТ производилось на принадлежавших государству предприятиях, канули в лету. Это значительно облегчало процедуру заказов, но не отвечало требованиям к качеству вооружений. Кроме того, Пентагон

нуждается, что называется, в интеллектуальной подпитке, для чего его сотрудники постоянно контактируют на небезвозмездной основе с многочисленными независимыми аналитическими организациями, научно-исследовательскими корпорациями, институтами, университетами и др. Ежегодно подписываются сотни тысяч контрактов, осуществляются перечисления миллиардных сумм — то есть идет оформление сделок, которые порождают соблазн «левого вознаграждения», с одной стороны, а с другой — являются объектом жесткого контроля проверяющих органов. Известно, что довольно значительная часть военных после увольнения в запас, особенно из центральных органов военного управления, устраивается консультантами, менеджерами и т.п. в частных фирмах, особенно связанных с производством и поставками ВВТ. Проходя службу в Пентагоне, офицеры и генералы набираются опыта оформления заказов на вооружения и связанные с этим процедуры, а также обрастают широким кругом знакомств как в войсках, так и в мире бизнеса, что является бесценным качеством для гражданского руководства предлагающих ВВТ корпораций и фирм. Поскольку для утверждения заказов необходимо одобрение и Конгресса, складывается треугольник интересов: Пентагон — корпорации, производящие ВВТ — Конгресс. Как раз в рамках этого треугольника и развиваются сложнейшие отношения, охватывающие различного уровня гражданских и военных чиновников со всеми принципиально возможными последствиями, в том числе и коррупционного характера.

В рамках гражданско-военных отношений в области военно-стратегического управления США в целом, и в военном ведомстве, в частности, нередко ставится вопрос о том, где целесообразнее иметь руководителем профессионального военного, а где гражданского.

Среди 17 (на начало 2007 года) управлений и агентств центрального подчинения руководителями большинства значились генерал-майоры и генерал-лейтенанты, остальными же руководили высшие гражданские служащие. Симптоматично, что однозначных выводов о том, где осуществляется более качественное руководство, выявлено не было²⁷.

Специальное исследование, проведенное Принстонским университетом (США) показало, что как гражданские, так и военные руководители имеют плюсы и минусы. Так, например, среди гражданских руководителей высшего звена управления в министерстве обороны лучших результатов достигли те, кто, имея значительный опыт работы в частном бизнесе и обладая ученой степенью, не имеют склонности к частой смене места работы и стабильно проходят ступеньки служебного роста.

У военных руководителей своя специфика, свойственная т.н. военной культуре в целом. В частности, на всех ступенях подготовки офицерских кадров в них сначала воспитывают, а затем культивируют навыки лидера, тогда как в гражданской системе образования упор делается на формирование управленческих и организаторских навыков²⁸.

Есть разница и в длительности пребывания тех или иных руководителей на своих должностях. По данным того же исследования, гражданские руководители, срок пребывания в должности которых не ограничен (как правило, не менее четырех лет), добиваются более высоких результатов в руководстве своими коллективами, чем их коллеги в военной форме, ротация которых в обязательном порядке осуществляется через два-три года²⁹.

В связи с тем, что большая часть офицерского корпуса ВС США комплектуется за счет лиц, окончивших курсы вневойсковой подготовки, а

²⁷ Herminway M.Z. Making At Pentagon, Military-Agency Heads Outperform Others, «Defense News», March 5. 2007.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

также в связи с тем, что в рамках сложившейся системы военного образования будущие военные руководители в обязательном порядке проходят курсы обучения в гражданских университетах и защищают там диссертации, считается вполне достаточным, если для назначения на высокую (генеральско-адмиральскую) должность, офицер прослужит как минимум на одной из должностей, сопряженной с межвидовым («объединенным») взаимодействием в штабах или управлениях министерства обороны.

С высшими гражданскими руководителями в министерстве обороны дела обстоит несколько иначе. Желательно, но не в обязательном порядке, чтобы высшие гражданские чиновники, не имеющие в прошлом опыта службы в ВС на офицерских должностях, закончили курсы обучения в видовых командно-штабных колледжах, либо объединенном Штабном колледже ВС. Помимо этого, для некоторых министров, их ближайшего гражданского окружения, руководителей аппаратов и т. д., организуются специальные так называемые «курсы для зелени» («кликбезовские курсы»), в ходе которых путем интенсивного обучения слушателям «втолковываются» нюансы военного дела³⁰.

В связи с «неприлично затянувшимися» операциями в Афганистане и, самое главное, в Ираке, в американском обществе, как и в период Вьетнамской войны, вновь на повестку дня выдвинулся вопрос о некомпетентности генеральского корпуса и необходимости изменения отбора перспективных офицеров на руководящие военные должности в Пентагоне. Упомянувшийся выше известный американский аналитик Д. Макгрегор, подчеркивая личностные характеристики, которыми должен обладать кандидат на продвижение (энергичность, чувство ответственности, оперативное чутье и т. п.), указывает и на необходимость постоянного самообразования, доскональное знание противника, чего якобы не наблюдается у американского генералитета в Ираке³¹. Другой аналитик Дональд И. Вандергрифф вообще призывает сформировать в США своеобразную «интеллектуальную среду» для выращивания будущих военных лидеров типа той, что существовала в XIX веке в Пруссии при генерале-реформаторе Герхарде фон Шарнхорсте, которая, якобы, и способствовала выращиванию полководцев, сумевших разгромить «непобедимую армию» Наполеона в 1813 и 1815 годы³².

Суммируя изложенные выше тезисы из области гражданско-военных отношений, характерных для стратегической системы управления в англо-саксонских государствах, и прежде всего в США, следовало бы отметить тот факт, что концепция гражданского контроля над вооруженными силами глубоко проникла в самую суть национальной культуры этих стран. В отличие от многих других государственных образований у англо-саксов в новейшей истории не существовало и не существует прецедентов «людей на коне» (наш аналог «человека с ружьем»), планирующих или осуществляющих военные перевороты. Надо признать, что служившие интересам своих стран такие неординарные и, по общему признанию, яркие военные личности, полководцы, как Д. Эйзенхауэр, Дж. Маршалл, И. Нимиц, Б. Монтгомери, Х. Александр и другие, в силу формировавшей их социальной среды, не помышляли о диктатуре. Но это было и является следствием солидной законодательной базы, определенной регламентации роли и места военных и гражданских элементов в системе управления национальными вооруженными силами.

³⁰ Smith M.P. Gerstein M. Daniel. Assignment: Pentagon, Potomac Books, Wash., D.C., 2007. P. 94.

³¹ Winslow T.W. and Lawrence J.K. Military Reform, Praeger Security International. Westport, Connecticut. London. 2007. P. 125.

³² Ibid. P. 140.

О реформе вооруженных сил Китая и развитии российско-китайских отношений

Полковник А.А. МИГУНОВ

МИГУНОВ Александр Альбертович родился в 1958 году в селе Никольское Московской области. Окончил Львовское высшее военно-политическое училище (1979).

Службу проходил в Туркестанском, Московском, Ленинградском военных округах и в Группе советских войск в Германии. Принимал участие в боевых действиях в Афганистане (1980—1981). С 1993 по 1998 год — старший офицер Центра по обеспечению реализации договоров (ВВС), с 1998 года по настоящее время — старший офицер, начальник группы, начальник группы — заместитель начальника отдела Национального центра по уменьшению ядерной опасности. В течение пяти лет работал по реализации соглашений между Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной

Республикой «Об укреплении доверия в военной области в районе границы» от 26 апреля 1996 года и «О взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы» от 24 апреля 1997 года. Член правительственной делегации в совместной контрольной группе по данным соглашениям.

В ПОСЛЕДНИЕ десятилетия Китай осуществляет последовательную масштабную модернизацию вооруженных сил в целях создания современной, хорошо оснащенной и мобильной армии, способной отражать агрессию со стороны различных государств. Еще в 1985 году Дэн Сяопин так высказался о предпосылках развития армии: «Подлинная модернизация оснащения войск становится возможной лишь в том случае, если народное хозяйство становится на прочный фундамент»¹. По данным Всемирного банка, Китай в настоящее время имеет вторую в мире по размерам после США экономическую систему. Рост экономики позволяет Китаю последовательно наращивать свой военный потенциал и политическое влияние в мире.

В отличие от частичной модернизации вооруженных сил Китая в конце 1990-х годов в настоящее время реализация пятилетних планов их строительства осуществляется более целенаправленно и энергично. Как сообщает еженедельник «Джейнс дифенс уикли», проводимые преобразования значительно повысили боеготовность и возможности армии, особенно ракетных войск, десантных частей и подразделений, ориентированных на боевые действия в различных условиях. По оценкам зарубежных военных экспертов, Китай в последнее десятилетие добился больших качественных успехов в повышении боевых возможностей вооруженных сил и может представлять серьезную военную силу.

Руководство Китая оказывает всестороннюю поддержку реформам вооруженных сил путем значительного увеличения расходов на оборону. Согласно официальным данным, военный бюджет страны вырос

¹ Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. М.: МП Палей. 1997. С. 255.

со 121 млрд юаней (15 млрд долларов) в 2001 году до 220 млрд юаней в 2004 году и 244,7 млрд юаней (около 30 млрд долларов) в 2005 году, что почти в 18 раз меньше военного бюджета США. Бюджет в 2006 году составил уже 283,8 млрд юаней. Однако, по оценкам специалистов Пентагона, официально объявленные данные — это только 30—50 % реальных военных расходов Китая, которые оцениваются суммами порядка 50—70 млрд долларов. По этому показателю Китай занимает третье место в мире после США и России².

Согласно данным СИПРИ, Китай только в 2000 году закупил вооружений почти на 3 млрд долларов. Как считают западные эксперты, основная доля пришлась на поставки военных кораблей и авиатехники из России. По оценкам министерства обороны США, ежегодные расходы Китая на приобретение российской военной техники увеличились с 1,2 млрд долларов в 1990-х годах до 2,3 млрд долларов в период 1999—2003 годов. В настоящее время около 45 % экспорта российского вооружения приходится на Китай.

Вместе с тем активность сделок между двумя странами по закупкам вооружений и военной техники в 2004 году несколько снизилась из-за нежелания России продавать Китаю современные военные технологии. В 2005 году заключен контракт на поставку для авиации ВВС Китая 24 истребителей Су-30, 34 тяжелых транспортных самолетов Ил-76 и самолетов-заправщиков Ил-78. Постепенно расширяется сотрудничество двух стран в области совместной разработки военной техники нового поколения.

Привлекающим внимание событием в развитии российско-китайского военного сотрудничества явились проведенные в августе 2005 года совместные военные учения «Мирная миссия — 2005». Они стали основой для дальнейшего развития российско-китайских военно-политических отношений в настоящее время, что было наглядно продемонстрировано в ходе совместных военных учений «Мирная миссия—2007» государств — членов Шанхайской организации сотрудничества, прошедших на территории России в августе 2007 года.

Военно-политическое руководство России подходит к вопросу об установлении тесных военных связей с Китаем более осмотрительно, чем российский военно-промышленный комплекс, учитывая прошлое противостояние и конфликты между нашими странами. Проведение совместных учений явилось последовательным шагом в развитии более тесных союзнических отношений.

Зарубежные эксперты полагают, что Китай **стремится к укреплению военных отношений с Россией для противодействия усилиям США и Японии по сдерживанию роста китайского военного потенциала**. Однако Россия — не единственный поставщик вооружений и военных технологий в Китай. По части технологий и оборудования «двойного назначения» первенство скорее всего принадлежит США и Израилю. По расчетам американской организации Wisconsin Project on Nuclear Arms Control, объемы «стратегически чувствительного» экспорта в Китай, одобренные в течение 1990-х годов Вашингтоном, составили 15 млрд долларов.

В результате «объединенных усилий» крупнейших мировых производителей оружия Китай обладает теперь значительным военным потенциалом. В случае какого-либо конфликта могут быть применены китайские аналоги истребителей F-16, производимые совместно с Израилем. Самолеты китайского производства других моделей будут оснащены не только российскими, но и израильскими ракетами, а наводить эти

² Глобус. 2005. № 25. С. 45.

ракеты на цели помогут британские и израильские радары. К российским эсминцам подключатся и корабли китайского производства, оснащенные американскими и украинскими двигателями и вооруженные итальянскими торпедами. Французы поставили в Китай ракеты класса «воздух — воздух» и вертолеты. При ведении боевых действий на суше реальную силу могут представлять китайские танки, оснащенные израильскими пушками и системами самонаведения, российские артиллерийские установки и БМП (последние покрыты броневыми пластинами израильского производства).

В секретном докладе руководителя разведывательного сообщества США Джона Негропonte утверждается, что разведывательные ведомства страны «прозевали» резкий рывок Китая в области вооружений, существенно увеличивший мощь китайской армии. Доклад написан несколькими действующими и бывшими высокопоставленными сотрудниками разведки. В числе успехов китайской оборонной отрасли названы разработка новой крылатой ракеты большой дальности, ввод в строй новых боевых кораблей, снабженных китайским аналогом украинской у США системы управления огнем IGIS, и появление новой атакующей подлодки класса Yuan, о которой американская разведка ничего не знала, пока ее снимки не появились в Интернете. Говорится также о разработке высокоточного оружия, в том числе новой ракеты класса «воздух — поверхность» и ракет класса «поверхность — поверхность», которые могут использоваться для нанесения ударов по боевым авианосным группам США, и на другие промахи американской разведки, недооценившей успехи Китая в военной сфере.

Авторы доклада объясняют провалы разведки закрытостью Китая, но в то же время возлагают вину на сотрудников разведслужб, причем как на аналитиков, недооценивших свидетельства растущего военного потенциала Китая, так и на оперативных сотрудников за их неспособность «внедрить агентов в коммунистическое правительство»³.

В докладе основное внимание уделено ракетной программе КНР. По расчетам авторов, **через 13 лет эта страна существенно усилит свой ядерный арсенал.** Так, если в настоящее время КНР имеет 20 межконтинентальных ракет «Дунфэн-5А» (CSS-4), то к 2015 году их будет от 75 до 100, причем размещенных не в стартовых шахтах, а на мобильных платформах (что многократно усложнит их обнаружение). С тем количеством ракет, которые имеет сейчас Китай, американская система противовоздушной обороны может спокойно справиться. Если же их станет в четыре раза больше, возникнут серьезные трудности. Это будет иметь далеко идущие последствия.

В целом же аналитики США поделили военно-стратегическую обстановку в Юго-Восточной Азии на две наиболее опасные зоны: Корейский полуостров и Тайвань, плюс территориальные споры из-за Сэнкаку или Дяоюйдао (Япония — КНР), а также вокруг островов в Южно-Китайском море (КНР, Вьетнам, Филиппины, Малайзия). Однако главная опасность в стратегической перспективе — это усиление Китая до такого уровня, когда он сможет бросить вызов США, по крайней мере в рамках Азиатско-тихоокеанского региона. Прослеживаются также попытки США добиться от КНР приостановки ее военного сотрудничества с Пакистаном и Ираном в вопросе поставок им оружия массового поражения.

Для укрепления своих позиций в условиях американского давления Китай старается реанимировать политику, которую диктуют правила в «большом треугольнике» Вашингтон — Пекин — Москва. Китайская

³ Коммерсант. 2005. 10 июня. С. 10.

логика в соответствии с конфуцианским учением состоит в **нахождении и привлечении «третьей силы» при явном противоборстве двух сторон**. Существование и функционирование структуры «треугольника» определяются прежде всего степенью конфронтационности сторон и их силовым потенциалом. Логика «треугольных отношений» подразумевает, что две более слабые и (или) пассивные стороны объединяются для «обороны» от более сильной и (или) агрессивной стороны. Если в 1970-х годах «наступающей» стороной была Москва, то с начала 1980-х годов эта роль все больше стала переходить к США. В изменяющихся условиях китайская сторона обратила особое внимание на укрепление отношений с более «слабым» из двух партнеров, т. е. с Россией. **Укрепление сотрудничества с Москвой могло бы способствовать усилению международных позиций Пекина**. Таким образом, возникла основа для сближения двух сторон на базе неантагонистического противостояния доминированию США в регионе и в мире в целом.

В декабре 1991 года Китай заявил о признании России, а в 1992 году китайским руководством было принято решение о стимулировании отношений между Россией и Китаем. Незадолго до этого Дэн Сяопин сделал следующее заявление: «Несмотря на переживаемые Москвой трудности, она по-прежнему владеет мощной экономической базой и внушительной военной силой... Москва отнюдь не мертвый тигр, она играет одну из первых ролей в международной политике»⁴. В этой связи он призвал руководство КНР форсировать отношения с Россией.

Таким образом, до восстановления экономической и военной мощи России и превращения Китая в могущественную державу мира, способную противостоять США, **наши страны будут заинтересованы в поддержании двусторонних партнерских или, как минимум, «неконфронтационных отношений»**. Несмотря на это, трудно рассчитывать, что прагматически мыслящее руководство КНР, стремящееся сохранить высокий уровень торгово-экономических, финансовых, технологических связей с США, Японией и Европой, пойдет на обострение отношений с США и странами НАТО из-за продвижения альянса на Восток, в частности его закрепления в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Китай заинтересован в дальнейшем увеличении торгового оборота с ведущими государствами мира.

Укрепление стратегического партнерства между нашими странами будет происходить, на наш взгляд, следующим образом: недостаточно развитый в военном отношении Китай, как и неокрепшая в настоящее время в финансово-экономическом и научно-техническом отношении Россия вынуждены будут проводить политику поиска компромиссов со странами Запада и США, снижения напряженности в отношениях с ними и получения финансовой, экономической и технологической помощи у США, Японии и ведущих европейских государств. В связи с этим КНР и Россия будут продолжать углублять взаимовыгодное сотрудничество друг с другом с учетом реакции Запада. При этом обе стороны не исключают, что при определенных обстоятельствах и российское, и китайское руководство могут пойти на заметное сближение с США.

Отношения с Россией являются одним из важнейших направлений внешней политики Китая. Китайско-российское стратегическое партнерство оценивается как крупное достижение и ценное достояние, отвечающее коренным интересам КНР. Китайские аналитики полагают, что сотрудничество с Китаем становится для Москвы едва ли не единственной надеждой и опорой в условиях, когда НАТО грозит перейти

⁴ Саут Чайна мординг пост. 1992. 19 августа

границы СНГ, усугубляются противоречия с США, а страны «большой семерки» все еще не до конца доверяют России.

После распада СССР НАТО стремительно расширяет свое присутствие на Востоке. Кроме того, США уже «осели» в Центральной Азии и усиливают свое влияние в Закавказье. В Азиатско-тихоокеанском регионе крепнет военный альянс Вашингтона и Токио. Москва и Пекин испытывают огромное давление и чувствуют потенциальную угрозу, исходящую из разных регионов, в которых они имеют свои стратегические интересы. В этой связи специалисты подчеркивают, что **китайско-российская граница остается единственной линией обороны, которую Соединенным Штатам Америки невозможно прорвать.**

В целях создания противовеса США по инициативе России и КНР в 2001 году была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) для решения пограничных вопросов, борьбы с терроризмом и распространением наркотиков в Центральной Азии и обеспечения региональной безопасности. В данный момент в ШОС входят Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и в качестве наблюдателей — Монголия, Иран, Пакистан, Индия. Возможность принятия в ШОС новых членов вызывает серьезное беспокойство на Западе. Как отмечает американская газета «Крисчен сайенс монитор», «Россия и Китай могут предпринять еще один шаг в направлении образования евразийской военной конфедерации, которая будет соперничать с НАТО»⁵.

Американские аналитики пришли к выводу: ШОС может сформировать опасную для гегемонии США ось «Пекин — Москва — Тегеран». В перспективе возможно появление крупного военно-политического альянса, под знаменем которого соберутся государства, недовольные своим положением в современном мире. Так как в «недовольных» странах сосредоточено четыре пятых населения Земли и 75 % мировых ресурсов сырья, а четыре потенциальных члена этого альянса (Россия, КНР, Индия, Пакистан) обладают ядерным оружием, возникновение такого блока приведет к обрушению сложившегося миропорядка. И тогда станет явью то, что американский футуролог Хантингтон назвал «конфликтом цивилизаций»: противостояние процветающего Запада и бедного, но многолюдного и недовольного своим положением исламского и конфуцианского Востока. Причем это противостояние окажется острее «холодной войны», которая была, скорее, конфликтом идей, чем реальных жизненных интересов.

На лидерство во всемирном «союзе униженных и оскорбленных» явно претендует Китай. Россия в этой конфигурации занимает уникальное положение. С одной стороны, она — член «большой восьмерки» и ей не пристало «светиться» в альтернативной компании, с другой — экономически недостаточно сильная сырьевая страна, на чьи геополитические претензии «друзья» по «большой восьмерке» отвечают продвижением натовских баз и «цветных революций». Москва заинтересована в создании противовеса США и НАТО хотя бы для того, чтобы сохранить контроль над постсоветским пространством. Однако не стоит забывать и о том, что, порвав с Западом, легко можно стать заложником Китая — энергично развивающейся страны, которой уже давно не хватает жизненного пространства. **В итоге китайская экспансия может оказаться более серьезной опасностью, чем политический гегемонизм США.**

Нельзя также забывать, что одним из первых пунктов декларации о создании ШОС является положение о том, что целями организации

⁵ Красная звезда. 2005. 27 окт.

являются «укрепление взаимного доверия, дружбы и добрососедства между государствами-участниками, обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе, построение нового, демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка»⁶. На всех без исключения саммитах ШОС постоянно подчеркивается, что данная организация не ставит перед собой цель создания каких-либо военных блоков.

В постоянно возникающих в последнее время конфликтных ситуациях наиболее выгодна роль посредника. И Россия в ее нынешнем состоянии могла бы предложить себя в послы стран «третьего мира» на Западе и в послы Запада на Востоке.

Китайское руководство, придерживаясь принципа равного удаления от России и США, объективно заинтересовано в сохранении единой, достаточно сильной России, способной отвлекать внимание Запада от КНР и сдерживать экспансионистские устремления США, других ведущих стран НАТО и Японии. В Китае понимают, что по мере роста китайского военного и экономического потенциала, влияния в Восточной и Южной Азии, а также и в Азиатско-тихоокеанском регионе и усиления стремления занять достойное великой державы место в мире США будут пытаться проводить политику силового давления в отношении не только России, но и КНР. В этом случае в перспективе Китай объективно будет заинтересован в сохранении стабильности на российско-китайской границе и поддержании определенного уровня отношений с Россией, в том числе в рамках ШОС. **С учетом геополитических интересов России нам необходимо продолжать усилия по укреплению взаимовыгодных политических, торгово-экономических, военно-технических и научных связей с Китаем,** принимать все приемлемые для нас предложения по развитию всестороннего сотрудничества и укреплению партнерских отношений. Одновременно надо внимательно следить за возможными неблагоприятными для РФ изменениями в отношениях между КНР и США, другими ведущими странами НАТО и Японией, с тем чтобы не дать Западу возможности ослабить российско-китайские связи и направить мощный военный и человеческий потенциал Китая против еще экономически не окрепшей Российской Федерации.

Укрепляя связи с Россией, КНР одновременно поддерживает и активно развивает взаимоотношения со странами ЕС. С 1993 года Китай является третьим по значению торговым партнером ЕС после США и Японии, хотя значительно отстает от них. Торговля с ЕС является важным источником индустриализации КНР, поскольку доля машин и оборудования в импорте Китая традиционно составляет более 50 %. Встречные поставки готовой продукции увеличиваются опережающими темпами. По мере роста внедрения достижений научно-технической революции в производство существенно повысилось, качество и технологический уровень этой продукции. Позитивным структурным сдвигом является постоянное снижение доли сырья и полуфабрикатов в экспорте при абсолютном увеличении их объемов.

В начале 2005 года, после отмены действовавших в течение 30 лет квот на текстильную продукцию, китайские текстильные товары захлестнули Европу. Обеспокоенные наплывом дешевой продукции европейские производители, прежде всего во Франции, Италии, Испании и Португалии, забили тревогу. В результате Евросоюз в ходе переговоров с Пекином в июне 2005 года добился установления новых квот на импорт 10 категорий одежды.

⁶ МИД РФ, <http://www/In.mid.ru>

Китайцы активно развивают политические, торгово-экономические, культурные связи со странами Европы, в частности с Великобританией, Германией, Францией, Испанией, Швейцарией, Италией и особенно с Венгрией. В апреле 2004 года министры иностранных дел стран Евросоюза намеревались обсудить вопрос об отмене эмбарго на поставки оружия в Китай, которое было введено в 1989 году после жесткого подавления демонстрации китайских студентов на площади Тяньаньмэнь в Пекине. В конце 2003 года президент Франции Жак Ширак заявил, что спустя 15 лет после этого инцидента «эмбарго уже не имеет смысла», и в марте того же года комиссар ЕС по международной политике Хавьер Солана, находясь в Китае, также высказался за отмену эмбарго. Инициативу Ширака поддержали Германия и Великобритания, однако планы европейцев вызвали недовольство администрации США, которая считает, что в Китае по-прежнему не соблюдаются права человека, и свободно поставлять туда оружие нельзя. И учитывая, что в июле 2005 года председательство в ЕС перешло к Великобритании, отсрочка отмены эмбарго явилась более чем предсказуемой. В проведении более сдержанной политики в отношении к КНР Лондон поддерживали Италия и Скандинавские страны.

Необходимо отметить также, что Китай досконально изучил технологию Запада по выходу из системных кризисов с помощью создания управляемых военных конфликтов и больших войн и **претворяет в жизнь свой собственный сценарий по борьбе с гегемонизмом США, который предполагает следующие шаги:** оставаясь неактивным и незаметным, не только сохранять все свои ресурсы, но и значительно их приумножать; поддерживать действия Запада, направленные на максимальное взаимоуничтожение стран мусульманского мира; поддерживать двусторонние конфликты по сценарию Запада; резко активизировать идеологические и военные действия при наступлении благоприятного момента; занимать свободные территории после затухания конфликтов.

Исходя из этого, следует подчеркнуть, что **роль Китая как азиатской страны в исламском мире за последнее десятилетие существенно возросла**, и это обстоятельство необходимо иметь в виду при решении исламских проблем. Что касается России, то предотвратить данную «китайскую экспансию» можно, заняв определенную позицию в исламском мире. Конфликт сегодняшнего дня — это противоречие между США и Китаем, которое будет усугубляться в дальнейшем, а мусульманский фактор лишь карта, которую все пытаются разыгрывать. Так как Россия является частично мусульманской страной, то, приняв чью-либо сторону, она окажется неизбежно втянутой в конфликт США с Китаем.

Очевидно, что связями с Россией Китай лишь дополняет, но отнюдь не заменяет свои контакты с США, Японией и Западной Европой. Развитие экономических отношений с Россией — лишь «часть большой стратегии» Китая, направленной на возрождение страны как мировой державы. Растущие валютные запасы Китая, огромный торговый дефицит США и Японии в торговле с КНР (по официальным американским данным, дефицит США в торговле с Китаем составил в 2005 году 201,6 млрд долларов), привязанность немалой части экономики этих стран к Китаю дают последнему все больше рычагов влияния. Китайский интерес к России хорошо известен — военно-технические, энергетические, минеральные и другие сырьевые ресурсы. **В геополитическом плане значимость России для Пекина гораздо выше. Россия остается важным союзником по блоку глобальных и региональных вопросов** — от взаимодействия в Совете Безопасности ООН до согласования и коор-

динации позиций на Ближнем Востоке, в Центральной Азии (включая совместный проект Шанхайской организации сотрудничества), на Среднем Востоке и др.

С учетом вышеизложенного необходимо учитывать, что в недалеком будущем экономические возможности и интересы у КНР станут гораздо более значительными, чем у бывшего СССР, а военные возможности будут наращиваться для подкрепления нового экономического статуса. Возможности Китая определяются совокупными размерами экономики, географических и демографически ресурсов, а не ВВП на душу населения, показателем все еще достаточно низким для этой страны. «Расширяющийся» Китай из-за своей величины (географической, демографической и экономической) сам по себе представляет «мировой вызов». Но проблема «мирового китайского вызова» не тождественна проблеме возможности осуществлять «мировое лидерство». Для Китая удачная трансформация региональной системы и приобретение «полного» мирового статуса будут означать такое приращение могущества, которое может сделать его просто невосприимчивым к сомнениям и страхам других стран.

Организационно-правовое регулирование подготовки офицеров запаса для вооруженных сил США и Великобритании

Подполковник юстиции М.Н. БАКОВИЧ

БАКОВИЧ Михаил Николаевич родился в 1970 году в городе Архангельске. Окончил Ленинградское суворовское военное училище (1987), Харьковское высшее военное авиационное училище радиозлектроники (1993). Службу проходил в войсках Одесского, Ленинградского, Приволжско-Уральского и Московского военных округов. В настоящее время — старший преподаватель Воронежского военного авиационного инженерного университета.

ОДНИМ из направлений реформирования системы военного образования в Российской Федерации¹, начатого в 2002 году, является проведение, а в дальнейшем расширение масштабов эксперимента по подготовке офицеров запаса по отдельным специальностям инженерного, гуманитарного и юридического профилей из числа студентов гражданских высших учебных заведений. В этой связи очевидна необходимость применения метода сравнительного анализа способов комп-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации «О федеральной программе «Реформирование системы военного образования в Российской Федерации на период до 2010 года» № 352 от 27 мая 2002 года.

лектования офицерского корпуса на военное время в армиях зарубежных государств. Проблеме подготовки офицеров запаса военно-политическое руководство стран НАТО уделяет пристальное внимание. В целях унификации существующих систем подготовки и переподготовки офицеров, а также военнослужащих других категорий эти государства совместными усилиями создают различные организации. Наиболее значимой из них является «Межсоюзническая конфедерация офицеров запаса» (СЮОР)².

В США военную организацию составляют вооруженные силы (сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы), национальная гвардия и резерв³. Помимо традиционного деления вооруженных сил на соответствующие виды предусматривается их деление по оперативно-стратегическому предназначению: стратегические силы, силы общего назначения, силы переброски войск по воздуху и морем. Резервы как составной компонент вооруженных сил США предназначены для пополнения заранее подготовленными контингентами регулярных войск в случае войны, при введении в стране чрезвычайного положения. Каждый из трех видов вооруженных сил имеет свои резервы: национальная гвардия армии, резерв сухопутных войск, национальная гвардия ВВС, резерв ВВС, резерв ВМС и резерв морской пехоты⁴. Национальная гвардия — это милиционные войска штатов, имеющие двойное подчинение: губернатору соответствующего штата и федеральному правительству. В случае войны, чрезвычайной обстановки войска национальной гвардии по постановлению конгресса или решению президента могут переводиться на действительную военную службу и полностью переходить в подчинение федеральных властей. Национальная гвардия состоит из подразделений, частей и соединений, комплектование которых осуществляется гражданами, постоянно проживающими в районе дислокации этих формирований. Национальная гвардия и резерв первой очереди комплектуется на добровольных началах из лиц, прошедших действительную военную службу или специальную подготовку в регулярных частях. За счет войскового резерва и национальной гвардии при необходимости имеется возможность развернуть огромные по численности вооруженные силы⁵.

Законы США, регулирующие вопросы национальной безопасности, обороны, строительства вооруженных сил, входят в «свод законов Соединенных Штатов» (United States Code), который дополняется и переиздается каждые десять лет. В его первый раздел входят законы, которые касаются министерства обороны и вооруженных сил США в целом. Ряд других разделов содержит законы, регулирующие организацию и прохождение военной службы в видах вооруженных сил. В приложении изложены общие положения и порядок работы кассационных судов видов вооруженных сил и военного апелляционного суда⁶.

Для поднятия престижа военной службы, значительно утраченного в результате непопулярной среди населения США войны в Индокитае, а также с целью повышения уровня боевой готовности армии правительство США решило полностью перевести все свои вооруженные силы с 1 июля 1973 года на добровольную систему комплектования⁷. С этого

² Фильков С. Подготовка офицеров запаса в странах Западной Европы // Зарубежное военное обозрение. № 6, 1996.

³ Военное право. Учебник / Под ред. Стрекозова В.Г, Кудашкина А.В. М.: За права военнослужащих. 2004.

⁴ Справочные данные вооруженных сил зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. № 7. 2007.

⁵ Военное право. Учебник.

⁶ Соколов С. Законодательные основы строительства и боевого применения Вооруженных Сил США // Зарубежное военное обозрение. 1996. № 12.

⁷ Калинин А.Е. Правовые аспекты прохождения военной службы по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации. Монография. М.: За права военнослужащих, 2002.

момента комплектование вооруженных сил США осуществляется на добровольных началах. Модель комплектования изменялась в зависимости от задач, которые ставились перед армией. Военный призыв вводился, когда приближалась война и, наоборот — армия демобилизовалась, когда военные действия заканчивались, за исключением периода «холодной войны»*.

Комплектование вооруженных сил высокопрофессиональными специалистами и особенно офицерскими кадрами является одной из ключевых задач военно-политического руководства страны. Так, подготовка офицеров проводится в военных учебных заведениях министерства обороны, на курсах вневоинской подготовки офицеров резерва при гражданских высших учебных заведениях, а также возможен прямой набор гражданских лиц на офицерские должности.

Более половины всего офицерского корпуса армии США составляют выпускники военных учебных заведений. В военных училищах (по американской терминологии — академиях) видов вооруженных сил (сухопутных войск — в Вест-Пойнте; ВВС — в Колорадо-Спрингс; ВМС — в Аннаполисе) проводится базовая подготовка офицеров. В каждом военном училище видов вооруженных сил одновременно обучается около 4,5 тыс. курсантов. Общее учебное время четырехлетнего цикла обучения составляет 6 075 ч. Приоритетное внимание уделяется формированию у обучаемых трех главных качеств, которые, по мнению американского военно-политического руководства, должны быть присущи профессиональному военному: компетентность, ответственность и преданность своему делу. Выпускники получают высшее общее образование и диплом бакалавра, среднее военное образование и первичное офицерское звание «второй лейтенант», которое присваивается министрами видов вооруженных сил. Ежегодно из училищ выпускается до тысячи офицеров, что составляет 75—80 % поступивших. Как правило, после окончания училища они направляются для прохождения службы в части соответствующего вида Вооруженных Сил. Перед назначением на должность молодые офицеры обязаны пройти курс специализации в школах родов войск (сил) и служб продолжительностью от четырех до восьми недель. Необходимо отметить, что в соответствии со сложившейся практикой выпускники этих училищ занимают более привилегированное положение по отношению к другим офицерам и быстрее продвигаются по службе. С 1976 года во всех военных училищах обучаются женщины, которые проходят подготовку по единым с мужчинами программам. В настоящее время среди курсантов училищ сухопутных войск и ВВС женщины составляют 11 и 12 % соответственно.

Первичное офицерское звание присваивается также военнослужащим, окончившим офицерские кандидатские школы (сухопутных войск и морской пехоты) и школу подготовки офицеров ВВС. Слушателями офицерских кандидатских школ (имеют статус курсов, по окончании которых присуждается степень младшего специалиста) становятся в основном сержанты и рядовые регулярных войск. В школу подготовки офицеров ВВС набираются лица, окончившие полный курс гражданского колледжа или университета, имеющие необходимый авиационную подготовку и степень общего образования не ниже бакалавра.

Специальные службы вооруженных сил (медицинская, военно-юридическая, военных священников и др.) комплектуются лицами, окон-

---

* Призыв на военную службу в мирное время существовал в США с момента принятия закона «О воинской повинности» в 1948 году.

чившими соответствующие гражданские учебные заведения, после прохождения ими определенной военной подготовки⁸, т. е. прямой набор гражданских лиц на офицерские должности составляет незначительный процент от общего числа офицеров.

Система вневойсковой подготовки при американских гражданских высших учебных заведениях организационно представлена по видам вооруженных сил. В каждом виде существует командование вневойсковой подготовки (Cadet Command). В колледжах и университетах, с которыми министерство обороны имеет соответствующие соглашения, студент, желающий стать офицером вооруженных сил США, поступает на курсы на период своей учебы в данном высшем учебном заведении и по окончании получает не только степень бакалавра или магистра, но также и первичное офицерское звание «второй лейтенант». Студенты овладевают специальностью по программе вуза и одновременно занимаются по программе курсов подготовки офицеров запаса Reserve Officers Training Corps (ROTC), которые организованы во всех видах вооруженных сил.

Командование вневойсковой подготовки сотрудничает более чем с 600 гражданскими высшими учебными заведениями США, что составляет почти 20 % всех функционирующих в стране вузов. Офицеров резерва для сухопутных войск готовят при 300 университетах и колледжах, ВВС — 200, ВМС — 65, морской пехоты — 60.

Студент высшего учебного заведения США (колледжа или университета), с которым у министерства обороны есть соответствующее соглашение, желающий стать офицером, имеет право поступить на курсы ROTC (двух-, трех- или четырехгодичные) во время учебы в вузе. Но при этом необходимо, чтобы до окончания вуза оставалось не менее двух лет.

Поступая на курсы, студенты подписывают контракт, по которому обязуются прослужить определенный срок в резерве или регулярных вооруженных силах. Например, контракт, заключаемый студентом Принстонского университета с министром сухопутных войск, предусматривает выплату ежемесячной стипендии за военное обучение, присвоение первого воинского звания «второй лейтенант» и его обязательство пройти службу в сухопутных войсках на офицерских должностях в течение восьми лет (предусмотрено два варианта службы в течение этого периода: действительная военная служба в течение четырех лет в регулярных частях, а затем четыре года в частях национальной гвардии или резерва и восьмилетняя служба в резервных компонентах сухопутных войск), в дальнейшем он может быть призван на военную службу в любое время исходя из потребностей министерства обороны США.

В целях подготовки студентов к прохождению военной службы на офицерских должностях курсы ROTC (с двухлетним сроком обучения) организованы также в ряде американских колледжей. Однако они готовят только офицеров резерва, при этом обучение государством не оплачивается.

Четырехлетнее обучение на курсах, полностью финансируемое государством, является наиболее популярной формой подготовки офицеров кадра и резерва среди студентов американских вузов. Обучение включает в себя:

двухгодичный курс для студентов 1-го и 2-го курсов (младший курс ROTC), которые, именуясь курсантами, изучают военное дело, не принимая на себя обязательств прохождения службы в вооруженных силах США;

последующий за младшим двухгодичный курс для студентов 3-го и 4-го курсов (старший курс ROTC) с обязательством прохождения военной службы в видах вооруженных сил.

⁸ Военное право. Учебник.

Обучающиеся на курсах ROTC в период прохождения военной подготовки обеспечиваются ежемесячной стипендией, размер которой определяется командованием вневойсковой подготовки вида вооруженных сил для данного учебного заведения. Кроме того, каждому курсанту выделяется денежное пособие на приобретение книг и учебных материалов. Предусмотрены также именные выплаты за участие в различных программах, обеспечение жильем и питанием, компенсация транспортных расходов при выезде в летние лагеря. Однако в случае невыполнения положений контракта с курсанта взымается сумма всех полученных им выплат.

Военная подготовка на курсах ROTC при колледжах и университетах рассчитана на занятие в неделю. В этот день курсанты прибывают в военной форме в учебный центр ROTC того вида вооруженных сил, при которых организованы курсы, и занимаются под руководством опытных офицеров и сержантов, состоящих в штате командования вневойсковой подготовки.

Программа обучения на курсах ROTC при четырехлетнем периоде предполагает два цикла: начальная общая военная подготовка и углубленная повышенная подготовка. Продолжительность первого цикла — два года. На него отводится около 180 учебного времени. Занятия проводятся раз в неделю по три-четыре часа. В это время студенты-курсанты младшего курса изучают основы военного дела, историю и традиции видов вооруженных сил, различные системы оружия, занимаются физической подготовкой, работают с топографическими картами и аэрофотоснимками, вырабатывают командирские навыки. В конце курса начальной подготовки проводятся летние учебные сборы. Это первая встреча курсантов с регулярными вооруженными силами. В течение шести недель они проходят интенсивную подготовку в учебных центрах и войсках (на кораблях). В сухопутных войсках основным учебным подразделением является учебный батальон курсов ROTC.

Второй цикл занимает также два года. При этом на занятия отводится 300 часов. Студенты-курсанты старшего курса знакомятся с задачами офицерского корпуса, изучают основные принципы военного искусства, организацию, вооружение и назначение видов вооруженных сил, родов войск и служб, организацию, вооружение и тактику действия подразделений, организацию систем управления, связи и тыла, военное законодательство, права и обязанности командиров младшего звена.

По окончании курса военной подготовки курсанту присваивается первое воинское звание «второй лейтенант», и он приступает, как предусмотрено контрактом, к военной службе.

Так, около половины выпускников, закончивших четырехлетний цикл обучения, становятся офицерами регулярных сухопутных войск, ВВС и ВМС. В структуры военной разведки часто отбираются наиболее подготовленные выпускники ведущих университетов страны — Гарвардского, Колумбийского, Йельского и Калифорнийского, а также ряда специализированных учебных заведений — Крипто-математического института, Института вычислительной техники и информатики, Института международных проблем и т. д.

Студенты, успешно окончившие курсы ROTC и изъявившие желание служить в регулярных войсках, получают только общую военную подготовку. Конкретную военную специальность они приобретают в течение нескольких месяцев на соответствующих курсах в школах родов войск (сил) и служб, а также в военных учебных центрах и только после этого направляются в части соответствующего вида Вооруженных Сил⁹.

⁹ Стрелецкий А. Система подготовки офицерских кадров в США // Зарубежное военное обозрение. 2006. № 12.

Министерство обороны США заинтересовано в том, чтобы, не создавая новые военные училища, использовать возможности гражданских вузов для пополнения офицерских кадров. Как правило, офицеры, подготовленные в системе курсов вневойсковой подготовки и прослужившие в регулярных войсках срок, определенный в договоре с министерством обороны, зачисляются в резерв первой очереди, а не отслужившие в регулярной армии офицеры зачисляются в резерв второй очереди. Таким образом, в вооруженных силах Соединенных Штатов Америки создается достаточный по количеству резерв офицеров запаса для пополнения армии и флота в период ведения военных действий и при различных чрезвычайных ситуациях.

Вневойсковая подготовка офицерских кадров запаса профессиональной армии характерна также для Великобритании. В этой стране политика в области обеспечения безопасности тесно увязывается с оборонной политикой и основывается на оценках национальных интересов, возможностях их обеспечения с учетом внутренней и внешней обстановки, а также на разумном взаимодействии с союзниками и партнерами. Оборонная политика Великобритании отвечает следующим критериям: обеспечение необходимой степени военной защиты, как Британских островов, так и остальных владений; решение задач обороны экономического приемлемыми средствами, т. е. по доступной цене, не расширяя лимиты затрат на оборонную политику за определенные пределы даже в военное время.

В результате за многие века сформировался особый британский подход к военному строительству и ведению войны. Так, военную организацию Великобритании составляют ее вооруженные силы, состоящие из сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил и резервных компонентов. Формально верховное главнокомандование возложено на монарха: короля или королеву, фактическое руководство осуществляется министром обороны¹⁰.

Вооруженные силы Великобритании с момента возникновения в середине XVII века и до начала XX века комплектовались исключительно по найму. В первой половине XX века в связи с обострением международной обстановки и ведением ряда кровопролитных войн в стране периодически проводились массовые призывы на военную службу. Решение о возвращении только к добровольному способу комплектования было принято под давлением общественности в 1957 году, а сам переход завершился лишь в 1963 году. В настоящее время вооруженные силы Великобритании комплектуются добровольцами в возрасте от 17,5 до 30 лет (в ВМС — до 33 лет). В части и подразделения территориальных войск принимаются граждане в возрасте от 17 до 46 лет, а достигшие 50 лет из этих войск увольняются. Британские граждане, достигшие установленного возраста и изъявившие желание поступить на военную службу, заключают с министерством обороны контракт на определенный срок, который предусматривает взаимные права и обязанности сторон. Эти права и обязанности, порядок прохождения службы, а также все вопросы, касающиеся личного состава, определяются «Законом о военной службе» и «Королевским указом» 1947 года. Они дополняются воинскими уставами и регулярно обновляемыми наставлениями и инструкциями для видов вооруженных сил.

Офицерский корпус вооруженных сил формируется как за счет выпускников военных училищ (кадровый офицерский состав), так и за счет выпускников гражданских вузов, вербуемых по контрактам (состав краткосрочной службы). Помимо этих двух категорий в британской армии существует небольшая прослойка офицеров (порядка 5 %), которые на-

¹⁰ Военное право. Учебник

чинали свою службу рядовыми и затем окончили установленные курсы подготовки и переподготовки. Последнюю категорию используют, как правило, на низших административных и технических должностях¹¹.

Ядро офицерского корпуса и его наиболее привилегированную часть составляют выпускники Дартмутского военно-морского колледжа — для ВМС, Сандхерстского военного училища — для сухопутных войск. Они составляют 95 % адмиралов и генералов и основную часть старших офицеров.

Офицерский корпус вооруженных сил Великобритании подразделяется на младший (второй лейтенант, лейтенант, капитан), старший (майор, подполковник, полковник) и высший (бригадир, генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал) состав.

Младший офицерский состав укомплектован в основном за счет офицеров краткосрочной службы (до десяти лет, но не менее трех лет в вооруженных силах и не менее пяти лет затем в резерве). Это, главным образом, выпускники гражданских вузов, завербовавшиеся на службу в вооруженных силах по контрактам (летчики, инженеры и техники, врачи, юристы, священники и др.).

Воинское звание строго соответствует занимаемой должности. Если офицер назначается на более высокую должность, а срок его выслуги для присвоения очередного постоянного воинского звания не истек, ему присваивается временное звание, соответствующее новой должности. Правовые последствия присвоения временного звания точно такие же, как при получении постоянного звания, но при перемещении с указанной должности, увольнении с военной службы временное звание снимается.

Для получения старшего офицерского звания «лейтенант-командер» (соответствует званию «майор» в сухопутных войсках) офицер должен прослужить в звании лейтенанта (соответствует званию «капитан» в сухопутных войсках) восемь лет. Для получения воинского звания «капитан» в сухопутных войсках — шесть лет, «лейтенант» — четыре года¹². Предельный возраст службы адмиралов и генералов — 60 лет, офицеров — 55 лет. Однако офицер может подать рапорт об отставке после пяти лет службы¹³.

На долю выпускников вневойсковой подготовки приходится около 30 % всех подготавливаемых офицеров. О качестве подготовки офицеров запаса можно судить по высокой оценке командования НАТО, полученного в результате анализа их действий во время операции «Буря в пустыне» против вооруженных сил Ирака. Эта подготовка экономична: если затраты на подготовку специалиста инженерного профиля в военном училище составляют в среднем 100 тыс. долл., то в гражданском вузе — всего 40 тыс. долл., т. е. в 2,5 раза меньше.

Военная подготовка студентов хорошо стимулируется. К льготам, помимо бесплатного обучения, относится снабжение обмундированием, а также всеми видами довольствия во время лагерных сборов и учений. Студенты, отвечающие квалификационным требованиям, получают премии и дотации.

Студенты обучаются по программе меньшего объема, чем курсанты военного училища и имеют большую профессиональную направленность. Срок обучения на курсах — три года. Для получения первой

¹¹ Мерзликин А.А. Система комплектования вооруженных сил Великобритании: Изд. ЗГВ, 1990. С. 6—7.

¹² Коровников А.В. Социальная защита военнослужащих в зарубежных государствах: правовое регулирование. М., 1997. С. 98.

¹³ Великобритания. Информационно-справочный материал: Изд. КСФ, 1996. С. 55, 61—65.

ученой степени (бакалавр) необходимо три-четыре года, а медицинских специальностей — пять-шесть лет. Занятия проводятся по два-четыре часа один-два раза в неделю, а также посредством сборов (их в месяц бывает один-два). Учебный год заканчивается двухнедельным сбором, который проводится в летние каникулы. Руководит деятельностью таких курсов комитет военной подготовки (сюда входит представитель ректората, начальник военной кафедры). Преподавательский и инструкторский состав комплектуется из кадровых офицеров и офицеров запаса.

Система вневойсковой подготовки, ежегодно охватывающая 150 тыс. студентов, введена практически во всех британских университетах, в некоторых политехнических институтах и колледжах. Эта система имеет следующую организационную структуру: три службы вневойсковой подготовки в гражданских вузах в соответствии с тремя видами вооруженных сил, деятельность которых координирует штаб при военном училище в городе Сандхерст. Он подотчетен вышестоящим командным инстанциям — органам центрального аппарата министерства обороны Великобритании, в составе которых имеются представители службы вневойсковой подготовки и подготовки резервных формирований.

Таким образом, около 30 % кадровых офицеров в вооруженных силах Великобритании и около 40 % в вооруженных силах Соединенных Штатов Америки проходили обучение на курсах вневойсковой подготовки при гражданских вузах. При грамотной организации учебного процесса, жестком подходе к качеству обучения и дальнейшему прохождению военной службы в резерве такая система подготовки офицеров является достаточно эффективной и экономичной.

Всесторонний анализ опыта строительства вооруженных сил зарубежных государств, таких как Соединенные Штаты Америки и Великобритания, безусловно, поможет выработать наиболее приемлемую для нашей страны организацию подготовки офицеров для прохождения военной службы, как в мирное, так и в военное время. Тем более, что в настоящий момент на основании действия ряда законодательных актов в Российской Федерации происходит активное реформирование системы военного образования.

---

50 лет возрождения военной социологии в России

*Генерал-лейтенант авиации в отставке В.В. СЕРЕБРЯННИКОВ,
доктор философских наук*

СЕРЕБРЯННИКОВ Владимир Васильевич родился 31 марта 1927 года в городе Осташкове Тверской области. В феврале 1944 года добровольно вступил в Вооруженные Силы. Окончил школу младших авиационных специалистов (1944), Харьковское авиационное училище связи (1948), воздушный факультет Военно-политической академии имени В.И. Ленина (1955) и адъюнктуру при ней (1956). Служил в войсках Сибирского, Киевского, Московского, Ленинградского округов, Группе советских войск в Германии, Главном политическом управлении СА и ВМФ, Военно-дипломатической академии. Закончил службу заместителем начальника Военно-политической академии по научной и учебной работе (1990). Доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР. В 1991–1993 годах – советник Председателя Верховного Совета Российской Федерации по военно-политическим вопросам. С 1994 года – главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Автор 23 книг, в том числе «Социология войны», «Войны России: социально-политические аспекты», «Природа человека: источник войн или миролюбия?», а также более 500 научных статей.

ЗА ПОСЛЕДНИЕ 40 лет на страницах журнала «Военная Мысль» опубликовано несколько статей, посвященных рассмотрению методологических и методических особенностей, теоретической и практической значимости военной социологии как отрасли военной науки¹. Сейчас по решению Правительства Российской Федерации и Президиума РАН проводятся мероприятия в связи с пятидесятилетием возрождения социологии в нашей стране, в том числе с 21 по 24 октября этого года в Москве пройдет *Третий всероссийский социологический конгресс*. Он призван подвести итоги развития социологии и определить пути повышения ее отдачи в решении практических задач развития и совершенствования российского общества и государства. На конгрессе будет работать секция «Военная социология». Для участия в ее работе поступило более 100 заявок от ученых из многих регионов страны.

Военная социология как самостоятельное направление науки ведет свою историю в России со второй половины XIX века. После 1917–20 годов у нас она развивалась на принципиально другой теоретико-методологической основе, а затем с середины 1930-х и до конца 50-х годов прошлого века ее открытое действие было прервано. Известно лишь одно официальное социологическое исследование времен Великой Отечественной войны, проведенное в нашей армии незадолго до окончания войны с разрешения Сталина американским институтом Гэллага во 2-ом гвардейском танковом корпусе. Опрашивалось около шести тысяч военнослужащих о том, какие беды претерпели от фашистов они лично, их родственники, население деревень, поселков и городов, где они проживали до войны.

¹ Военная Мысль. 1968. № 10; 1971. № 2; 1991. № 1 и др.

Вместе с тем в период войны партийные и государственные органы, командование и политорганы на всех уровнях обобщали и анализировали огромную массу фактов о качествах наших воинов, делали важные практические выводы для совершенствования работы с ними, зачастую отличавшиеся достаточной глубиной и научностью. При этом широко применялись методы и техника прикладных социологических исследований, чтобы оперативно углублять представления о боевой обстановке, моральном духе сражавшихся войск, принимать более взвешенные решения. С начала войны систематически обобщались и анализировались попавшие к нам письма гитлеровских солдат и офицеров в Германию. И сейчас нельзя не удивляться простотой и эффективностью применявшихся тогда классификаторов, схем, таблиц, групп индикаторов, позволявших выстраивать ежемесячную эволюцию духа немецко-фашистских войск, вскрывать вызревание его кризисов (под Москвой, Ленинградом, Сталинградом и т.д.). Столь же поучительны методы и техника изучения морально-психологического состояния своих войск, особенно сражавшихся в окружении, длительно отступавших, действовавших в отрыве от основных сил, переживавших моменты паники и т.п. Изучалось мнение рядовых солдат об эффективности новых средств и способов боевых действий. В 5-й ударной армии, например, был организован опрос участников знаменитой ночной атаки войск 1-го Белорусского фронта на Зееловских высотах 16 апреля 1945 года, в ходе которой использовались прожекторы. Мнения бойцов и командиров были весьма противоречивыми — от однозначно положительных (танкисты и экипажи САУ) до отрицательных (пехота считала, что «прожекторная атака» позволила противнику более прицельно вести огонь, увеличила потери). Подобных примеров имеется великое множество, и все они заслуживают специального изучения, ждут исследователей. К сожалению, за более чем 60 лет, прошедших после войны, социологи так и не откликнулись на это ожидание.

Возрождение военной социологии в нашей стране после длительного ее запрета непосредственно связано с институционализацией советской социологической науки в целом, начавшейся на рубеже 1950–60-х годов.

В середине 60-х годов в Москве, Ленинграде, Киеве, Свердловске, Новосибирске и других местах в основном при военных академиях и училищах, крупных политорганах и окружных военных газетах стали возникать кружки и группы военно-социологических исследований. Энтузиастами их создания выступали, как правило, преподаватели общественных наук военно-учебных заведений, не являвшиеся профессиональными социологами. Они начинали свою деятельность, не располагая учебниками, пособиями, опытом проведения военно-социологических исследований, были в полном смысле слова самоучками, понявшими великую значимость этой науки, горевшими желанием овладеть ею как можно основательнее, организовавшими сами свое обучение, проведение первых эмпирических исследований.

Большую роль в возрождении и развитии военной социологии сыграл созданный в октябре 1965 года в Военно-политической академии имени В.И. Ленина (ВПА) в рамках военно-научного общества кружок конкретных военно-социологических исследований, которым почти 15 лет беспрерывно руководил известный ученый — доктор философских наук, капитан 1 ранга В.М. Пузик. В этом кружке начали свой путь ставшие со временем известными военными социологами офицеры: Ю.М. Бирюков, Л.Г. Егоров (первый начальник кафедры военной социологии ВПА), Ю.И. Дерюгин и др. Через кружок, руководимый В.М. Пузиком, прошли

сотни слушателей, преподавателей и адъюнктов академии, многие из которых стали энтузиастами распространения социологических знаний и проведения исследований в армии и на флоте. Членами кружка в 1971 году была подготовлена первая монография по теории, методологии и методике военно-социологических исследований: «Предмет и методы конкретных военно-социологических исследований». Она стала добротным подспорьем для всех кружков военно-социологических исследований в Вооруженных Силах.

В кружке конкретных социологических исследований **при Киевском высшем инженерном радиотехническом училище ПВО (КВИРТУ)**, одним из инициаторов создания которого в 1966 году был кандидат исторических наук подполковник М.Б. Морозов, в течение нескольких лет планомерно осуществлялось изучение теории, техники и методов ведения эмпирических исследований. Было проведено несколько по существу исследовательских семинаров по изучению социологического инструментария, примененного Ф. Энгельсом при разработке труда «Положение рабочего класса в Англии», содержащегося в других марксистских работах. Кружок установил тесные связи с Институтом философии АН УССР, получил большую помощь от видных ученых (П.В. Копнина, Л.В. Сохань и др.). Члены военно-социологического кружка участвовали во всех мероприятиях Института философии, на которых обсуждались вопросы, связанные с проведением социологических исследований. Свои первые исследовательские программы они предварительно обсудили там же в институте. Первым фундаментальным пособием для членов кружка явился вышедший в 1966 году двухтомник «Социология в СССР», в котором обобщался опыт ряда эмпирических исследований, проведенных в различных сферах жизни советского государства.

В 1968 году в КВИРТУ состоялась большая научная конференция на тему: «Актуальные проблемы формирования научного мировоззрения военного инженера», инициаторами проведения которой были члены военно-социологического кружка. К тому времени в составе офицерского корпуса Вооруженных Сил резко возрос удельный вес инженерно-технических специалистов (до 50 % от всей численности офицеров). Важно было выяснить, как это сказывается на морально-политическом состоянии войск, воспитательной работе, общественной и культурной жизни подразделений, частей и соединений. Набиравшая силу военно-техническая революция дала на Западе заметный импульс технократическим тенденциям в развитии мировоззрения и мышления людей (в том числе военнослужащих). Указанная тенденция определенным образом сказывалась на облике и подходе к делам части и наших офицеров. Проведенные в училище и в войсках исследования показали, что это свойственно и определенной части его выпускников, причем чаще всего наиболее одаренным и творческим. Данный «технократический флюс» подвергся тщательному анализу, были разработаны практические рекомендации по обеспечению более всестороннего формирования мировоззрения у будущих военных инженеров, нацеленности их на активное участие в воспитании подчиненных, общественной и культурной жизни войск. Материалы конференции были изданы в училище, освещались в окружной газете «Ленинское знамя», в сборниках статей политуправления КВО (в помощь командирам и политработникам).

С середины 60-х годов методы конкретных социологических исследований стали шире применяться офицерами политуправлений округов, флотов и групп войск. **В 1966 году Главным политическим управлением СА и ВМФ (далее – Главполитуправлением) было организовано**

первое крупномасштабное социологическое исследование в Вооруженных Силах СССР. Исследование проводилось под руководством кандидата исторических наук генерал-майора С.К. Ильина на базе Одесского и Белорусского военных округов по теме: «Пути совершенствования деятельности офицеров в воспитании подчиненных, укреплении воинской дисциплины» (всего было опрошено более 1000 военнослужащих). Результаты исследования получили высокую оценку министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского. В резолюции на аналитической записке им написано: «Материал представляет особый интерес, надо наладить систематическую информацию для руководства». Это явилось важным импульсом активизации военно-социологических исследований в армии и на флоте. В 1967 году работниками Главполитуправления совместно с учеными ВПА были проведены два крупных исследования на базе Северо-Кавказского военного округа и Северного флота по проблемам повышения эффективности партийно-политической работы.

К концу 60-х – началу 70-х годов военно-социологические исследования обрели довольно высокие качества, их результаты и практические рекомендации стали более широко использоваться командованием и политорганами разного уровня для совершенствования обучения и воспитания военнослужащих различных категорий, улучшения преподавания общественных наук в военных вузах.

Исключительно важную роль в развитии военной социологии сыграло образование в Главполитуправлении в ноябре 1967 года отдела военно-социологических исследований, во главе которого на протяжении десяти лет стоял доктор философских наук генерал-майор В.К. Коноплев. За эти годы отдел провел исследования по проблемам морально-политической и психологической подготовки войск в ходе крупномасштабных войсковых учений и дальних походов ВМФ, взаимоотношений в воинских коллективах, преодоления «дедовщины», укрепления межнациональной дружбы военнослужащих и др. Подобно микроскопу, дающему возможность увидеть недоступное невооруженному глазу богатство жизни в капле воды, социологические исследования позволяли заглянуть в глубину морально-политического и психологического состояния войск, вскрыть то, что было недоступно для привычных методов или не хотелось видеть некоторым высокопоставленным начальникам, при выкшим лакировать действительность.

Однако влияние военно-социологических исследований ограничивалось их жесткой закрытостью. Результаты изучения общественного мнения различных категорий военнослужащих докладывались только начальнику Главполитуправления и его заместителям. Это превращало отдел в чисто информационный орган для узкого круга высокопоставленных должностных лиц, которые из всего богатства содержания исследований брали лишь несколько цифр (фактов) в свои выступления. На всех отчетах, докладных записках по результатам социологических исследований значилась резолюция – «Ознакомить членов бюро Глав ПУ». Отмечен только один факт, когда министр обороны СССР А.А. Гречко на докладной записке распорядился – «Ознакомить членов коллегии МО».

В 1980-е годы динамично и плодотворно развиваются военно-социологические исследования в ВПА. В них включаются молодые офицеры, буквально влюбленные в социологию: Н.А. Снесарев, В.Н. Ведерников, И.В. Образцов, С.С. Соловьев, В.П. Сергеев и др. В академии проходят крупные научные конференции по военной социологии (1984, 1985, 1988, 1989 и 1990 годы) на темы: «Проблемы формирования коллекти-

ва и личности в условиях социалистической армии», «Повышение роли социологических исследований в политико-воспитательной работе и задачи совершенствования преподавания и НИР по военной социологии в свете июньского (1983) Пленума ЦК КПСС», «Задачи военной социологии в условиях перестройки общества и Вооруженных Сил» и др.

Активизировалась работа военного отделения Советской социологической ассоциации. Ученые стали принимать участие в международных социологических конгрессах, избираться в научно-исследовательские комитеты военно-социологического профиля международной организации социологов (С.А. Тюшкевич, И.С. Даниленко, В.К. Коноплев и др.).

Происходило постепенное становление системы подготовки кадров по военной социологии. Впервые в стране на базе ВПА началась подготовка дипломированных социологов-исследователей. Первый их выпуск состоялся в 1985 году. В органах военного управления и в военно-учебных заведениях начали создаваться подразделения профессионально-психологического отбора. На кафедре социальной и военной психологии ВПА была создана предметно-методическая комиссия по социологии.

Мощный импульс процессу институционализации социологии был придан в 1988 году: вышли постановление Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» и приказ министра обороны СССР «О социально-психологической службе в Советской Армии и Военно-Морском Флоте». **Социология вновь получила права самостоятельной дисциплины.** Таким образом, подошла к концу целая эпоха истории советской общественной науки, в которой социология полностью поглощалась историческим материализмом. В войсках и силах флота была развернута социально-психологическая служба, военная социология в военно-учебных заведениях получила статус учебной дисциплины.

С начала 1990-х годов начался новый, более интенсивный период развития военной социологии, который, с одной стороны, характеризовался устранением определенного параллелизма в работе научно-исследовательских подразделений, повышением их статуса, организационным укреплением, а с другой, — созданием научно-педагогических и учебных подразделений социологического профиля.

Деятельность научно-исследовательских подразделений военно-социологического профиля в период конца XX — начала XXI века **характеризуется следующим:**

ростом количества и качества исследований в условиях кардинальных изменений в социально-экономической и политической жизни страны и в Вооруженных Силах;

наличием интереса к военно-социологическим исследованиям и заказов на их проведение не только со стороны Министерства обороны, но и высших органов государственного управления;

значительным расширением проблематики и глубины исследований не только в интересах высшего руководства и структур воспитательной работы, но и главных командований видов, родов войск, главных и центральных управлений Министерства обороны;

разработкой теоретико-методологических основ военной социологии, появлением значительного количества учебной и учебно-методической литературы;

оптимизацией организационно-штатной структуры научно-исследовательских подразделений и качественным отбором научных сотрудников с базовым социологическим образованием;

расширением возможностей подготовки и выпуска собственных периодических изданий и ростом числа публикаций результатов исследо-

ваний в печати, центральных и региональных средствах массовой информации*;

тесным взаимодействием специалистов в области военной социологии с учеными академических институтов и центров социологического профиля;

овладением передовыми социологическими и психологическими методиками, новыми информационными технологиями;

повышением актуальности и расширением проблематики военно-социологических исследований, включающей исследования морально-психологического состояния личного состава армии и флота и путей его повышения; структуры ценностных ориентаций кадровых военнослужащих; особенностей комплектования армии и флота военнослужащими на контрактной основе; путей повышения престижа военной службы; психологической устойчивости военнослужащих в боевых условиях и др.

С 1 сентября 2002 года ведущим исследовательским органом в области военной социологии является Социологический центр Вооруженных Сил Российской Федерации. Его возглавляет кандидат философских наук капитан 1 ранга Л.В. Певень. К главным направлениям проводимых в центре исследований относятся:

структура ценностных ориентаций кадровых военнослужащих Вооруженных Сил;

формы и методы морально-психологического обеспечения действий войск и сил флота, повышение их эффективности;

комплектование Вооруженных Сил военнослужащими на контрактной основе;

причины и условия текучести кадров офицерского состава в низовых звеньях и повышение престижа офицерской службы;

мониторинг социально-экономического положения кадровых военнослужащих и членов их семей.

Роль научно-методического центра продолжает выполнять кафедра социологии Военного университета Министерства обороны. Здесь функционирует специализированный диссертационный совет по социологическим наукам. В этом совете и в специализированных советах при гражданских вузах страны по проблемам военной социологии уже защищено более 20 докторских и 100 кандидатских диссертаций. В последние годы издан значительный объем литературы по военно-социологической

* Наиболее крупные публикации по военно-социологической тематике: Пу з и к В.М. Предмет и методы конкретных военно-социологических исследований. М., 1971; К о в а л е в В.Н. Социалистический воинский коллектив: социологический очерк. М., 1980; А л и е в У.С. Социальная роль вооруженного насилия в современную эпоху. М., 1988; В о р о б ь е в В.Я. Социология военная. Словарь. М., 1991; В е д е р н и к о в В.Н. Военная социология: вопросы теории, методологии, истории и практики. М., 1994; Д е р ю г и н Ю.И., О б р а з ц о в И.В. Проблемы социологии армии. М., 1994; Д е р ю г и н Ю.И., Е ф и м о в Н.Н., К о в а л е в В.Н., К о в а л е в В.Н. Безопасность России и армия. М., 1995; С о л о в ь е в С.С. Основы практической военной социологии. М., 1996; С е р е б р я н н и к о в В.В., Х л о п ь е в А.Т. Социальная безопасность России. М., 1996; Д е р ю г и н Ю.И., С е р е б р я н н и к о в В.В. Социология армии. М., 1996; И в а н о в В.Н., К с е н о ф о н т о в В.Н. Мир и война: человеческое измерение (социально-философский анализ). М., 1996; С о л о в ь е в С.С., О б р а з ц о в И.В. Российская армия: от Афганистана до Чечни. Социологический анализ. М., 1997; С е р е б р я н н и к о в В.В. Социология войны. М., 1997; С е р е б р я н н и к о в В.В. Войны России: социально-политический анализ. М., 1998; К с е н о ф о н т о в В.Н. Мир как состояние общества. М., 2001; Армия России: состояние и перспективы выхода из кризиса. Коллектив авторов. Под редакцией Р.Г. Яновского. М., 2001; Военная социология: социология в России XIX—XX вв. Составители Ефимов Н.Н. и Образцов И.В. М., 2002; Т ю ш к е в и ч А.С. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М. 2002; Социология Великой Победы 1945-го. Коллектив авторов. М., 2005; Место и роль армии в российском обществе. Материалы научной конференции. М., 2007; С е р е б р я н н и к о в В.В. Природа человека: источник войн или миролюбия? М., 2007; Д а н и л о в а Н.Ю. Армия и общество: принципы взаимодействия. СПб., 2007.

проблематике. Отмечается рост публикаций в периодических изданиях, в том числе и социологического профиля.

Разработка проблем военной социологии перестала быть прерогативой только социологов силовых ведомств. В Российском обществе социологов создано и функционирует отделение военной социологии. В последние 10–15 лет разработкой конкретных проблем военной социологии занимаются и ученые институтов РАН гражданских, высших учебных заведений. Весьма интенсивно это направление развивается, например, в Институте социально-политических исследований РАН, где в Центре социологии национальной безопасности проводится серьезная работа по теоретическому осмыслению практики военно-социологических исследований, истории и теории военной социологии. Институт, лично академик РАН Г.В. Осипов и член-корреспондент РАН В.Н. Иванов оказывают большую помощь военным социологам в подготовке научных кадров, организации и проведении исследований. На социологическом факультете МГУ создана кафедра социологии национальной безопасности.

Большую роль в налаживании сотрудничества военных и гражданских социологов, занимающихся военно-социологическими исследованиями, играет секция военной социологии Российской социологической ассоциации и ее руководящий орган – Исследовательский комитет «Военная социология». Организуют работу этих структур три сопредседателя: В.Н. Ксенофонтов – доктор философских наук, Л.В. Певень – кандидат философских наук и В.В. Серебрянников – доктор философских наук. Ученым секретарем является В.Ф. Бондаренко – доктор социологических наук.

На Всероссийских социологических конгрессах (2003 и 2006 годы) социологи, занимающиеся военно-социологическими исследованиями, представили около 100 докладов и выступлений, тезисы которых вошли в сборники материалов.

Появились новые направления исследований. В частности, положено начало развитию исторических военно-социологических исследований, особенно связанных с Великой Отечественной войной, со Второй мировой войной и другими войнами XX века. По результатам этих исследований прошли научные конференции, семинары и круглые столы на темы: «Военная социология в период Второй мировой войны (1939–1945)», «Социологический анализ Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (народ и армия)», «Социальный облик советского Воина-победителя в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Задачи и роль военных социологов в изучении Великой Отечественной войны» и др. Ученые секции военной социологии Российской социологической ассоциации приняли активное участие в подготовке совместно с учеными МГУ и Института военной истории Министерства обороны уникального труда «Социология Великой Победы».

Чаше стали исследоваться и выноситься на широкое обсуждение крупные военно-социологические проблемы такие, как: «Военная идеология России: прошлое, настоящее и будущее», «Место и роль Вооруженных Сил в российском обществе» (материалы конференции изданы в МГУ), «Духовные ценности общества и армии: проблемы военно-патриотического воспитания военнослужащих и народа», «Социологическое сопровождение перевода комплектования Вооруженных Сил России на контрактную основу» и др. Работе секции военной социологии активно содействуют ученые социологического факультета МГУ – В.И. Добренков, И.П. Рязанцев, В.Н. Кузнецов, Н.Н. Ефимов и др.

Существенным недостатком в работе секции военной социологии Российской социологической ассоциации является отсутствие крепких

и устойчивых связей с региональными группами ученых (Казань, Екатеринбург, Нижний Новгород, Новосибирск и др.), занимающихся военно-социологическими исследованиями и приобретшими известность и признание внутри страны и за рубежом.

В развитии военной социологии большую роль играют опубликованные у нас труды русских социологов, живших за рубежом, особенно П.А. Сорокина, Н.С. Тимошева, Н.Н. Головина. Разработанные ими методики, критерии оценки «морально-психологической упругости войск», индикаторы зависимости боеспособности войск от величины «морально-психологических потерь», сравнительные характеристики боевого мастерства личного состава разных армий и тому подобные социологические инструменты имеют непреходящее значение для практической деятельности военачальников всех рангов. То же можно сказать и о публикациях крупных военных социологов Запада: М. Яновица, С. Хантингтона, Ч. Москаса и др. К сожалению, у нас нет военно-социологических работ, которые произвели бы такой общественный резонанс и воздействие на строительство армии, как их труды «Американский солдат», «Профессиональный солдат», «Солдат и государство», «Американский рядовой». Это относится в полной мере и к большому претензионному труду Д.А. Волкогонова «Советский солдат» (1987), серьезно страдающему пропагандистским характером, консервативным схематизмом и не повлиявшим сколько-нибудь заметно на военную теорию и практику. Большая заслуга в публикации перечисленных трудов русских и зарубежных социологов прошлого принадлежит двум группам ученых под руководством И.С. Даниленко (ВАГШ) и А.Е. Савинкина (Военный университет).

Характерные тенденции в развитии военной социологии выявились в ходе подготовки к Третьему всероссийскому социологическому конгрессу. В программе работы секции на нем военной социологии запланировано обсуждение *четырёх направлений исследований:*

социологические аспекты войны, армии, военной безопасности; место и роль армии в российском обществе; военно-гражданские отношения;

военное строительство, социальная защита, обучение и воспитание военнослужащих;

эволюция отечественной и зарубежной военной социологии.

По указанным направлениям военно-социологических исследований представлено более 50 тезисов выступлений. Около 20 % из них принадлежат гражданским социологам, остальные – ученым и преподавателям вузов Министерства обороны и других силовых структур. Почти треть тезисов поступила из регионов.

В тезисах содержатся предложения, относящиеся к политике, военной доктрине и концепции безопасности: в содержательно-временном аспектах конкретизируются меры по усилению миротворческой деятельности, предотвращению войн и военных конфликтов, ликвидации и ослаблению военных угроз, предлагаются критерии оценки этой деятельности. Лейтмотивом здесь выступает необходимость для России переломить вместе с другими миролюбивыми странами нарастающую тенденцию усиления гонки вооружений и милитаризации обществ, выступить с инициативами по существенному сокращению мировой торговли оружием.

Большой спектр предложений связан с укреплением, совершенствованием и более эффективным применением Вооруженных Сил, других силовых структур. При этом особое внимание уделяется проблемам повышения морального духа (слабость духа есть одно из самых опасных

явлений), готовности и способности воинов российской армии сражаться и побеждать любых агрессоров. Отсюда актуальны предложения по содержанию и способам реализации новой военной идеологии российского государства, использованию потенциала науки, искусства, религии, других факторов, имеющих важное значение для формирования значимых профессиональных качеств у личного состава.

Важное значение в тезисах уделяется вопросам развития и укрепления связей Вооруженных Сил с гражданским обществом, повышения роли и места армии в обществе, эффективности военно-гражданских отношений, общественного контроля над армией, заботе о социальном благополучии российского воинства, повышении статуса и авторитета защитников Отечества. Предлагаются критерии, шкалы, показатели и другие инструменты для мониторинга военно-гражданских отношений и повышения их отдачи в обеспечении военной безопасности. Получают развитие такие социологические категории, как «имидж армии», «социальный статус воина», «система социальной защиты военнослужащих», «социальные гарантии для военнослужащих» и др. Прогнозируется ухудшение демографической ситуации в стране и снижение к 2025 году численности мужчин в возрасте от 18 до 27 лет с 11 до 6 млн. Разработаны предложения по своевременному реагированию на этот вызов.

На основе лучших материалов секции планируется подготовить труд «Военная социология: 50 лет возрождения, итоги и перспективы».

Итак, в современных условиях, когда социальные связи множатся и глобализируются, а вооруженные силы как социальный институт должны адекватно вписываться в современный социум, осмысление проблем предметной области военной социологии необходимо как никогда. ***Военная социология играет и в перспективе будет играть всевозрастающую роль в укреплении и совершенствовании российских Вооруженных Сил.*** И без военных специалистов, их служебного опыта и социологических знаний здесь не обойтись. История военной социологии свидетельствует — в авангарде военно-социологической мысли обычно стояли именно военные мыслители.

ИНФОРМАЦИЯ И СООБЩЕНИЯ

Воздушно-космическая сфера и вооруженная борьба в ней

Полковник в отставке И.В. ЕРОХИН,
доктор военных наук, Заслуженный деятель науки РФ

ЕРОХИН Иван Васильевич родился 9 октября 1923 года в станице Екатериновской Крыловского района Краснодарского края в семье сапожника. 22 июня 1941 года добровольцем вступил в ряды РККА. По окончании экстерном Краснодарского училища зенитной артиллерии (1942) участвовал в военных действиях на Крымском, Северо-Кавказском, Закавказском и 1-ом Дальневосточном фронтах. Окончил с отличием Военную академию имени Ф.Э. Дзержинского (1952). В период с 1954 по 1987 год, являясь сотрудником 2-го ЦНИИ МО РФ, прошел путь от старшего научного сотрудника до начальника ведущего научного управления. Успешно защитил кандидатскую (1960) и докторскую (1983) диссертации. Создал и возглавил новое научное направление комплексного оперативно-стратегического и военно-экономического обоснования перспектив развития состава вооружения и построения противовоздушной (воздушно-космической) обороны Советского Союза. Автор более 300 научных работ.

В настоящее время Иван Васильевич — профессор кафедры оперативного искусства, заслуженный деятель науки РФ, академик и лауреат премии имени А.В. Суворова 1-й степени Академии военных наук, почетный профессор Военной академии воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова и по совместительству — старший научный сотрудник 2-го ЦНИИ МО.

ПОСЛЕ распада Советского Союза (1992) руководство России в течение полтора десятков лет «реформировало» то, что досталось ей от Вооруженных Сил СССР. Из хорошо сбалансированных по функциям и согласованных с предназначением и задачами *пяти структур* (видов ВС) появились *восемь структур* (три вида ВС, четыре отдельных рода войск центрального подчинения на правах видов ВС и один межвидовой конгломерат такого же подчинения — род Вооруженных Сил). Причем эти восемь структур полностью разбалансированы с точки зрения будущих военных конфликтов и предназначены для «совместного» решения очень разных задач в разных сферах применения и в разных условиях.

К указанному следует добавить, что в этом не сокращенном, а, наоборот, разбухшем структурном «образовании» *нет двух самых главных компонентов* в организационно самостоятельных структурах, *способных обеспечить военную безопасность России* пресечением агрессий единственно возможным надежным путем решения двуединой главной задачи — сохранения своей и разгрома вражеской государственной инфраструктуры.

Вместо простой и соответствующей реальным условиям обстановки структуры ВС мы имеем набор нелепых, случайных ударно-оборонительных смесей родов войск (сил) из разных сфер вооруженной борьбы, предназначенных для «совместного» решения очень разных задач в разных местах и условиях.

Кроме того, в период отсутствия общей военной идеологии обороны государства и военно-экономической идеологии строительства ВС Генштаб спешит переработать руководящие документы по оперативным вопросам.

Спонтанный характер и непоследовательность «реорганизаторских» мероприятий *побудили высказать свое личное мнение*, положив в основу этой работы попытку ответить на три самых актуальных вопроса.

Первый: какие проблемы существуют в области военной безопасности России сегодня и куда все-таки дальше развивать ее ВС?

Второй: что такое воздушно-космическая сфера и как в ней организуется и ведется вооруженная борьба?

Третий: возможны ли вообще военные операции и оперативное искусство в этой сфере вооруженной борьбы при отсутствии в составе ВС, по выражению Г.К. Жукова, «оперативных войск для глубоких операций»?

Такие вопросы мы поднимаем на всем протяжении своей научной деятельности во многих печатных изданиях и в нескольких книгах. Последнее намерение возникло после ознакомления с рядом предложений разных организаций по созданию воздушно-космической обороны России в соответствии с «Концепцией ВКО РФ», утвержденной Президентом 5 апреля 2006 года.

Процесс вооруженной борьбы носит либо контактный (не отделяя предмет борьбы от себя), либо бесконтактный (метание поражающего предмета борьбы) характер. Предметы борьбы, применяемые для поражения противника, получили название «оружие», а применяющие его воины образовали вооруженные силы.

Первоначально было «холодное оружие» контактного и метательного (бесконтактного) применения. В Средние века с созданием взрывчатых веществ мускульное и механическое метание сменилось управляемым взрывным. Появилось огнестрельное оружие, предметы поражения которого воплощены в пули, ядра, снаряды, ракеты и другие устройства.

На результаты и последствия применения оружия больше всего влияло действие двух факторов: его поражающая сила (мощь) и дальность действия. Однако с ролью и влиянием этих факторов многие специалисты не разобрались и до сих пор. Решение многих вопросов затруднилось и даже зашло в тупик. Это требует уточнений. С них и начнем.

По мере развития огнестрельного оружия показатели обоих факторов постоянно росли и предела роста в общем-то не было. Оба они имели сильное прогрессивное влияние на развитие не только вооружения как совокупности оружия и военной техники, но и группировок, а также форм и способов его применения, а в конечном счете характера и даже самих возможностей войн и военных конфликтов. *В чем, где, когда и как это проявлялось?*

До конца XX века войны и вооруженная борьба велись только в двух из трех существующих в природе средах (пространствах): **земной**, где человечество постоянно обитает, и **морской**, которую оно все разнообразнее и масштабнее осваивает в различных, в том числе и в военных целях и периодически размещает некоторые виды объектов, за которые или против которых могут вестись и ведутся войны и вооруженная борьба.

Вооружение, организация борьбы и способы ее ведения привязываются к тем средам, в которых находятся главные объекты борьбы и ведется основная борьба. Таким является наземное и морское оружие, применяемое специальными — сухопутными войсками и морскими силами.

В третьей, **воздушно-космической** физической среде, лишь условно разделенной людьми (а не самой природой) на две ее части (воздух и космос), до второй половины XX века никто никаких ни постоянных, ни временных объектов не создавал и поэтому ни войн, ни вооруженной борьбы там не велось. Не за что и не с кем их было вести. И только с началом освоения космического пространства на многовитковых орбитах стали появляться временные искусственные объекты, а значит стали появляться предмет борьбы и основа для военных конфликтов и войн.

Вместе с тем, с момента появления не только первого огнестрельного, но и вообще первого метательного оружия воздушная среда (пространство) непременно использовалась для перемещения к объектам поражения метательного оружия или его поражающих элементов. Только так, в отличие от первых двух сред, и применяется в этой среде, а именно, «летает», все метательное: камни, палки, копыя, стрелы, пули стрелкового оружия, артиллерийские снаряды, мины, все виды беспилотных и пилотируемых летательных аппаратов (воздушные шары, дирижабли, самолеты, вертолеты и др.), ракеты и даже излучения всех частей электромагнитного спектра.

Но самое главное заключается в том, что *все это лишь перемещается для действий только по наземным или морским объектам в первых двух средах*, где объекты борьбы практически всегда были, есть и будут.

К сожалению, эту всеобщую особенность использования воздушного (воздушно-космического) пространства очень многие не понимают, а пере-

мещения вооружения или его поражающих элементов по воздушной сфере для последующего применения по объектам в наземной или морской сферах отождествляют с ведением им вооруженной борьбы в самой воздушной сфере. Перепутывание этих понятий является главным источником многих заблуждений и в распределении задач войны, и в предназначении родов войск и видов ВС, и даже в выборе главных в этой сфере оружия и вида ВС.

Профессионалы ВВС указывают на роль воздушного оружия как главного в третьей сфере вооруженной борьбы. Это не правильно. А заблуждением в том, что Военно-воздушные силы, ведя вооруженную борьбу в третьей сфере, запутывают решение всех оргструктурных вопросов оборонного строительства, и себя, и всех ВС.

Это главная исходная посылка, без глубокого и правильного понимания которой браться за решение проблемы ВКО бесполезно.

Запутывание проблемы ПВО (ВКО) усугубляется и другими неточными или неправильными исходными тезисами.

Рассмотрим влияние названных выше *двух главных факторов, определяющих действие и результаты применения оружия.*

Первый фактор — поражающая сила (мощь) оружия. Ее рост позволяет расширять виды (перечень) поражаемых объектов и повышать вероятность и надежность их поражения или защиты. В истории его развития различаются три этапа.

До XX века вооружение не выходило за возможности борьбы в основном вооруженных сил между собой его применением и достижения целей борьбы борющихся сторон только победой вооруженных сил одной стороны, вынуждающей другую сторону применением вооружения признавать свое поражение или уничтожающей ее.

Специальная борьба оружия с оружием между собой и непосредственно с объектами борьбы другой стороны длительное время имела вспомогательное и необязательное значение. Это обуславливало в основном оперативно-тактическую направленность войн, а борьба между вооруженными силами сторон оперативно-тактическим оружием — главную и обязательную составную часть любой войны.

С созданием в XX веке ядерного оружия, а затем и в процессе текущего совершенствования неядерного оружия (например, высокоточного), вооружение вышло на возможности борьбы не только вооруженных сил между собой, но и оружия между собой, а затем даже и непосредственного сокрушения стратегическим оружием сначала отдельных объектов, а потом и всей инфраструктуры борющихся сторон прямыми ударами по органам руководства и управления, военно-экономическому потенциалу и населению. В некоторых условиях при применении стратегического оружия достижение победы в войне становится возможным даже без воздействий по группировкам вооруженных сил, без борьбы между самими ВС.

Реально сложившиеся геополитические условия, в которых на такие возможности вооружения вышло несколько потенциальных противников, позволяют придать современным войнам более значительную стратегическую направленность, а борьбу между вооруженными силами сторон оперативно-тактическим оружием считать уже не главной, а то и не обязательной составной частью крупномасштабных войн.

Применение стратегического оружия коренным образом меняет само предназначение и роль ВС неагрессивной стороны. Если с применением только оперативно-тактического оружия агрессию можно лишь отразить обязательной борьбой вооруженных сил между собой, то с применением стратегического оружия ее можно предотвратить и угрозой ответной поражения всей инфраструктуры нападающей стороны.

Поражающая мощь оружия позволяет ориентировать политику не на победу в неизбежной (непредотвращаемой) крупномасштабной войне, а на ее предотвращение. Такое сдерживание агрессора от нападения вполне возможно. В 1941—1945 годах мы отразили агрессию Германии оперативно-тактическим оружием за четыре года с огромными людскими жертвами армии и населения, а также материальными потерями. А возникшую через столько же лет угрозу новой агрессии мы сдерживаем, хотя и ценой огромных затрат, но без человеческих жертв и разрушений вот уже 63 года. И это не предел.

Однако ориентация только на один первый фактор мощь оружия не гарантирует обороняющуюся сторону от собственных просчетов и авантюризма агрессора. Для гарантированного предотвращения агрессий необходимо соблюдение двух условий:

во-первых, чтобы силы сдерживания обладали способностью быть гарантированными силами возмездия потенциальному агрессору;

во-вторых, чтобы силы отражения непредотвращаемых агрессий обладали способностью надежно не допустить нанесения инфраструктуре обороняющейся стороны неприемлемых потерь (ущерба).

Так проявляется влияние развития первого рассматриваемого фактора — поражающей силы (мощи) оружия. Оно не одинаково проявляется для нападающей и обороняющейся сторон. Для совершения агрессий требуется иметь только наступательное сухопутное или морское оружие разных дальностей, а для их сдерживания (и возмездия) кроме дальнобойного оружия еще и средства обнаружения (предупреждения), информации и управления. В этой связи защищаться от агрессии всегда сложнее, затратнее и дольше по времени, чем совершать ее. На этом существует и фактор внезапности начала нападения.

Второй фактор — дальность действия оружия. Ее рост позволяет увеличивать зону поражения, а в ней и количество объектов, поражаемых одной боевой единицей оружия. Это понятно и воспринимается. Но гораздо значительнее влияние этого фактора проявляется через время сближения оружия с объектом поражения.

Увеличение времени пребывания оружия в полете к объекту открывает совершенно новые возможности борьбы с таким оружием воздействием по нему не единожды, а дважды — не только в районах его базирования (по боевым позициям и другим наземным и морским элементам), таким же оружием, но и в полете (на маршрутах, траекториях, орбитах) только другим оружием — специальным *противооружием*.

А по многоразовым, в основном пока пилотируемым СВН, такие возможности появляются и на обратном пути их полета от объектов.

Создание и применение противооружия, направленного против летящего наступательного (ударного) оружия нападающей стороны, позволяет обороняющейся стороне рассматривать такое летящее оружие как воздушные (воздушно-космические) объекты борьбы. В этой связи воздушно-космическое пространство тоже становится сферой воздушной (воздушно-космической) вооруженной борьбы.

Противооружие обороняющейся стороны при этом является инициативной стороной. Оно ведет борьбу с избегающим поражения летящим на «свои объекты поражения» оружием нападающей стороны. Именно противооружие обороняющейся стороны оказывается оружием третьей (воздушной) сферы вооруженной борьбы, а применяющие его войска и силы являются *не воздушными*, а *противовоздушными* войсками и силами.

Наступательное же авиационное, воздухоплавательное и ракетное ударное оружие является просто самым дальнобойным из всех вида наземного (сухопутного) и морского оружия, выделенным из других их видов и причисленным к воздушно-космической сфере вооруженной борьбы лишь по недоразумению, а не по научным аргументам.

Его главное, коренное отличие не в том, что оно летает, как думают многие, летает все, и не в том, что летает дальше других, а в том, что *летает дольше других* и именно это обуславливает диалектический переход «количества в качество», давая время для воздействий по нему не единожды в одном месте, а дважды в двух местах — по базам и в полете, а по многоразовым СВН — еще и в обе стороны.

Непонимание этого, прежде всего «авиаторами», мешает планомерному развитию не только ВВС, но и всех ВС в целом. Устранить такое непонимание можно лишь глубоко осмыслив *принципиальные особенности и коренные отличия* третьей сферы вооруженной борьбы.

Без глубокого понимания сущности изложенных исходных посылок браться за решение проблемы ВКО страны, повторю, бесполезно.

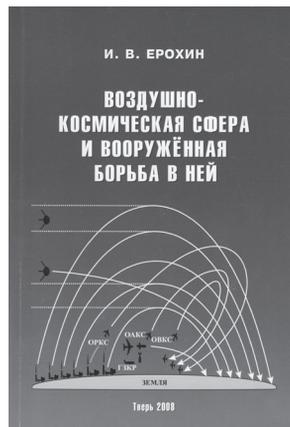
Опыт многолетнего ведущего участия в разработке проблемы ВКО Советского Союза, дополненный многочисленными инициативными исследованиями, подсказывает нам ошибочность и нереальность предлагаемых и намечаемых пу-

тей создания ВКО России и, прежде всего, немисли- мую грандиозность ее масштабов. Постановка рабо- ты должна быть иной, а основные исходные посылки — предварительно уяснены и существенно уточнены. Это отражено в новой книге «**Воздушно-космическая сфера и вооруженная борьба в ней**». В ней изложен цельный комплекс авторских предложений вначале по приведению оргструктуры ВС России в соответ- ствие с их предназначением и современной обста- новкой, а затем по самой Системе ВКО Страны, ее созданию и построению в обоснованной структуре Вооруженных Сил.

От редакции:

Книга И.В. Ерохина «Воздушно-космическая сфера и вооруженная борьба в ней» распространяется лично автором бесплатно путем целевого дарения конкретным должностным лицам, ветеранам, коллективам и библиотекам военных, военно-промышленных, научно-исследовательских организаций, учебных заведений, штабов и войск.

Адрес автора: 170005, г. Тверь, 5, ул. Горького, 62/1, кв. 84, тел. (4822) 52-24-35

Учредитель: Министерство обороны Российской Федерации
Регистрационный № 01974 от 30.12.1992 г.

В подготовке номера принимали участие:

Научные редакторы: Ю.Н. Голубев, В.Н. Каранкевич, Д.В. Козин,
Ю.М. Корольков, В.М. Прилуцкий, И.П. Русанов, В.Н. Шетников, В.В. Юдин
Литературные редакторы: Н.В. Ефремова, С.Г. Коденко, О.Н. Чупшева (зам. отв. секретаря)

Компьютерная верстка: Н.В. Гаврилова

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Сдано в набор 04.09.08
Формат 70x108 1/16
Печать офсетная

Тираж 2450 экз.

Подписано к печати 25.09.08
Бумага офсетная 5 п.л.
Заказ №

Допечатная подготовка — Редакционно-издательский центр МО РФ

Отпечатано в типографии ООО «Красногорская типография»